

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ

**Научный «круглый стол»
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ,
БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ
XIX — начала XX века»**

28 октября 2013 г.

**К 135-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты
и 80-летию со дня рождения профессора И. В. Оржеховского**

МИНСК
2014

УДК 94(470)"18/19"(082)+94(476)"18/19"(082)+94(477)"18/19"(082)
П 781

Печатается по решению Совета исторического факультета
Белорусского государственного университета
(протокол № 6 от 11 марта 2014 года)

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор В. Ф. Голубев;
Кандидат исторических наук, доцент А. П. Сальков

Редакционная коллегия:

Кандидат исторических наук, профессор О. А. Яновский;
Кандидат исторических наук, доцент В. В. Сергеенкова

Проблемы истории России, Беларуси и Украины XIX – начала XX века : научный «круглый стол», 28 октября 2013 г., к 135-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты и 80-летию со дня рождения профессора И. В. Оржеховского : сборник статей / БГУ, Исторический фак., Каф. истории России ; редкол.: О. А. Яновский, В. В. Сергеенкова. – Минск : БГУ, 2014. – 186 с. : ил. – Библиогр в конце отд. ст.

В сборнике опубликованы статьи участников научного «круглого стола», посвященного 135-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты и 80-летию со дня рождения профессора И. В. Оржеховского. В представленных работах рассмотрены актуальные научные проблемы истории России, Беларуси и Украины XIX — начала XX в.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, специалистов и всех читателей, интересующихся историей.

Содержание

<p>О. А. Яновский. От интеллектуального оппонирования к оппозиционности интеллигента? (попытка «историко-терминологического» анализа некоторых особенностей развития российского государства) .....</p> <p>O. A. Yanouski. «From intellectual opponency to the oppositional member of the intelligentsia? (the attempt of «historical and terminological» analysis some features of the development of the Russian state)» .....</p>	6
<p>В. В. Сергеенкова. Игорь Вацлавович Оржеховский: этапы пути и рождение в вечность .....</p> <p>V. V. Sergeenкова. Igor Vatslavovich Orzekhowski: Stages of the Way and Birth to Eternity .....</p>	31
<p>С. Н. Темушев. История Древней Руси в научном творчестве В. И. Пичеты .....</p> <p>St. N. Tsemushau. History of Ancient Russia in scientific creativity V. I. Picheta .....</p>	41
<p>В. А. Теплова. Специфика церковно-приходской жизни православного населения Полоцкой епархии в период 1839—1917 гг. ....</p> <p>V. A. Teplova. The specifics of the parish life of the Orthodox population of the Polotsk diocese during 1839—1917 .....</p>	49
<p>С. Л. Луговцова. Переполох в администрации Минской губернии, как следствие частного письма М. Ходько .....</p> <p>Sv. L. Lougovtsova. The stir at the Minsk province administration, as a result of the private letter of M. Chodzko .....</p>	69
<p>Е. В. Шило. Особенности деятельности дворянских собраний в западных губерниях России в первой четверти XIX в. ....</p> <p>E.V. Shilo. Distinguishing features in an activity of assembles of the nobility in western provinces of Russia in the first quarter of XIX century .....</p>	76
<p>А. С. Хомеев. Генезис церковной унии в 1569—1596 гг. в трудах М. О. Кояловича .....</p>	

A. S. Khoteev. The Genesis of the Uniate Church in 1569—1596 in the Writings of M. O. Kojalovich	86
Е. Г. Луферчик. Политика российского правительства по польскому вопросу и ее освещение в периодической печати (середина 1860-х — 1870-е гг.)	
Y. G. Luferchyk. The Russian Government Policy on the Polish Question and its Presentation in the Periodical Press (the mid-1860s — 1870s)	96
О. И. Ершова. Система Приказов общественного призрения в Российской империи	
O. I. Ershova. The system of Offices of social charity in Russian empire	104
П. П. Бухавец. Стварэнне сельскагаспадарчых таварыстваў у Беларусі (XIX — пачатак XX ст.)	
P. P. Bukhavets. The Establishment of Agricultural Societies in Belarus (the 19th — Beginning of the 20th Century)	113
В. А. Кохнович. «Новое крепостничество» в современной российской историографии аграрной истории России XIX в.	
V. A. Kohnovich. «The new serfdom» in contemporary Russian historiography of Russian agrarian history of the 19 th Century	121
С. В. Жарко. Отношение общественности США к войне 1812 г. в России	
S. V. Zharko. The Public's Attitude of the USA to the War of 1812 in Russia	131
Ф. А. Некрашевич. Резервный корпус: пример межнациональных взаимоотношений в российской армии	
F. A. Nekrashevich. The Reserve Corps: the Example of Interethnic Relations in the Russian Army	135
Ю. С. Литвинчук. Восстание 1863—1864 гг. в работах художников XIX в.	
Ju. S. Litvinchuk. The Uprising of 1863—1864 in the Works of Artists of the 19th Century	142
В. В. Сергеенкова, Е. Н. Балыкина. Электронное учебное	

издание «Внутренняя политика Николая I»	
<i>V. V. Sergeenkova, E. N. Balykina.</i> Electronic textbook «Internal policy of Nicholas I»	147
<i>Р. Ю. Урбанович.</i> Стратегии интерпретации данных статистических источников в изучении этнической истории Беларуси XIX в.: случай белорусско-литовского пограничья	
<i>R. Ju. Urbanovich.</i> The Strategy of Interpretation of Data of the Statistical Sources in the Study of Ethnic History of Belarus of the 19th Century: the Case of the Belarusian-Lithuanian Borderlands	157
<i>А. А. Загорнов.</i> Законодательное обеспечение введения суда присяжных на белорусской территории во второй половине XIX века	
<i>A. A. Zagornov.</i> The Legislative Provision of Jury Trials on the Belarusian Territory in the Second Half of the 19th Century	165
<i>Д. С. Лавринович.</i> Борьба политических партий и общественных организаций за изменение выборного законодательства в Государственную думу и Государственный совет на территории Беларуси (1906—1911 гг.)	
<i>D. S. Lavrinovich.</i> The Struggle of Political Parties and Public Organizations to Change the Election Law in the State Duma and the Council of State on the Territory of Belarus (1906—1911) ...	170
<i>Я. В. Карпенкіна.</i> Міжэтнічныя стасункі дзяцей «мяжы аселасці» Расійскай імперыі ў XIX — пачатку XX ст.	
<i>Ja. V. Karpenkina.</i> The Interethnic Relations of Children of the “Pale of Settlement” of Imperial Russia in the 19th — Beginning of the 20th Century	179

О. А. Яновский,
кандидат исторических наук, профессор
Белорусский государственный университет, (Минск)

**ОТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ОППОНИРОВАНИЯ
К ОППОЗИЦИОННОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНТА?
(попытка «историко-терминологического» анализа
некоторых особенностей развития российского государства)**

На примерах различных этапов и сюжетов российской истории сделана попытка определить смысловое подобие и различие в терминах «оппонент», «оппозиционер», «интеллектуал», «интеллигент». Обращено внимание на то, что в научной и художественной литературе, но особенно в журналистике и языке политиков эти термины используются то как синонимы, то противопоставляются по смысловому наполнению. Делается это или осознанно, чтобы решить стратегические или текущие политические задачи, или, чаще всего, по причине небрежности в лексическом употреблении. Приведены различные примеры научного и художественно-публицистического характера в подтверждение авторского вывода о том, что уточнение и дифференциация дефиниций терминов «оппонент» — «оппозиционер» позволит избежать путаницы в понимании сущностных характеристик понятий «интеллигенция — интеллектуалы».

О. А. Yanouski
**«FROM INTELLECTUAL OPPONENCY TO THE OPPOSITIONAL
MEMBER OF THE INTELLIGENTSIA?
(the attempt of «historical and terminological» analysis some features
of the development of the Russian state)».**

Based on the examples of the various stages and chapters of Russian history we attempted to determine the semantic similarity and difference in terms of the «opponent», «opposition», «intellectual», «member of the intelligentsia». Attention has been drawn to the fact that in scientific and fiction literature, and especially in journalism and political terminology such terms are used either as synonyms or being opposed to each other. This is done consciously in order to resolve political or strategic objectives or, more often, be-

cause of negligence in the lexical use. The use of various examples of scientific and fiction-journalistic nature support the author's conclusion that the specification and differentiation of the definitions of the terms «opponent» — «opposition» to avoid confusion in the understanding of the essential characteristics of the concepts of «intelligentsia — intellectuals».

Представляется, что в современной политической (да и исторической) науке, а тем более в СМИ смысловое наполнение и интерпретация понятий «оппонент» и «оппозиционер», «оппонировать» и «быть в оппозиции» то радикально отличается, то чуть ли не схоже. А в фундаментальных «толковых» словарях их составители не делают сколь-нибудь существенного разграничения в практике употребления (хотя в первом случае акцент делается на вербальном проявлении «opponere», когда противопоставляется свое, отличное от доминирующего, мнение; а во втором — отрицание через некие действия (в том числе силу, и не случайно в качестве синонимов «оппозиционности» называют «противодействие», «обструкцию», «противостояние» и др.).

В судьбе почти всякого интеллектуально развитого, любого здравомыслящего человека жизненная и творческая позиции не раз в определенной степени входили в противоречие не только с властной политикой, но и в целом с «мироустройством», в котором суждено реализовывать свои планы, себя. И не раз во взглядах и действиях происходило соприкосновение с процессами государственного масштаба. Эти процессы, в той или иной форме переосмысленные в силу личностного понимания, затем налагались на важнейшие принципы построения российского государства, зафиксированные юридически или в традициях общественного восприятия. То есть, речь можно вести о некоем внутреннем поиске эфемерной «идеальной» власти, который свойственен аналитическому разуму. Одновременно в круг мыслительной деятельности «человека разумного» постоянно входит озабоченность тяготами гражданской жизни, материального и духовного положения различных категорий общества. И она то непосредственно активизирует раздумья о «проблемах вечных», глобальных — о соотношении связей и разрывов в своеобразных дуумвирах «власть и народ», «индивид и власти предержавшие» и т. д.

И все же подобные проблемные поля в первую очередь присущи «жизненным позициям» тех, кого в XIX в. все чаще стали называть «русской интеллигенцией», подразумевая, прежде всего, все ту же эли-

тарную, интеллектуальную часть общества, наделенную не только широкими познаниями и талантами в различных сферах деятельности, но и неравнодушием к «злу окружающего мира». Именно их стремление, в силу возможного, выявить причинно-следственные обстоятельства, обеспечившие в прошлом и настоящем российской действительности господство зла над добром, найти пути их искоренения и механизмы утверждения «идеальной» власти и «идеального» общества, гармонии между ними и определяет смысл термина «интеллигенция». Как и то, что интеллигент, это не просто человек, обладающий обширными знаниями, но стремящийся к их использованию во благо других, своих сограждан, своей родины, если не «всего человечества».

Сколь характерными для миллионов людей, населявших огромную территорию России всех периодов ее истории, были и остаются «обломовщина», «хлестаковщина», «маниловщина» и т. д., а тем более протестный житейский принцип «моя хата с краю», так и характерен феномен сущностных характеристик «русской интеллигенции». Они-то в XX веке стали дополняться более жесткими в смысловом отношении проявлениями, обозначенные в терминологическом плане весьма разнообразно: «нонконформизм», политическое «диссидентство», «инакомыслие» по отношению ко всему и вся, а прежде — к властной политике. В разных ситуациях и в разные периоды истории дефиниции этих терминов отражали то ли попытки лояльного оппонирования (через вербальные и визуальные произведения, исторические и философские трактаты, подачу «пропозиций» о необходимости законодательных, экономических и иных изменений и т. д.); то ли безобидного или, наоборот, едкого высмеивания самых различных проявлений деятельности аппарата власти и верховных правителей; то ли прямые призывы к широким массам задуматься о возможных путях (в том числе насильственных) к изменению власти. В последнем случае явно обозначен переход в оппозиционное состояние мысли и действий, которые в их крайнем проявлении активности обозначаются то «экстремизмом», то «радикализмом», то «терроризмом», то привычно-собираемым термином «революционность».

Однако далеко не всегда интеллигенция, несмотря на свои усилия «осчастливить» сограждан, позитивно ими воспринималась. В некой вульгарной форме ее охарактеризовал в сложном 1919 г. большевистский вождь В. И. Ленин. В пространном письме Максиму Горькому он поучал

«пролетарского писателя», что *«Интеллектуальные силы» народа смешивать с «силами» интеллигентов неправильно», а более того — противопоставил «интеллектуальные силы рабочих и крестьян» силам «интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации...».* И тут же, говоря о «гносной» брошюре писателя В. Г. Короленко, заключил, что *«Таким «талантам» не грех посидеть недельки в тюрьме...»* [1, с. 48].

Более сдержаны в отношении себя сами интеллигенты. Так, весьма неоднозначный в мыслях и поступках Лев Тихомиров в начале XX в. писал: *«Человек нашей интеллигенции формирует свой ум..., создаёт себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где всё очень стройно, кроме основания — совершенно слабого».* И констатировал, что *«России был и остаётся нужен образованный человек, нужен был, нужен и теперь подвижник правды. Но это ничуть не значит, чтобы ей нужен был «интеллигент» со всеми его претензиями на господство в дезорганизованной им же стране»* [2]. И сегодня многократно можно встретить тех, кто считает «сваім грамадзянскім абавязкам спрыяць пераменам у краіне» и оставаться одновременно просто «интеллектуалами». Это терминологическое и смысловое (политическое?) «двуединство», хотя бы, подтверждает деятельность в Беларуси «Рады інтэлігенцыі», которая, по утверждению ее руководства, «узнікла як структура інтэлектуалаў...» [3].

Не счесть примеров поэтического осмысления предназначения творческих и равнодушных людей. Великий баснописец Иван Крылов через «собачьи нравы» в басне «Две собаки» заметил, что «Как счастье многие находят / Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!». Его собрат по перу, на сегодня уже подзабытый баснописец Иван Дмитриев, среди литераторов находил немало «стиховралей», стремившихся лишь через свои мадригалы достичь «награды перстеньком...иль дружество с князьком». Но он же ценил тех своих коллег, кто «всегда велик душой» и главное — «ласкать самим царям считает за порок». Эти эмоциональные оценки по-белорусски в начале XX в. (1907 г.) в стихотворении «Разлад» передан талантом Янки Купалы: «Аслу з напойненай машною / Леў акаваны лапы ліжа...». В несравненно более жестких политических условиях терзались в размышлениях о своем предназначении и «привязанности» к власти советские писатели. Сегодня как бы уже «не актуаль-

ный» Сергей Наровчатов в очередной раз пытался все же увидеть в творчестве себе подобных «собратьев по перу» Истину. *«Пишты, философы и богословы, / Говорящие на семи языках, / Срывающие покровы, одевающие покровы, / Стоящие от истины в двух шагах»* [4, с. 13]. А остающийся даже сейчас «знаковым» Андрей Дементьев пытается быть открытыми перед собой и своим читателем: *«Лишь одного я вечно опасуюсь... / При всех властях не изменять себе!»*.

Называя сотни и сотни имен оппонентов тем или иным проявлениям властной политики, общественно-политического устройства, повседневности жизни обывателя и др. нельзя напрямую усмотреть за ними стремление к овладению самой властью. Поэтому есть все основания провести черту между «оппонентами» власти и «оппозиционерами» с очевидными властными амбициями. Считаем, что это совершенно разная жизненная позиция и целеустановка. Правда, нередко в оценках самой власти любое предложение и «иной» взгляд, исходящие от людей с «активной жизненной позицией», воспринимались и продолжают восприниматься как покушение на «незыблемость устоев». Но это уже есть проявление природы всякой не демократичной власти. А в истории России она-то всегда и была таковой. Поэтому не без оснований современный русский писатель Виктор Ерофеев в газетном интервью несколько безапелляционно утверждает, что *«Наша литература почти вся революционна. В ней описано полное несогласие с реальностью»* [5].

Одно замечание. Сегодня сложно «по свежим следам» оценивать позиции тех, кто тем или иным образом высказывает свою точку зрения, отличную от установок и действий власти (то ли это лидеры эстрадно-песенной «попсы» Андрей Макаревич и Юрий Шевчук, то ли активно публичные писатели Борис Акунин и Дмитрий Быков, то ли вполне лояльные режиссеры Марк Захаров и Павел Лунгин, то ли «независимые» ведущие и комментаторы телеканалов и иных СМИ — типа «Дождь», «Независимая газета», «Коммерсантъ» и др.). Отметим, что подобный список по именам и творческим профессиям можно составить очень длинным, принимая в расчет как времена ушедшие, так и текущие... Но в отношении современных российской науки, литературы, публицистики, театра, эстрады в различных их формах и проявлениях потребуется время, чтобы стало возможным оценить прямой и эзопов язык оппонирования. Информационный же феномен Интернета вообще снял вопрос о

степени доведения оппонирующей мысли не только до власти, но и до самых широких слоев публики, до обывателя. А это главное: активный оппонент советских устоев писатель Владимир Войнович, анализируя уже политические процессы современной России, отмечает, что *«советскую власть свели в могилу источники информации — радиостанции, самиздат, магнитофонные записи Галича, Высоцкого, Окуджавы»* » [6].

В целом сложно брать на себя ответственность, прибегая к подобно-го рода оценкам, когда изначально как бы надо определить, насколько человек искренен в своих идеях и попытках их реализации. Не секрет, что часто, по выражению бывшего многолетнего директора Пушкинского музея (ГМИИ) Ирины Антоновой, человек вынужден быть *«для себя — одним, для других — другим»* и *«пребывать в «лжи существования»* [7]. Да и власть за XX столетие хорошо научилась пресекать не только явные и опасные проявления инакомыслия, но и даже сокровенно-личные. Нельзя не видеть и то, что во многих случаях даже самые либерально настроенные оппоненты в своих умственных и творческо-оформленных построениях исходят из идеи России как все той же идеократической империи, когда «отечество» — это «Отец», «государство» — «Государь»! А бурные всплески патриотизма почему-то отмечены преимущественно в годы чужеземных напастей — от Смуты начала XVII в. до фашистской агрессии середины XX в., когда миллионы вдруг объединялись вокруг Романовых или Сталина (хотя, отметим, через время с не меньшим рвением ниспровергали династию и «сталинизм»).

Однако очевидно, что в идеях, осененных несомненными умственными и творческими талантами, зафиксированы общечеловеческие ценности. А многие из конкретных предложений и возвышенных мечтаний «оппонентов» смогли в той или иной мере осуществиться в реальной политической и общественной жизни России.

Всегда было сложно постичь суть тех, кто что-то (во власти, в устройстве общества, в человеке и др.) в разные времена стремился изменить или даже ниспровергнуть. Вот и проект кафедры истории России, как продолжательницы традиций кафедры истории СССР досоветского периода исторического факультета Белорусского государственного университета, лишь в 2013—2014 гг. завершившийся выходом трехтомного биографического словаря «Кортеж российской власти» [8] о деятелях российской истории, с большой долей условности определил в структуре

издания две разные главы: в одну собраны те, кого определили «оппонентом» власти, а в другую — «оппозиционерами, или искушаемыми властью».

Первые — по сути все те, кто обладает способностью анализировать происходящее вокруг и предлагать (то ли «на кухне», то ли в открытую в СМИ, в своих научных или литературных работах и прочих творческих делах) возможные улучшения жизни личной и общественной, но без посягательств на устойчивые политические. Просто — размышляя предлагать, предлагать в разной форме активности. Оппоненты — наиболее легкий материал для гнобления любой властью. Что она и делала постоянно. В назидание, чтобы за оппонированием не пошла оппозиционность (а здесь грань весьма тонкая). А вот вторые — это те, кто под лозунгами, знамёнами «народных интересов» сами всякими способами стремятся взойти на вершину власти. И на этом пути кроме одержимости в идеях построения «общества равных» всегда было полно шкурничества, лицемерия и пр. В случае же овладения властью через некоторое время победители, как правило, превращались в подобие свергнутых властителей, мало чем отличаясь от самых одиозных правителей и режимов. Но именно они постоянно на виду, они будоражат и провоцируют «массы».

Разумеется, это достаточно условная и субъективная интерпретация дефиниций как бы схожих и однокоренных слов-терминов. Подобный взгляд, если не ошибаюсь, на сегодня не усматривается ни в науке, ни в СМИ. Все «пользователи» этих терминов (политологи, журналисты, политики и прочие) не делают между ними сколь-нибудь четкого разграничения. Всех как бы устраивает присутствие этих терминов в одной синонимической корзине, откуда их по тому или иному случаю вытаскивают в самой разной их «упаковке» — сопровождении определениями и эпитетами. В официальной (провластной) журналистике часто в основе их употребления заложен упрощенный смысл: мол, кто лишь высказывает сомнение о правомерности тех или иных действий власти, то тот сразу становится ее врагом, посягает на власть. Конечно, этот смысловой постулат, как указывалось выше, присущ режимам недемократическим в основе своей. А для России подобная власть — исторически абсолютная данность.

В подобных рассуждениях нельзя обойти вниманием весьма любопытное обстоятельство. И раньше, и сейчас среди самых как бы ярких оп-

позиционером не единожды, а сотни и тысячи раз действовал принцип: попытался проявиться на фоне неких протестных волн, а потом, используя ситуацию в своих личных интересах, упрятаться поглубже и подалее, лучше — за границу. Если кто-либо и был до конца (смерть, ссылка, тюрьма и т. д.) предан своим умственным построениям (в части оппонирования или в части ниспровержения власти), то его чаще всего «записывали» «трезвомыслящие» интеллектуалы да и некая историко-политическая традиция (ее всякими способами укореняли в общественное сознание) в разряд фанатиков, то есть людей, психика которых нарушена (как одно из проявлений шизофрении).

С таким подходом нередко оценивает даже наука История (!) судьбы-биографии российских декабристов, народников, марксистов и прочих бунтарей. Хотя нельзя не увидеть в них некую трагическую закономерность — немало из них кончали жизнь самоубийством! Об этом написано достаточно много медицинских и иных трактатов, а сегодня в Интернете легко найти научное и порой не совсем подтверждение тому. Так, пару лет назад его «взорвал» (в части умных и аналитически настроенных пользователей) вывод американских медиков и психиатров. Они после своих специальных исследований сделали выводы, что оппозиционность есть проявление психических болезней. И даже выявили эту болезнь у 3—5 % людей. За ними и представители других наук (социологи, политологи, историки и др.) стали упражняться в своих подобных доказательствах [9].

Как в СМИ, так и в политологии (она постоянно тяготеет к публичности и сегодня органично вписалась в «поле» журналистики в разные ее формы — пресса, ТВ, Интернет и пр.) «оппозиционность («системная» и «не (без) системная», «конструктивная» и «деструктивная» и др.) часто подменяется общим термином «протестное поведение». А вот его-то врачи называют «поведенческим расстройством» взрослых. Они же считают, что для детей такое протестное поведение есть норма, но требующая все же долготерпеливого лечения через, главным образом, увлечение детей творчеством! В этой медпсихданности в контексте наших рассуждений можно говорить о том, что интеллектуал как a priori творческая личность не должен быть подвержен и увлекаем оппозиционными настроениями и действиями. Но потому же он в силу своей творческой природы, настроенной на постоянную аналитику всего и вся, и в силу сво-

его интеллекта есть натуральный оппонент происходящему, в том числе и в общественно-политической сфере. (Кстати, напрашивается и вывод о том, что всякий оппонент — задержавшийся в своем развитии наивный «ребенок» с проявлениями повышенной активности в своем «протестном поведении»!).

Здесь следует вернуться в своих рассуждениях назад и вновь обратиться к осмыслению опять же созвучных и однокоренных терминов — «интеллигенция» и «интеллектуалы». О дефинициях первого написано, пожалуй, столько, что впору развести руками от своего бессилия постигнуть сотни называемых исследователями его форм, проявлений, характеристик и т. д., что присутствуют в монографиях и статьях по разным гуманитарным наукам. Даже имеются специальные исследования только лишь историографии проблемы: «кто есть интеллигент», «что есть интеллигенция» [10]. И одним из важнейших сюжетов исследовательских интересов является проблема «интеллигенция и власть». Разумеется, основной массив литературы в данном исследовательском контексте посвящен изучению проблематики общероссийской масштабности. Более того, существует целый ряд исследовательских центров, где эти вопросы приоритетны. Например, Ивановский НИИ интеллигентоведения под руководством профессора В. С. Меметова в 2014 г. проводит уже 25-ю научную конференцию. И всегда в поле зрения ученых находятся вопросы такого рода:

- интеллигенция и креативный класс: соотношение понятий в современном обществе;
- интеллигенция в процессах преобразования мира;
- молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества;
- политическая культура интеллигенции;
- отечественная и мировая интеллигенция в кризисные периоды истории и др.

Как, впрочем, предметом многолетних дискуссий являются проблемы общего, принципиального характера:

- дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения;
- генезис, формирование, становление и развитие деятельности интеллигенции и др.

В еще большей заостренности проблема изучается историографиями национальными. Для нас интереснее всего, что пишут и как интерпретируют ее белорусские и украинские историки. Только-только вышли очередные исследования, которые в очередной раз дают возможность убедиться в том, насколько актуальным был и остается данный вопрос для ученых молодых суверенных государств. Ведь в контексте представления социальных «элит», «интеллигенции», «интеллектуалов» и т. д. всегда смысловые парадигмы «заточены» на глобальных проблемах, столь важных для белорусов и украинцев — самоидентификация, формирование национального самосознания, «национально-культурное возрождение», генезис «национального движения» и пр. Эти связи прослежены в ряде чисто историографических работ историков Беларуси и Украины [11; 12; 13; 14].

В монографии ученых Института истории НАН Беларуси, вышедшей в 2006 г., в названиях разделов и параграфов термин «интеллигенция» даже не назван, хотя имеется анализ достигнутого за XX век в изучении проблемы «беларускі нацыянальны рух: асноўныя напрамкі развіцця». В специальном параграфе с таким названием [11, с. 87—107] рассмотрены работы, в которых характер белорусской интеллигенции прослежен с самых разных исследовательских точек зрения и подходов: «прапольская», «літуанізаваная», «прабеларуская», «разночинная», «национально-демократическая» и т. д. В следующей же коллективной историографической монографии 2011 года в специальном разделе «Беларуская нацыянальна-дзяржаўная ідэя ў канцы XIX ст. — 1917 г.», который написал А. В. Унучек, в контексте значимых политических событий указанного времени представлены не только наработки белорусских историков в изучении «афармлення і распрацоўкі інтэлігенцыяй беларускай нацыянальна-дзяржаўнай ідэі: ад народнікаў да канца “нашаніўскага перыяду”» [12, с. 229—252], но и в изучении интеллектуального и политически заангажированного соперничества между представителями «заходнерусізма» и «краёвасці» [12, с. 252—277]. Отмечу, что современный историк А. Ф. Смоленчук сумел найти «нишу» для темы своей докторской диссертации именно «Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх землях. 1864—1917 гг.», как названа его монография «под» докторскую [15]. Но и в ней наш поиск если не однозначности, то четкости в использовании

«затёртых» учеными и политиками терминов не дал сколь-нибудь оригинальных их дефиниций.

Можно говорить о том, что «интеллектуальная история» сегодня, как прежде, по-настоящему не стала для нас, белорусов, специальным предметом научных интересов, хотя о ней пространно и «всуе», как и десятилетиями ранее (см., хотя бы же, первый том «знаменитого» историей своего создания и использования в научных и учебных целях академического двухтомника «История БССР» 1954 года издания [16]), почти всегда упоминается. Вспоминают, когда речь заходит о ее взаимоотношениях с властью. Советские же годы почти полностью выпадали и продолжают выпадать из контекста рассуждений белорусских историков (в отличие от российских, украинских и др.) о причинно-следственных связях в эволюции государства, общества, отдельных его структурных элементов с учетом идей и позиций интеллектуальной элиты белорусского социума. Правда, нельзя не отметить ряд различных по характеру и структуре работ, в которых она исследуется в контексте обрушившихся на неё репрессий в 1920—1930-е гг. К сожалению, эти работы и сегодня «официально» расцениваются как продукт «неофициальной» историографии, а поэтому не «авторитетны» для так и не устоявшегося в национальных парадигмах за более чем 20 лет суверенности страны ее исторического научного сообщества [17; 18; 19; 20]. Выделяются своей информационной насыщенностью и научной аналитикой несколько исследовательско-документальных изданий, состоявшихся во многом благодаря творческой компетенции и энтузиазму выпускника журфака БГУ, бывшего историка-«капээсэсника», партийного работника и директора Института истории партии при ЦК КПБ Р. П. Платонова, который в условиях суверенной Беларуси как никто другой посчитал своей задачей раскрыть трагизм и возвышенность судеб белорусских интеллектуалов [21; 22; 23; 24; 25; 26].

Некоторые сюжеты в связи с устоявшимся в науке пониманием термина и феномена «интеллигенция» не ушли из-под внимания авторов современных исследований, обобщающих социально-политические процессы, происходившие на белорусско-украинских землях Российской империи. Так, в монографии «под» докторскую диссертацию белорусский историк А. Г. Кохановский проблеме становления и сущностных характеристик интеллигенции отвел особый раздел в главе «Станаўленне

класаў буржуазнага грамадства» [27, с. 244—251]. А два украинских автора, будучи не историками, но депутатом Рады (первый) и журналистом (второй), в громадном по объему и замыслу издании одну из глав назвали «Народ и интеллигенция» [28, с. 178—183]. Они весьма резко характеризуют интеллигенцию — вообще как маргиналов. В том числе таковой подается и украинская интеллигенция конца XIX — начала XX в. Якобы в России с XVI в. не было аристократии, и ее место занимало дворянство [28, с. 180], хотя оно не могло быть ею, ибо *с л у ж и л о* (!) царю. Посему нишу аристократии в Украине и России заняла так называемая «интеллигенция» [28, с. 181]. Её, мол, стимулировала Екатерина II, *«чтобы оживить культурную жизнь империи»*. А вот затем *«эту разнородную массу стал объединять только один признак — все они прошли через с т у д е н ч е с т в о* [28, с. 182]. В те годы даже, как отмечено в литературе, жандармы всякого отличного умом человека, но человека беспокойного в своих взглядах, оценках, поступках, называли «студент» (О. Я. — вспомним студента-Шурика в ЛТП из «Операция Ы...»!). Здесь украинские авторы в подтверждение своих оценок ссылаются даже на высказывание творца теории о ноосфере Владимира Ивановича Вернадского, который не только считал одной из основных предпосылок возникновения ноосферы победу демократий и доступ к управлению широких народных масс, но и подметил ряд черт российской интеллигенции: она якобы *«не была связана с государством и не ценила государство»*.

В данном контексте подобные ссылки на авторитетов от самых различных областей научных знаний можно бесконечно множить. Ведь опять же — высказывания на сей счет высокообразованных и неравнодушных интеллектуалов всегда подчеркивали их природное свойство оппонировать всему, что интересно и важно как с профессиональной, так и общественной точек зрения. Уникальный русский мыслитель Георгий Петрович Федотов среди сотен своих неординарных трудов в отдельном сюжете размышлений пытался совместить как бы разное: святость, интеллигентность и большевизм! И, как отмечает составитель сборника такого рода работ философа, они *«раскрепощают сознание, внушают оптимизм и веру в будущее России»* [29, с. 4]. Не остался в стороне от схожих умственных терзаний и первый лектор БГУ, профессор-историк Дмитрий Петрович Кончаловский. В изданной уже в 1944 г. в Париже его книге есть глава «Интеллигенция дореволюционная», а также не-

оконченное автором ее продолжение, оформленное в «Отделе документов» как «Интеллигенция советская» [30, с. 105—173, 229—258]. Историк пишет, что *«Вместе с воцарением большевизма новая советская интеллигенция превращается в противоположность старой. Она не растет самопроизвольно, она изготавливается правительством»* [30, с. 253]. Что же касается «старой» интеллигенции, то дается пространная характеристика, из которой можно в нашем контексте сослаться на следующее определение: *«специфический признак принадлежности к интеллигенции у таких лиц (О. Я. — люди «умственного труда») именно в том и заключается, что не профессия, не специальное их дело формирует их духовный тип, а общее им всем умонастроение и объединяющая их критическая установка в отношении к деятельности, особенно к общественности, их «оппозиционность»* [30, с. 112].

Позже в том же Париже была опубликована другая книга Д. П. Кончаловского [31]. В ней уже на основе ранее не опубликованных писем, записей, воспоминаний историка издатели отсистематизировали схожие его размышления. И среди прочего российский интеллектуал и интеллигент назвал причины, условия и факторы формирования своего мировоззрения. Он пишет: *«У меня, пожалуй, тоже было своё социально-политическое мировоззрение, постепенно и непроизвольно сложившееся во мне под действием воспитания, семейных традиций, влияния среды, случайных встреч и впечатлений и, наконец, собственного темперамента. Я ненавидел деспотизм, самодержавие, буржуазную сытость, мещанскую пошлость, филистерство, снобизм, цеховое самодовольство, учёную ограниченность; любил свободу, народность, самобытность, примитивность, любил искусство, сочувствовал социализму, как главному противнику и борцу против социальной неправды современности»* [31, с. 13].

Даже в интерпретации Д. П. Кончаловского одним из важнейших «оселков» в постижении сути интеллигенции» (в особенности российской, которая в значительной степени и является олицетворением чуть ли не всех возможных смысловых наполнений данного термина) является ее «оппозиционность». Об этом в далёком и недалёком прошлом писали тысячи умов. Об этом пишут и сегодня. Например, современный исследователь-социолог В. Х. Беленький в своей статье «Оппозиционность интеллигенции как социологическая проблема» в ходе рассужде-

ний опять же оперирует именно этой характеристикой интеллигенции как некой ее природной данностью. Но для современного восприятия ее характеристик (со снижением как бы первичной) он предлагает терминологическую триаду «интеллигенция—интеллектуалы—профессионалы», где последние предпочтительнее, ибо как раз и снижают градус негативного восприятия «интеллигенции» со стороны власти. Тем не менее, автор ссылается и на «средний класс», в который, якобы, нарастает тенденция испоместить «интеллигенцию». Он пишет: *«В итоге оказывается проще простого ее перечеркнуть, отказать ей в праве на социальное существование или отнести как социальную группу профессионалов к несуществующему среднему классу. Что же касается последнего, то его в России в значительной степени затем искусственно и конструируют, чтобы погасить рост оппозиционности интеллигенции, утопить ее оппозиционность в болоте гражданской суетливости»*. И далее: *«Многие острые проблемы российской интеллигенции, которые лежат в основе ее оппозиционности, в результате ее включения в средний класс, где она перемешивается с другими слоями населения, затеваются, сдвигаются в сторону, забалтываются в СМИ, облачаются в иллюзорные формы. Однако никакие ухищрения не могут перечеркнуть противоречия, обусловленные реальными сложностями и трудностями»* [32].

Полагаю, что уточнение и дифференциация дефиниций терминов «оппонент» — «оппозиционер» как раз и позволит «разрулить» чудовищную путаницу в понимании сущностных характеристик «интеллигенции — интеллектуалов—профессионалов».

Хотя всё же нет необходимости абсолютизировать предлагаемый подход, ибо все-таки «оппонирование» всякой мерзопакостности бытия надо воспринимать, прежде всего, как проявление главной сущностной характеристики элементарно развитого *homo sapiens* — умение анализировать, сопоставлять, делать выводы, предлагать варианты решений к улучшению тех или иных сторон окружающего мира. Ведь даже в определении «революции», как отмечает сегодня уругвайский президент-оригинал Хосе Мухика, далеко не всегда надо исходить из «стрельбы и насилия». Он в одном из своих интервью отметил, что *«Революция — это когда меняется ваше мышление»* [33]. Здесь стоит напомнить, что только в Испании в XIX веке произошло 5 «буржуазных» революций,

дополненных «буржуазно-демократической» в веке XX-ом. Но и в XXI-ом веке монархия жива, и буржуазия процветает, а народно-демократические скрепы для Испании характерны, как и для всей Европы! То есть на самом деле важнейшие последствия революций — в изменившемся мышлении, но не в смене политических форм, режимов и даже не в «социальных и экономических переустройствах всего и вся»! В таком случае роль интеллектуальной части социумов несомненна.

Возвращаясь к предыдущему послы о том, что если эта способность мыслить и соответственно оппонировать становится доминантой в применении к политико-общественному полю, становится идеей фикс, то тогда сие можно считать проявлением болезни ума, клиническим случаем. Но в целом такое поведение человека есть важная составная его свобод — в данном случае свободы как бы волеизъявления и проявления личности, взглядов и оценок окружающего мира. Разумеется, эта свобода никогда не была воспринимается властями. Ведь власти всегда приходилось и приходится иметь дело с огромной массой подобных проявлений позиции личности и оппонирования себе по всевозможным направлениям и случаям. И частенько в сумме весьма разумные идеи воспринимаются ею как возможное порождение хаоса. Да и сами идеи вступают в борьбу между собой, хотя нередко по сути являются чуть ли не абсолютно схожими. Основой же их противостояния являются носители — разные между собой люди (интеллектуалы, оппоненты и как угодно иначе). За идеями-то стоят индивидуумы, которые порой дальше своих пропозиций, часто далеко оторванных от реалий и порожденных лишь свойством аналитического разума, ничего не желают и не умеют замечать.

Поэтому власти всегда проще на корню задушить даже самые разумные идеи, нежели пытаться их воспринять, найти «общественное согласие». Проще и натуральней самой породить идеи и осуществлять действия по возможной их реализации. Для этого в особенности сегодня любое государство имеет сложный механизм институций, как бы вбирающих в себя интеллектуальный ресурс и отдельных индивидов, и всего общества: от разномастных как бы «общественных» политологических центров, аналитических проектов, институтов и т. п. до абсолютно бюджетных «оперативно-аналитических» учреждений и «общественно-патриотических фронтов». И одной из целей этих структур является ос-

лабление «деструктивной оппозиции» и выстраивание приемлемых форм «оппозиции конструктивной».

Но опять же: и в науке, и тем более в практике политической жизни всякое естественное оппонирование происходящему в общественно-политической сфере в силу развитости интеллекта («всё подвергай сомнению») почему-то пытаются заключить в узкие рамки «оппозиционности», ведущей к ниспровержениям, но не к эволюционному улучшению по предлагаемым власти и прочим структурам схемам, планам, рецептам и т. д. Поэтому запросто тот же писатель Борис Акунин в подаче многих СМИ и интернет-активистов становится «оппозиционером». Его медийные высказывания-оценки происходящего раздражают, а тем более «крамольны» выступления на митингах. И кто-то взламывает его «ЖЖ» и удаляет все содержимое блога. Сам же писатель-детективщик ставится в один ряд с Алексеем Навальным и прочими, кто в открытую устремлен «во власть».

Подобная «жизненная позиция» творческого человека не нова для всех времен. Она абсолютно прослежена в творчестве и поведении, хотя бы, Владимира Высоцкого, Александра Галича, Владимира Войновича и многих других, кто тем самым в годы советской «оттепели» был «на виду» и у общества, и у власти. Сегодня, хотя бы, ее можно проследить в песнях певцов-бардов от Виктора Цоя до Земфиры, от Юлия Кима до Юрия Шевчука и др. Тот же Ю. Шевчук в одном из последних интервью однозначен в своей «гражданской позиции»: *«Человек страдает от фальши, от лжи, от пропаганды... У любого человека есть чувство правды. Оно неистребимо, оно дано Богом».*

Известный французский писатель и драматург первой половины XX в. Альбер Камю отразил это свойство человека, утверждая мысль: *«Будь я деревом или животным, жизнь обрела бы для меня смысл. Вернее, проблема смысла исчезла бы вовсе, так как я сделался бы частью этого мира. Я был бы этим миром, которому ныне противостояю всем моим сознанием, моим требованием вольности. Ничтожный разум противопоставил меня всему сотворенному, и я не могу отвергнуть его росчерком пера. Я должен удерживать то, что считаю истинным, что кажется мне очевидным...».* В специальной своей работе он сразу определил свое понимание, кто таков этот «бунтующий человек»: *«Что же представляет собой человек бунтующий?» Это человек, говорящий*

«нет». Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий «да». Раб, всю жизнь исполнявший господские распоряжения, вдруг считает последнее из них неприемлемым. Каково же содержание его «нет»? «Нет» может, например, означать: «слишком долго я терпел», «до сих пор — так уж и быть, но дальше — хватит», «вы заходите слишком далеко». И еще: «есть предел, переступить который я вам не позволю» [34].

То есть — позиция оппонента более многогранна и с большим напряжением поддается оценкам (даже самооценкам!). В первую очередь потому, что в данном случае речь должна идти об оценках способности оценивать и предлагать конструктивные решения. С другой стороны, нередко во все времена существования развитой человеческой цивилизации примеры, когда потенциальные оппоненты предпочитали или изначально не «выходить из тени», или «уходили в тень», замыкались в своих «умственных конструкциях» после первых (очередных) неудачах быть понятыми или даже, когда вдруг были отнесены в лагерь «оппозиционеров» со всеми вытекающими последствиями для творческой и материальной жизни. Это поэтически подал Федор Тютчев в своем известном стихотворении «Молчание!» (Silentium!): *«Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои — / Пускай в душевной глубине / Встают и заходят оне. / Мысль изреченная есть ложь. / Взрывая, возмутишь ключи, — / Питайся ими — и молчи. / Лишь жить в себе самом умей — / Есть целый мир в душе твоей / Таинственно-волшебных дум; / Их оглушит наружный шум...».*

Сегодня философская глубина этих поэтических строк в вульгарно-упрощенной форме любопытствующему обывателю преподносится доходчивей: *«Достойно выполняя функции, которые уже принял, с движением в никуда смиришь, / По возможности смейся, тебя никто не поймет, замри и умри, замри и умри, замри и умри».* Но и в данной песне, рассчитанной на молодежь, нельзя не заметить эзопов язык, когда через явное понукание к смирению сквозит призыв не к рабскому восприятию окружающего мира, но к осознанию свободы, ростки которой всегда произрастают в индивидууме. А тем более молодом.

В некой «профессиональной обертке» либеральные ценности, порождаемые интеллектом и его способностью к анализу, смог для историка высказать совершенно «советский» поэт Лев Ошанин: *«Всё снова неясно,*

непросто — / Колеблются чаши весов. / В глазах от имён зарябило. / Осмысливай смолкшие дни, / Но помни — / что было, то было. / И как бы тебя не знобило, / Всю жесткую правду верни. В этом стихотворении поэт жестко оценил ремесло историка: *«Историки карты тасуют / По знаку державной руки. / Они что угодно рисуют / И лепят свои ярлыки»* [35, с. 10].

Подобные поэтические оценки профессиональных и интеллектуальных возможностей историка, как и их морально-этической специфики, давались не раз: в «Истории» Ореста Михайловича Сомова (точнее — в его переводе басни француза Ж. Нуассара «История» (1819), в эпиграммах А. С. Пушкина на Н. М. Карамзина, в стихотворении «Съезду историков стран социалистического лагеря» Александра Галича и др. Так, великий А. С. Пушкин, будучи сам противоречивым в своих оценках самодержавия, о творении Н. М. Карамзина язвил: *«На плаху истину влача, / Он доказал нам без пристрастья / Необходимость палача / и прелесть самовластья»*. И добавлял: *«Решившись хамом стать / Пред самовластия урной, / Он нам старался доказать, / Что можно думать очень дурно / И очень хорошо писать»*. [36, с. 94, 95]. С еще большим сарказмом и нескрываемой антипатией в 1972 г. прозвучала характеристика советских историков, послушных «указаниям свыше», в строках А. Галича: *«Но как-то с трибуны большой человек / Воскликнул с волнением и жаром: / «Однажды задумал предатель Олег / Отмстить нашим братьям хазарам!..»... / И этот марксистский подход к старине / Давно применяется в нашей стране, / Он нашей стране пригодился вполне, / И вашей стране пригодится вполне, / Поскольку вы тоже в таком же... лагере, / Он вам пригодится вполне!»*. [37]. Не обошел данную тему и Булат Окуджава, тремя годами позже в своем стихотворении-песне «Я пишу исторический роман» заметивший, что *«каждый пишет, как он слышит, / Каждый слышит, как он дышит. / Как он дышит, так и пишет, / не стараясь угодить...»*. Затем поэт-фронтовик в стихотворении «Давайте придумаем деспота» затронул тему происхождения массового раболепного сознания: *«Давайте придумаем деспота, / чтоб в душах царил он один / от возраста самого детского / и до благородных седин. / Усы ему вырастим пышные / и хищные вставим глаза, / сапожки натянем неслышные, / и проголосуем все — за... / И пусть он над нами куражится / и пальцем грозит из тьмы, / пока наконец не окажется, / что сами им*

созданы мы» [38, с. 26—27, 35]. В последнем случае поэтические метафоры и гиперболы очевидно противоположны тем принципам, которые еще в детстве сформулировал для себя будущий историк Д. П. Кончаловский и которыми он руководствовался чуть ли не всю жизнь.

В упомянутом выше кафедральном проекте «Кортеж российской власти» «герои», биографии которых вошли в последнюю часть издания, своей численностью как бы подтверждают исторические реалии, когда претендентов на высшую власть в Московии—России на всех исторических этапах было предостаточно. И речь в нашем случае идет не о тех, кто просто «мудрствовал», что «вот эта власть плоха, но придет время, и установится власть справедливая». Оказалось самым сложным выделить четкие принципы в подходе к определению тех, кто же все-таки может быть назван «оппозиционером». Современные политологический язык и язык политики и политиков наполнены многими трактовками этого термина. Одновременно с различной активностью в разрезе конкретных временных периодов в употреблении находились и продолжают использоваться как бы схожие термины: «бунтовщик», «радикал», «экстремист», «террорист», «революционер-демократ» и просто «революционер», «антисоветчик», «протестный активист» и др.

Если попытаться найти некое объединяющее начало в конкретике дефиниций этих терминов, то вполне подойдет утверждение, что все многочисленные «оппозиционеры» в той или иной степени были искушаемы властью. А значит — с разной степенью активности и включённости занимались политической, но не просто «общественной» деятельностью. Кто-то из них прямо и открыто заявлял о своем намерении овладеть властью и шел на самые кровавые жертвы ради достижения цели, кто-то исподволь надеялся достичь если уж не абсолютного властного первенства, то хотя бы быть «при власти», заполучить верховенство на региональном уровне.

Выше мы пытались, но так и не сумели установить четкую границу между «оппонентами» и «оппозиционерами». Она не поддается «кабинетным» установкам. В реалиях жизни она подвижна и чаще всего в силу сиюминутных идеологических и пропагандистских интересов и намерений обеих противостоящих сторон и конкретных личностей. Сотни и тысячи раз в истории власть обвиняла искренних и наивных своих оппонентов в намерениях крамольных, не делая различия между словами и

действиями (вспомним хотя бы сакраментальные «Слово и дело!»). И самым жестоким образом карала. Но не единожды и самые ярые оппозиционеры пытались через провозглашение как бы безобидных для власти лозунгов (типа, *«я буду делать все, чтобы в России жили лучше»*, как в первом «посттюремном» интервью определил свои планы на будущее М. Б. Ходорковский) приблизить изменение политического расклада сил. В данном контексте пример героя оды «Гражданское мужество» Кондратия Рылеева — сановника-сенатора Н. С. Мордвинова — можно расценивать в качестве некоего идеального проявления внутренних убеждений о необходимости изменений, но при сохранении стабильности и властных, и общественных устоев: *«Души возвышенной свободу / Хранит в советах и суде / И гордым мужеством везде / Подпорой власти и народу»*. Сегодня в мягкой, «учебной» форме строки оды и других произведений русских поэтов начала XIX в. встраиваются педагогами-интеллектуалами даже в школьную программу «поэзии русского романтизма». Так, Интернет-лекции профессора-филолога СПб ГУП А. В. Ильичёва очень убедительны для усвоения не только школьником «азов» учебной программы, но и поучительны для любого современного думающего человека, которого еще не покинул «свободолюбивый дух» и «романтические мотивы на изменение жизни» [39].

Как раз цель оппозиционеров противоположна позиции честного, но умеренного в своих политических амбициях царского чиновника: с помощью «народа» и якобы во имя его выбить эту «подпору» у власти. И овладеть, стать ею. Но и одновременно разрушить привычную обыденность народной жизни, что, как показывает история, неминуемо ведет к раскручиванию нового витка противостояния уже между новыми субъектами власти и оппозиции...

Как правило, оппозиционеры не действуют в одиночку. За ними всегда или толпы народа, собранные с помощью «прелестных писем» с идеей «добротного царя» в крестьянско-казацкие и иные «голутвенные» отряды и армии. Собранные, чтобы посредством местных бунтов или масштабных т. н. «крестьянских войн» попытаться реализовать иллюзорные мечты и призывы. Или «общества», «кружки», «организации» единомышленников, как этими формами оппозиционной борьбы наполнен российский XIX век, когда буквально «с колёс» в борьбе за переустройство политической и общественной систем рождались, чтобы вскоре умереть,

самые возвышенные и самые бредовые идеи-планы. Или система партийных организаций с их жесткими уставами и программами, в которых прописаны принципы соподчинения. Как и идейного, морального, а даже и физического подавления всякого члена партии, мало-мальски сомневающегося в правоте «коллективных установок».

Обратим внимание на то, что история, в том числе и российская, буквально наполнена антиправительственными народными возмущениями разной формы и активности. И далеко не всегда им предшествовала идея. Часто в ходе народных движений рождались и конкретизировались цели и задачи. Но очевидно и то, что подобным «бунтам», «войнам» и «революциям» всегда был свойственен «вождизм», сопровождавшийся доходчивыми для восприятия «массой», «толпой», «народом» неких «призывов», «лозунгов», «обращений», «прокламаций», «программ» и т. д. Чтобы «прельстить» как можно большее число протестующих (ведь власть постоянно совершенствует формы и средства отпора) со временем стали разрабатываться целые доктрины. Хотя XIX век для России отмечен и феноменом деятельности узких заговорщицких групп — от обществ военных (декабристов) до студенческих обществ (филоматов, филаретов и др.), от кружков высоколобых интеллектуалов до народнических террористических групп.

Вся эта разноплановая и разновеликая идейная и практическая подготовка свержения строя жизни, олицетворением которого была династия Романовых, вылилась в три российские революции, большевизм и Гражданскую войну. А наступившая «новая эра» в жизни российского обывателя — в кровавый передел власти между «революционерами», сопровождавшийся миллионами безвинных жертв тех, для кого якобы и был пройден столь жестокий путь «борьбы с проклятым царизмом». История XIX—XXI вв. не раз подтвердила правоту слов, что *«революция пожирает своих детей»* (Жорж Жан Дантон, 1794). Если задуматься, то в самих названиях революций (буржуазные, буржуазно-демократические, социалистические, «цветные» и т. д.) заложен некий не «народный», а «групповой» смысл. Это заведомо определяет их и как всего лишь форму смены власти в интересах достаточно узкого круга людей, и как вербальное упражнение узких групп интеллектуалов, по большому счету оторванных от «суровой правды жизни». Современные «цветные революции» лишь подтверждают подобную данность.

В завершение несколько спонтанных рассуждений в поисках однозначности в трактовке терминов, весьма значимых для понимания перипетий общественно-политической жизни России в новое и новейшее время ее истории, можно все же сделать вывод: от степени интеллектуализации индивидуумов, общества и власти напрямую зависит утверждение демократических основ и либеральных ценностей. И при их первенстве можно рассчитывать на реализацию права каждого на оппонирование. Рассчитывать на снижение рисков от общественно-политических раздразнителей, навязанных оппозиционными идеями и действиями, находящимися не в правовом поле.

Литература

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 51. М.: Политиздат, 1970.
2. Цит. по: // Режим доступа: URL: <http://xreferat.ru/9/2336-1-tihomirov-lev-aleksandrovich.html> (дата обращения: 13.02.2014).
3. Народная воля. 2014. 11 лютага.
4. Наровчатов С. С. Василий Буслаев. Поэма. М.: Советская Россия, 1976. 80 с.
5. Аргументы и факты. 2014. № 1.
6. Войнович Владимир. «Когда правят одни и те же — это залог потрясений». // Свободные новости плюс. 2013. 30 июля.
7. Антонова Ирина. «Я мечтала выбрать в преемники ученого». // Известия. 2013. 9 июля.
8. Кортёж российской власти. IX—XXI века: биографический справочник. В 3 ч. Ч. 1. / сост.: О. А. Яновский и др. Минск: РИВШ, 2013. 400 с.
9. Сандомирский М. Оппозиционность как психиатрический диагноз. URL: <http://liberty.ru/columns/Psihoblogging/Oppozicionnost-kak-psihiatricheskij-diagnoz/> (дата обращения: 3. 02. 2014).
10. Кривопалова Н. Ю. История российской интеллигенции: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 1985—2004 гг. Самара : Самарский Центр аналитической истории и исторической информатики, 2005. 101 с.

11. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII — пачатку XX ст.: праблемы, здабыткі, перспектывы / навук. рэд. В. В. Яноўская. Мінск: Беларуская думка, 2006. 447 с.
12. На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В. В. Яноўская і інш.; навук. рэд. В. В. Яноўская. Мінск : Беларуская навука, 2011. 311 с.
13. Колесник І. І. Украінська історіографія (XVIII — пачаток XX століття). Київ: Генеза, 2000. 256 с.
14. Когут Зенон. Коріння ідэнтычнасці. Студіі з ранньомодэрнай та модэрнай історыі Украіны. Київ: Критика, 2004. 339 с.
15. Смоленчук А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх землях. 1864—1917 гг. Гродна: ГрДУ, 2001. 322 с.
16. История БССР / под ред. В. Н. Перцева, Л. С. Абецедарского и К. И. Шабуні. Минск: Изд-во АН БССР, 1954. 504 с.
17. Кіпель Яўхім. Эпізоды. / Пад рэд. І. Урбановіч і З. Саўкі. Нью-Ёрк: Выдавецтва газэты «Беларус», 1998. 305.
18. Протыко Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917—1941 гг.). Минск: Тесей, 2002. 688 с.
19. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX—XX ст. Выд. 2. СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. 540 с.
20. Маракоў Л. У. Ахвяры і карнікі. Мінск: Зміцер Колас, 2007. 440 с.
21. Платонаў Р. П. Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20—30-х гадоў. Мінск: БелНДІДАС, 1996. 383 с.
22. На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929—1931 гг.: Дакументы, матэрыялы, аналіз / Аўт.-склад. Р. П. Платонаў. Мінск: БелНДІДАС, 1999. 385 с.
23. Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы / Аўт.-склад. У. К. Коршук, Р. П. Платонаў [і інш.]; Пад агульнай рэд. Р. П. Платонава і У. К. Коршука. Мінск: БДУ, 2001. 270 с.
24. Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925—1928 гг.): Отражение времени в

архивных документах / Авт.-сост.: Р. П. Платонов и др. / Под ред. Р. П. Платонова. Минск : БелНИИДАД, 2001. 312 с.

25. Платонаў Р. П. Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц. Мінск : БелНДІДАС, 2001. 282 с.

26. Платонаў Р. П. Старонкі гісторыі Беларусі: Архівы сведчаць: 3 навуковай спадчыны. / Уклад.: У. В. Фядосаў і інш. Мінск: БелНДІДАС, 2002. 352 с.

27. Каханоўскі А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861—1914 гг.). Мінск : БДУ, 2013. 335 с.

28. Мирошниченко Ю. Р., Удовик С. Л. Русь-Украина: становление государственности: в 2-х т. Т. 2. Русь-Украина: от империи к независимости. Киев: Ваклер, 2011. 734 с.

29. Федотов Г. П. О святости, интеллигенции и большевизме: Избранные статьи. / Сост., автор вступ. статьи А. Ф. Замалеев. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1994. 152 с.

30. Кончаловский Д. П. Воспоминания и письма (от гуманизма к Христу). Париж, 1944. 259 с.

31. Кончаловский Д. П. Пути России. Размышления о русском народе, большевизме и современной цивилизации. Париж, 1969. 259 с.

32. Беленький В. Х. Оппозиционность интеллигенции как социологическая проблема. // Философия и общество. Выпуск № 1 (53). 2009. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130308/> (дата обращения: 03. 02. 2014).

33. Свободные новости плюс. 2013. 24 декабря.

34. URL: http://lib.ru/INPROZ/KAMU/chelowek_buntuyushij.txt (дата обращения: 20. 02. 2014).

35. Ошанин Л. Историк. Ты есть у меня или нет? Новая книга стихов. М.: Современник, 1999. 191 с.

36. Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб.: Академ. проект, 2000. URL:

http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=2GCQI_WabfU%3d&tabid=10183 (дата обращения: 7. 03. 2014).

37. URL: <http://aleksandr-galich.ru/sezdu-istorikov/> (дата обращения: 07. 03. 2014).

38. Окуджава Булат. Стихи. Рассказы. Повести. Переиздание. Екатеринбург: изд-во «У-Фактория», 1999. 576 с.

39. URL: <http://web-ireland2.interneturok.ru/ru/school/literatura/10-klass/vvedenie/zolotoy-vek-russkoy-kultury> (дата обращения: 7. 03. 2014).

В. В. Сергеевкова,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (Минск)

**ИГОРЬ ВАЦЛАВОВИЧ ОРЖЕХОВСКИЙ:
ЭТАПЫ ПУТИ И РОЖДЕНИЕ В ВЕЧНОСТЬ**

В статье рассказывается о жизни и деятельности Игоря Вацлавовича Оржеховского. Он был известным историком, профессором, доктором исторических наук, заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода, специалистом в области истории России XIX — начала XX в. Автор характеризует основные направления творческой работы и исследований ученого.

V. V. Sergeenkova
**V. V. SERGEENKOVA. IGOR VATSLAVOVICH ORZEKHOWSKI:
STAGES OF THE WAY AND BIRTH TO ETERNITY**

The article describes the life and activities of Igor Vatslavovich Orzechowski. He was the famous historian, Professor, Doctor of the Historical Sciences, Head of the Department of the Pre-Soviet Period of the USSR History, specialist on the Russian history of the 19th – beginning of the 20th century. The author characterizes the main areas of creative work and researches of the scientist.

Становление Игоря Вацлавовича Оржеховского как ученого и педагога проходило под влиянием и руководством известного советского историка Петра Андреевича Зайончковского. П. А. Зайончковский являлся представителем Московской школы исследователей, сформировавшейся под руководством академика Ю. В. Готье, известной разнообразностью тематики, свежестью привлекаемого материала, четкостью выводов. Он занимался проблемами истории России второй половины XIX в., а также военной историей. Его работы были переведены на разные языки мира и изданы во многих странах. Исследования П. А. Зайончковского во многом предопределили научные интересы И. В. Оржеховского, который стал его любимым учеником. И. В. Оржеховский воспринял лучшие тра-

диции этой исторической школы и продолжил их в своих научных работах. Эти знания он передавал своим ученикам. В их числе — ученые и преподаватели различных вузов Республики Беларусь: В. В. Сергеевкова, Ю. А. Блашков, И. Л. Качалов, А. А. Загорнов, А. Д. Гронский, А. А. Киселев, Е. В. Корень, А. Л. Самович, Н. Е. Клепиков и другие. Ученики продолжили и расширили круг проблем, связанных с изучением истории России XIX в. Это: политика правительства в области образования во второй половине XIX в.; военные поселения (их создание, деятельность); судебная реформа и ее реализация на территории белорусских губерний; теория «официальной народности»; общественно-политические взгляды Н. С. Мордвинова; система государственных учреждений и чиновничество Беларуси в политике российского правительства (конец XVIII — начало XIX в.), проблемы декабризма и его влияния на развитие общественно-политической мысли России в XIX в. — начале XX в. и другие. Эстафету подхватили «внучатые ученики» И. В. Оржеховского — ученики его учеников (С. Б. Жихарев, О. И. Ершова, М. А. Гулюк и другие). И опять-таки, интересы их диссертационных исследований были сосредоточены на истории России XIX в.: правительственная политика в сфере железнодорожного строительства и ее реализация на территории Беларуси во второй половине XIX в. — начале XX в.; правительственная политика в области начального народного образования в Виленском учебном округе во второй половине XIX в.; политика российского правительства по подготовке педагогических кадров для учебных заведений Виленского учебного округа (вторая половина XIX в. — начало XX в.). Таким образом, можно с полным основанием говорить о том, что И. В. Оржеховский создал целую школу историков-белорусистов в Республике Беларусь.

Игорь Вацлавович Оржеховский родился в г. Минске 11 мая 1933 г., в семье военнослужащего. Уже ребенком он испытал всю сложность общественно-политической жизни страны: политические репрессии, преследования «инакомыслящих», войну и голод. Его отец, Вацлав Александрович Оржеховский, был репрессирован в 1930-е гг. Игоря Вацлавовича всегда интересовала судьба его отца. И только в 1990-е гг. ему удалось установить, что его отец погиб на строительстве Беломор-Балтийского канала. После ареста отца мать Игоря Вацлавовича, Марга-

рита Петровна, чтобы спастись от преследований, вынуждена была переехать в г. Горький (Нижний Новгород).

Героика Великой Отечественной войны во многом предопределила его дальнейший жизненный путь. В 1944—1951 гг. И. В. Оржеховский учился в Горьковском суворовском военном училище, 1953—1955 гг., окончив училище, служил командиром взвода в г. Львове. В декабре 1955 г. началось сокращение численности Советских Вооруженных Сил. И. В. Оржеховский был уволен в запас и вернулся в г. Горький. Учеба в суворовском училище и непродолжительная служба в Советской Армии очень много дали ему. Они воспитали в немалой степени его характер: мужественность, пунктуальность, четкость в организации работы, умение, не боясь, решать сложные проблемы.

В 1956 г. И. В. Оржеховский поступил на историко-филологический факультет Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, одно из крупнейших высших учебных заведений страны. Успешно окончив университет, он поступил в аспирантуру по кафедре истории СССР. Кандидатская диссертация Игоря Вацлавовича была посвящена отмене крепостного права и ее реализации в Нижегородской губернии — «Землевладение и землепользование помещичьих крестьян Нижегородской губернии во второй половине XIX века». Занимаясь подготовкой диссертации, Игорь Вацлавович проявил себя настоящим профессионалом и серьезным исследователем с большим творческим потенциалом. Объем его кандидатской диссертации составил более 400 страниц. В 1964 г. состоялась успешная защита диссертации в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Став кандидатом исторических наук, И. В. Оржеховский преподавал в Горьковском государственном университете имени Н. И. Лобачевского. Одновременно он не прекратил научных разысканий, занимаясь серьезно и профессионально исследованием различных аспектов истории России второй половины XIX в. Игорь Вацлавович публиковал результаты своих научных трудов в самых престижных исторических журналах, сборниках материалов различных научных конференций. В результате стала прослеживаться его концепция оценки политики российского императора Александра II и его реформ. Он во многом впервые в советской историографии систематизировал фактический материал, почерпнутый из разнообразных по своему характеру источников. В 1974 г. была издана книга

Игоря Вацлавовича «Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х годах XIX в.: Лекции по спецкурсу» [1]. В этой работе, основанной на новом архивном материале из фондов Центрального государственного исторического архива СССР, Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, был дан анализ отдельных аспектов внутренней политики российского правительства второй половины 60-х — 70-х гг. XIX в. Основное внимание И. В. Оржеховский сосредоточил на вопросах, связанных с покушением Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. на Александра II и его влиянием на дальнейшую политику правительства. В исследовании была дана характеристика высших государственных учреждений Российской империи (Комитета министров, Совета министров, Государственного совета, Сената). И. В. Оржеховский изучил огромное количество формулярных списков, проанализировал состав высшей бюрократии, проследил усиление административно-полицейской деятельности, рассмотрел правительственную политику по отношению к земству, суду, народному образованию. В этом исследовании содержатся уникальные по своей яркости и точности личностные характеристики отдельных представителей высшей бюрократии, высказано немало новых оценок, сделано немало научных открытий. Так, например, именно И. В. Оржеховский установил авторство записки, составленной после покушения Д. В. Каракозова на имя Александра II (записка П. А. Шувалова), которая легла в основу рескрипта на имя кн. П. П. Гагарина. Именно этот рескрипт, как доказал И. В. Оржеховский, стал своеобразной программой деятельности российского правительства вплоть до 1880 г. Внутренняя политика российского правительства до И. В. Оржеховского не была объектом столь пристального и скрупулезного исследования. Отдельные аспекты этой книги определили направления научных изысканий учеников Игоря Вацлавовича.

На основе проведенного исследования в 1975 г. в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР Игорь Вацлавович с блеском защитил докторскую диссертацию по теме «Внутренняя политика российского самодержавия в 1866—1878 гг. (Усиление реакционно-охранительных начал)».

Становление И. В. Оржеховского как профессионального историка происходило в конце 1950-х — 1960-х гг., когда в стране наметились

серьезные изменения в общественно-политической жизни, когда начался процесс десталинизации, реабилитации репрессированных в сталинское время людей. И. В. Оржиховский уже тогда отличался энциклопедичностью своих знаний, нестандартностью мышления и оценок. Он смело высказывал свои взгляды в научных дискуссиях, в аудиториях перед студентами во время лекций и семинаров. Игорь Вацлавович считал, что необходимо коренным образом менять критерии разработки российской истории, избавляясь от прежних штампов и оценок. Он был сторонником творческого сотрудничества студентов и преподавателей, полагая, что только такой подход может способствовать формированию мыслящей личности профессионала-историка.

Конечно, такие подходы к преподаванию истории и развитию исторической науки устраивали далеко не всех, особенно партийные организации. К тому же в первой половине 1970-х гг. наметился откат от десталинизации, «оттепели» конца 1950-х гг. — начала 1960-х гг. В Горьковском государственном университете наметилось неприятие его взглядов. В итоге Конкурсная комиссия Ученого совета историко-филологического факультета в июне 1976 г. не рекомендовала И. В. Оржиховского к переизбранию на должность доцента кафедры истории СССР феодального и капиталистического периода. Решение комиссии для сегодняшнего времени представляет большой интерес. Приведем отрывок из него: «Конкурсная комиссия отмечает, что за прошедшее пятилетие тов. Оржиховским достигнуты определенные успехи в деле повышения профессиональной квалификации как специалиста по русской истории второй половины XIX века: им опубликовано восемь работ общим объемом 20 печатных листов, защищена докторская диссертация, разработан ряд спецкурсов. Он принимал участие в научных и научно-методических конференциях, проводимых в университете и на факультете.

Однако общая деятельность И. В. Оржиховского за этот период как работника идеологического фронта в свете решений XXIV и XXV съездов КПСС, повысивших требования к идеологическим кадрам, вызывает серьезнейшие замечания. Тов. Оржиховский занимал пассивную позицию в деле пропаганды решений партии и правительства. Более того, своим поведением, <...> он отвлекал от <...> партбюро, деканат, руководителей кафедр; <...>, мешал решению важнейших задач, стоящих перед факультетом». Идеологическая пассивность И. В. Оржиховского вырази-

лась, например, в том, что он выступил за расширение курса отечественной истории дореволюционного времени, против расширения курса истории СССР советского периода, квалифицировав это как «нарушение ленинского принципа историзма в преподавании отечественной истории». Такая позиция ученого коренным образом расходилась с мнением партийного бюро факультета, работавшего в духе идеологии брежневского времени. Однако она изменила дальнейшую судьбу Игоря Вацлавовича.

В 1976 г. И. В. Оржеховский переехал в г. Минск вместе со своей семьей и возглавил кафедру истории СССР досоветского периода Белорусского государственного университета. Начался новый этап его деятельности, связанный со становлением творческого коллектива кафедры, доброжелательной и теплой атмосферы и отношений между коллегами. Широтой его знаний и неординарностью оценок и суждений восхищались не только студенты на лекциях, но и преподаватели-коллеги. Серьезно оживилась научная работа. Именно благодаря И. В. Оржеховскому на кафедре шла одна защита диссертации за другой аспирантами и преподавателями кафедры. В 1980-е гг. при его поддержке и доброжелательном отношении прошли защиты кандидатских диссертаций М. Чудаева, В. Сергеенковой, Л. Михайловской, Ю. Блашкова, О. Симаковой, Н. Клепикова. И. В. Оржеховский был уже известным ученым не только в Советском Союзе, но и за рубежом, признанным специалистом по истории России XIX — начала XX в. по проблемам внутренней политики самодержавия и общественно-политической мысли. В качестве оппонентов по диссертациям своих аспирантов и коллег благодаря известности И. В. Оржеховского в Белорусский государственный университет приезжали маститые и известные российские ученые — П. А. Зайончковский, В. Г. Чернуха, В. А. Федоров, Г. И. Щетинина и др.

Являясь заведующим кафедрой, И. В. Оржеховский сумел сплотить коллектив, создать творческую атмосферу. Он делился своим опытом и знаниями, всегда был полон энергии и самых разнообразных планов. Он продолжил свою научную работу, и в 1982 г. была издана его монография «Самодержавие против революционной России» [2]. В исторической науке впервые появилось комплексное исследование, посвященное деятельности III отделения с момента основания в 1826 г. и до ликвидации в 1880 г., а также его исполнительного органа — корпуса жандармов. Это

исследование полностью построено на огромном массиве архивных материалов. В работе раскрываются внутреннее устройство III отделения, принципы и методы его работы, особенности политической полиции в Российской империи, определяется место и роль политической полиции в системе государственного управления, показаны основные направления деятельности политической полиции в борьбе с общественно-политическим и революционным движением России в XIX в.

Когда Игорь Вацлавович стал работать в Белорусском государственном университете, его лекции вызывали интерес логикой, научностью и доступностью, яркостью и эмоциональностью стиля изложения материала. Слушать его лекции приходили не только студенты, но и аспиранты, преподаватели других кафедр. Являясь заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода, Игорь Вацлавович организовывал научные семинары по определенным проблемам истории дореволюционной России, на которые приезжали ученые-историки из Ленинграда, Москвы (В. Г. Чернуха, Ю. Д. Марголис, Б. В. Ананьич). Одновременно они читали специальные курсы по истории России для студентов, специализировавшихся по кафедре. На эти лекции, вызывавшие научные дискуссии, ходили почти все преподаватели кафедры. Именно Игорю Вацлавовичу принадлежала идея проведения семинарских занятий по методике «малых групп». В течение целого ряда лет преподаватели кафедры работали с большим интересом в «малых группах», изучая источники, анализируя исследовательскую литературу. И. В. Оржеховский одним из первых на историческом факультете стал заниматься компьютерными технологиями и внедрением своих разработок в учебный процесс.

Игорь Вацлавович вел большую учебно-методическую работу. Он возглавлял Научно-методический совет по истории Министерства Республики Беларусь, являлся членом Государственной комиссии по подготовке новых учебников в гуманитарно-обществоведческой сфере. В 1990-е гг. им были написаны разделы по истории России (с XVII в. до 1917 г.) и истории славянских стран в четырех учебных пособиях по всемирной истории для 7, 8, 10 и 11 классов средних общеобразовательных учебных заведений. Профессор И. В. Оржеховский успешно разрабатывал программы по истории России и восточных славян для вузов, по всемирной истории для средних специальных заведений, школ. Он с блеском проводил занятия для преподавателей вузов в Республиканском ин-

ституте высшей школы БГУ, для учителей средних школ в Республиканском и областном институтах повышения квалификации. Его постоянно приглашали для чтения лекций на исторических факультетах в областных университетах (г. Брест, г. Гомель, г. Могилев).

Преподавательская деятельность профессора И. В. Оржеховского успешно совмещалась с постоянной научной работой. Можно сказать, что его работа на кафедре составила определенную эпоху в развитии исторической науки. Он огромное внимание уделял работе с историческими источниками, умению анализировать и систематизировать их. Работать под его научным руководством было очень интересно, и каждая встреча с ним обогащала его учеников. Он был всегда требователен и доброжелателен, готов всегда оказать помощь в решении сложных научных проблем. Игорь Вацлавович обладал врожденным чувством юмора, критикуя ошибки своих учеников, мог пошутить, но очень корректно и не обижая их. Он умел увидеть в своих учениках творческий потенциал, делился с ними своими идеями, наталкивал их на открытия там, где эти открытия были рядом, но не замечены. Блестящий лектор, педагог, ученый, И. В. Оржеховский за годы своей работы подготовил тысячи специалистов с высшим образованием, 11 кандидатов наук.

Игорь Вацлавович Оржеховский являлся членом экспертного совета ВАК Республики Беларусь по истории, членом ряда специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций. Он часто выступал оппонентом на защитах диссертаций. Эти выступления всегда отличались глубиной, демонстрировали его интеллект, научный такт и мастерство оратора.

И. В. Оржеховский стремился к расширению научных контактов с учеными ближнего и дальнего зарубежья. Выступая с докладами на международных конференциях (Беларусь, Россия, Украина, Пенсильвания), он побуждал к тому же своих учеников. Благодаря ему, сотрудники кафедры принимали участие в работе различных международных конференций, в том числе научной школы-семинара Сибирского отделения Академии наук СССР (г. Новосибирск) в 1989 г.

В последние годы своей жизни Игорь Вацлавович увлекся изучением истории церкви и истории военного духовенства. Он является автором многочисленных статей в Православной Энциклопедии, издающейся в Москве в связи с 2000-летием принятия христианства. За свою работу в

Православной Энциклопедии И. В. Оржиховский был посмертно удостоен Почетной грамотой Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. И. В. Оржиховский являлся членом редколлегии белорусской исторической энциклопедии в 18-ти томах. Игорь Вацлавович неоднократно награждался Почетными грамотами Белорусского государственного университета, Грамотами Минвуза СССР, Минвуза БССР, Министерства образования Республики Беларусь. Им написано свыше 100 научных работ. Его неопубликованные материалы уже после его ухода из жизни вошли в учебные пособия по истории России и Украины XIX — начала XX в. [3], в историю России в Новое и Новейшее время, изданную преподавателями исторического факультета БГУ в Москве [4]. Еще в 1990-е гг., являясь заведующим кафедрой, И. В. Оржиховский организовал работу кафедры по созданию биографического словаря по истории России. Тогда была проделана огромная работа по написанию биографических очерков персоналий из истории России. Однако в те годы издать биографический словарь не удалось. В настоящее время эту работу продолжил заведующий кафедрой истории России профессор О. А. Яновский, предложивший интересную и оригинальную систематизацию материала. В итоге в 2013 г. появилась первая часть биографического справочника, в который вошли и очерки, написанные И. В. Оржиховским [5].

Игорь Вацлавович был очень интересным, неординарным человеком, со смелыми суждениями. Он отличался доброжелательностью и высоким профессионализмом, находился в постоянном творческом поиске, учил думать и старался творить добро для окружающих, мог смело и открыто признавать свои ошибки.

Литература

1. Оржиховский И. В. Из Истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX века. Лекции по спецкурсу. Горький: Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 1974. 168 с.
2. Оржиховский И. В. Самодержавие против революционной России: (1826—1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.
3. История России и Украины (XIX — начало XX в.) : пособие для студентов ист. фак. спец. 1-21 03 01 «История (по направлениям)»: в 2 ч.

/ О. А. Яновский [и др.]; под ред. О. А. Яновского, В. В. Сергеенковой. Минск: БГУ, 2008. Ч. 1. 367 с.; История России и Украины (XIX — начало XX в.) : учеб.-метод. пособие: в 2 ч. / В. В. Сергеенкова [и др.]; под ред. В. В. Сергеенковой, О. А. Яновского, В. И. Меньковского. Минск: БГУ, 2010. Ч. 2. 535 с.

4. История России : Новое и Новейшее время / под общ. научной ред. проф. О. А. Яновского. М.: Эксмо, 2010. 784 с. : ил. (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

5. Кorteж российской власти. IX—XXI века : биогр. справ.: в 3 ч. / сост. О. А. Яновский [и др.]; под ред. проф. О. А. Яновского. Минск: РИВШ, 2013. Ч. 1. 400 с.

С. Н. Темушев,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (Минск)

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ПИЧЕТЫ

История восточных славян древнерусского периода входила в круг профессиональных интересов Владимира Ивановича Пичеты, и в своих работах ученый неоднократно обращался к различным ее аспектам. Проблему этногенеза восточных славян В. И. Пичета решал в духе теории «триединства русского народа». В осмыслении проблемы формирования восточнославянской государственности В. И. Пичета во многом превосходил современное представление о восточнославянском политогенезе (роль скандинавов, борьба «Севера» и «Юга»). Оценивая общественно-политический строй древнерусских княжеств-земель, ученый создает картину сложной системы согласования интересов различных центров силы. Такое понимание было более объективным в сравнении с упрощенной схемой в духе теории земско-вечевого строя, характерной для историографии второй половины XIX — начала XX в.

St. N. Tsemushau

HISTORY OF ANCIENT RUSSIA IN SCIENTIFIC CREATIVITY V. I. PICHETA

History of Eastern Slavs of ancient period as a responsibility for the professional interests of Vladimir Ivanovich Picheta, and in his works scientist repeatedly appealed to its various aspects. Problem of ethnogenesis of the Eastern Slavs V. I. Picheta solved in the spirit of «the trinity of the Russian people». In the judgment of the problem of formation of the East Slavic state V. I. Picheta largely anticipated the modern idea of the East Slavic politogenesis (the role of Scandinavians, the struggle of the «North» and «South»). Assessing the socio-political system of ancient principalities-lands, a scientist creates a picture of a complex system of reconciling the interests of different power centers. This understanding was more objective in comparison with the

simplified scheme in the spirit of the zemstvo-veche system characteristic of the historiography of the second half of XIX — early XX century.

История восточных славян древнерусского периода входила в круг профессиональных интересов Владимира Ивановича Пичеты, и в своих работах ученый неоднократно обращался к различным ее аспектам. В. И. Пичета был глубоким специалистом по истории Древней Руси. Среди первых монографий, опубликованных ученым, следует отметить работу 1923 года «Введение в русскую историю: Источники и историография» [3]. В новых условиях, сложившихся после Октябрьской революции, обращение к историографии было одной из важнейших задач исследователей (требовалось осмысление с новых позиций завершенного периода). Хорошее же знание источников стало фундаментом для дальнейшей исследовательской деятельности ученого. Представляется, что превосходное и всестороннее знание В. И. Пичетой историографии и источников по истории восточных славян в целом позволило ему глубоко исследовать историю белорусских земель данного периода.

Выделим три проблемы древнерусской истории, получившие в работах В. И. Пичеты обстоятельное освещение: это этногенез восточных славян, формирование и развитие восточнославянской государственности и особенности общественно-политического строя древнерусских княжеств-земель и функционирования их основных политических институтов.

Значительное внимание В. И. Пичета уделил проблеме этногенеза русского, белорусского и украинского народов. Взгляды ученого на данную проблематику были обстоятельно рассмотрены в работах Н. Юсовой, поэтому нет смысла подробно на них останавливаться [9]. Важнейший вывод украинской исследовательницы сводится к тому, что В. И. Пичета являлся сторонником теории «триединства русского народа» [11; 12, с. 240—241], и его идеи явились предтечей, или, по крайней мере, были созвучны теории древнерусской народности, получившей завершенную формулировку в работах В. В. Мавродина [12, с. 243]. Отметим лишь, что примечательной чертой работ самой украинской исследовательницы является доминирование априорной идеи, согласно которой тезис о формировании в древнерусский период восточнославянской общности, получившей в советской историографии не совсем удачное

наименование «древнерусская народность», изначально ошибочен и является выдумкой советских историков. В этой связи явно заметна тенденция объяснить мнение по этому вопросу В. И. Пичеты воздействием современной ему общественно-политической и геополитической ситуации (например, присоединением Западной Украины и Западной Беларуси). Как представляется, такой вдумчивый исследователь, как В. И. Пичета, мог и должен был строить свои умозаключения на основе источников, именно источники позволяют делать вывод об интеграционных этнических процессах в рамках Древнерусского государства и последующей дезинтеграции восточнославянской общности после монгольского нашествия. Совершенно неверным и местами наивным выглядит стремление Н. Юсовой объяснить появление как общих концепций, так и частных умозаключений у того или иного ученого в результате заимствований. Так, вывод В. И. Пичеты о значительной консолидирующей роли церковной организации на Руси Н. Юсова сводит к заимствованию из одной работ украинского историка А. Козаченко [12, с. 242], хотя, безусловно, к такому умозаключению можно было прийти самостоятельно. В своей общей концепции генезиса восточнославянских народностей («трех братских народов») В. И. Пичета во многом повторял выводы В. О. Ключевского. Было ли это прямое заимствование, как считала украинская историк [11, с. 30], или же осмысление информации источников позволяло прийти к тем же выводам — проблема, целиком лежащая в плоскости субъективной оценки научного наследия ученого. Между тем тезис о «разрыве» восточнославянской этнической общности (термин «народность» вопреки мнению Н. Юсовой В. И. Пичета не использует) вследствие монгольского нашествия [4, с. 160] необязательно должен был быть заимствован у выдающегося российского историка начала XX века.

В одной из своих ранних работ, как выше отмечалось, В. И. Пичета обращался к систематизации проблем источниковедения и историографии русской истории [3]. Тем самым исследователя никак нельзя обвинить в поверхностном знакомстве с источниками, которые служили основой для его самостоятельных выводов. Между тем даже принципиальное для В. И. Пичеты рассмотрение источников отдельно для Северо-Восточной Руси, Украины и Беларуси украинская историк Н. Юсова рассматривала как следование схеме М. Грушевского [11, с. 20]. Указание

же в предисловии на «общерусскую историю» [3, с. 3] послужило основанием для вывода о подразумеваемом В. И. Пичетой существовании «общерусской» народности. Так ученый-славист получил уже в современной историографии ярлык сторонника концепции «триединства русского народа». В этой связи вспоминаются обвинения конца 1920-х гг. В. И. Пичеты в великодержавном шовинизме и одновременно белорусском национализме. Еще раз необходимо указать на не только вероятность, но и полную определенность того, что выводы о близости исторических судеб и общности этногенетических процессов в среде восточнославянских народов ученый делал на основании глубокого знакомства с источниками. И эта убежденность основывалась не на заимствованиях чужих теорий или под воздействием актуальной общественно-политической ситуации.

В осмыслении проблемы формирования восточнославянской государственности В. И. Пичета во многом предвосхитил современное представление о восточнославянском политогенезе. Так, несмотря на усилившиеся в советской историографии позиции «воинствующих антинорманистов», ученый открыто пишет о значительной роли скандинавов (в его терминологии — норманнов) в складывании Древнерусского государства. Вместе с тем, в представлении В. И. Пичеты, норманнские князья, когда прибыли в славянские города, «застали тут уже утвердившуюся городскую жизнь, с формами которой не могли не считаться» [7, с. 57].

Созданное во главе с норманнской династией государство, объединившее славян, населивших лесные и лесостепные регионы Восточной Европы, В. И. Пичета характеризует как «династическое». В его представлении раннее Древнерусское государство представляло собой лишь поверхностное объединение славянских племен, которое «не касалось внутренней жизни славянства» [7, с. 46]. В работах ученого-слависта неоднократно затрагивается ставшая в последнее время одной из ключевых проблема взаимодействия «Севера» и «Юга» в процессе образования Древнерусского государства. В представлении ученого, для организации отпора норманнским завоевателям первоначально на севере Восточной Европы славянские и финские племена создают политический союз, который освободился от выплаты дани. Между тем, встретив сопротивление на севере, норманны «имели большую удачу» на юге — в стране по-

лян, которые нуждались в хорошо организованной силе для охраны торговых путей. Со временем и на севере «враги славян одержали победу» и утвердились в Новгороде, Изборске и Белоозере. Так образовалось два «варяжских княжества» — Новгородское и Киевское. В результате похода Олега эти княжества были объединены [7, с. 46]. При этом, в отличие от В. О. Ключевского, В. И. Пичета, хотя и отмечает определенное значение водных торговых путей, не рассматривает их в качестве важнейшего фактора политической консолидации восточных славян.

«Династическое государство» (до середины XI в.), по мнению В. И. Пичеты, представляло собой объединение отдельных «земель-стран», которые были связаны с Киевом только экономическими отношениями [7, с. 65—66] (речь идет о необходимости выплаты дани и торговых связях). Тем проще было освободиться «землям-странам» из-под влияния Киева. Это произошло, как считал В. И. Пичета, уже после смерти Ярослава Первого. Завещание Ярослава свидетельствовало об обособленности стран одной от другой и о самостоятельности их политической жизни. Появление же в «странах» местных династий должно было способствовать еще большему закреплению обособленности. Важно, что в своих ранних работах В. И. Пичета, совершенно не учитывает воздействие развития феодальных отношений на процесс политической децентрализации. Основную причину раздробленности «династического государства» ученый ищет в нормах общеславянского семейного права. Киевское государство рассматривается как общее владение всей княжеской семьи и по нормам обычного права эта коллективная собственность в случае раздела должна быть разделена между сонаследниками на равные доли [7, с. 66]. В данном случае В. И. Пичета отдавал дань родовой теории С. М. Соловьева, теории «задружного быта» Ф. И. Леонтовича [1] и концепции «княжого права» А. Е. Преснякова [8]. Но в более поздних работах В. И. Пичета переходит на позиции марксизма, хотя его основные положения воспринимает весьма поверхностно, заимствуя чаще всего лишь терминологию. Так, раннее Древнерусское государство В. И. Пичета называет «империей Рюриковичей» (вслед за К. Марксом), а в качестве основной причины, приведшей к раздробленности, называет рост в отдельных землях «крупного феодального землевладения» [2, с. 6]. При этом как в работах 1920-х гг., так и позднее, ученый главный акцент делает на упадке «Киевского государства», вызванном внутрен-

ними (усобицы князей) и внешними (нападения кочевников) причинами [7, с. 74].

В 1920-е гг. В. И. Пичета активно занимался изучением истории Беларуси, при этом значительное внимание было уделено древнерусскому периоду. В своей работе «История Беларуси», доведенной до Люблинской унии 1569 г., выдающийся историк-славист основательно остановился на вопросах о государственном строе белорусских земель в древнерусский период и организации управления в Полоцке и Смоленске. Историк считал, что общественно-политический строй этих древнерусских княжеств-земель был построен на принципе согласия трех элементов власти: народного веча, князя и княжеской думы, однако при преобладании веча. Веча не были периодическими и созывались под воздействием тех или иных очередных государственных потребностей [7, с. 89, 90]. Значение же князя и его отношение к вечу в значительной степени зависели от «степени его влияния и заслуг перед страной».

Между тем именно к компетенции князя В. И. Пичета относил ведение военных дел, суд и внутреннее управление. Князь назначал «правительственных лиц» — посадников, а также чиновников («детских») для сбора торговых и других податей. Важно, что органы внутреннего управления, в понимании историка, относились исключительно к княжеской прерогативе и призваны были поддерживать порядок и тишину на той или иной подвластной князю территории. В пользу князя поступали судебные сборы, общие натуральные и денежные подати, торговые налоги и т. д. В совет при князе — «княжескую думу», по мнению В. И. Пичеты, входили старшие княжеские дружинники — бояре. Именно из их числа назначались посадники, им князь давал различные поручения. В какой-то степени эти бояре-дружинники ограничивали власть князя, поскольку без их совета тот не мог ничего сделать [7, с. 91].

Таким образом, в представлении ученого создается картина сложной системы организации управления одним из древнерусских государственных образований — Полоцкой землей — и согласования интересов различных центров силы (или групп населения, что уже близко к марксистскому подходу в объяснении исторических явлений) [7, с. 89—91; 6, с. 22]. Такое понимание было более объективным в сравнении с упрощенной схемой в духе теории земско-вечевого строя, характерной для историографии второй половины XIX — начала XX в. [10, с. 17]. Важно,

что В. И. Пичета не ограничивался дошедшей до нас информацией источников, территориально относящихся к Беларуси, а широко использовал сравнительно-исторический метод, используя данные источников по истории развития иных, кроме Полоцкого или Туровского, древнерусских княжеств (особенно широко — Смоленского). Выводы ученого строятся на основе всего имеющегося в распоряжении историка источникового материала по проблемам древнерусской истории.

Литература

1. Леонтович Ф. Задружно-общинный характер политического быта древней России. // Журнал министерства народного просвещения. Май 1874. Ч. CLXXIII. С. 201—224.
2. Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1940. 136 с.
3. Пичета В. И. Введение в русскую историю: (источники и историография). М.: Кооперативное издательство научных работников, 1922. 205 с.
4. Пичета В. И. Западная Украина и Западная Белоруссия. // Советская книга. 1939. № 12. С. 160.
5. Пичета В. И. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Моск. рабочий, 1939. 39 с.
6. Пичета В. И. История белорусского народа. Минск: Изд. центр БГУ, 2003. 184 с.
7. Пічэта У. І. Гісторыя Беларусі. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2005. 179 с.
8. Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
9. Темушев С. Н. Рец. на кн.: Юсова Н. Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Київ: Стилос, 2006. 620 с. / С. Н. Темушев // Российские и славянские исследования: науч. сб. Минск, 2008. Вып. 3. С. 265—271.
10. Цемушаў С. М. Веча ці князь: праблема арганізацыі кіравання ў Полацкай зямлі X — пачатку XIII ст. у дарэвалюцыйнай і савецкай гістарыяграфіі. // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 12. С. 14—21.

11. Юсова Н. А. Академік Володимир Пічета та генезис концепції давньоруської народності. // Российские и славянские исследования. 2007. Т. 2. С. 19—32.

12. Юсова Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.): Монографія. 2-е вид., перероб. і доп. Київ: ВД «Стилос», 2006. С. 240—241.

В. А. Теплова,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (Минск)

**СПЕЦИФИКА ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ
ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКОЙ ЕПАРХИИ
В ПЕРИОД 1839—1917 гг.**

Последствием Полоцкого Церковного Собора 1839 г. явилось возвращение униатов белорусских земель к практике православной жизни. Однако «бывшие униаты», формально считавшиеся православными, по разным причинам посещали костелы, исповедовались у ксендзов, т. е. по существу оставались католиками. Поскольку и православная церковь, и костел считали их своей паствой, между православным и католическим духовенством возникали конфликты. Выяснению специфики церковной жизни населения Полоцкой епархии, а также взаимоотношений духовенства двух христианских конфессий на протяжении 1839—1917 гг., посвящена данная статья.

V. A. Teplova
**THE SPECIFICS OF THE PARISH LIFE OF THE ORTHODOX
POPULATION OF THE POLOTSK DIOCESE DURING 1839—1917**

The consequence of the Polotsk Church Cathedral of 1839 was return of uniats of the Belarusian lands to practice of Orthodox life. However, «former uniats» formally being considered to the Orthodox, for various reasons visited Catholic churches, confessed at priests, that essentially remained Catholics. Since both the Orthodox church and the Catholic church considered them his flock, there were conflicts between Orthodox and Catholic clergy. This article is devoted to clarification of specifics of church life of the population of the Polotsk diocese, and also relationship of clergy of two Christian faiths throughout 1839—1917.

Последствием Полоцкого Церковного Собора 1839 г. явился непростой путь возвращения сотен тысяч униатов белорусских земель к практике православной жизни. По меткому замечанию Г. Я. Киприановича,

«дело воссоединения совершилось, но далеко еще не завершилось в 1839 году» [8]. Более чем 200-летнее пребывание православных в составе греко-католической церкви оставило заметный след в сознании верующих. Известно, что униатская церковь в первой трети XIX века в своей обрядности имела многие черты, скорее западной христианской традиции, нежели восточной. Это осознавалось православными иерархами как серьезная проблема, в том числе — как опасность сближения с католицизмом. Многие «бывшие униаты» после 1839 г., формально считавшиеся православными, по разным причинам (зависимость крепостных крестьян от помещиков, активная миссионерская и храмостроительная деятельность римо-католиков, тайное обучение основам католической веры и польскому языку, установление новых местночтимых праздников), посещали костелы, исповедовались у ксендзов, т. е. являлись католиками на практике [46, л. 166 об.]. Епископ Савва (Тихомиров) в 1870 г. объяснял посещение православными католических храмов безграмотностью народа. Он писал: «Простой народ Полоцкой епархии при своей необразованности не имеет ясного понятия и различия между православием и католицизмом, и потому он в праздничные дни безразлично посещает как православный храм, так и латинский костел. Даже последний иногда скорее, нежели первый. Привлекает внимание простолюдина то красивая и величественная архитектура, то игра на органе, то мнимая святыня, без которой ни обходится почти ни один костел» [30, л. 5 об, 6].

Бывших униатов и православная церковь, и костел считали своей паствой. Православные — в силу факта воссоединения с православной церковью, католики — в силу единства вероучения. На этой почве зачастую между православным и католическим духовенством возникали конфликты. О противостоянии между католическим духовенством, а также большей части привилегированного сословия со сторонниками воссоединения накануне Полоцкого Собора свидетельствует секретная инструкция «По воссоединению униатов с православием в Западных губерниях» 1839 г., согласно которой правительство для устранения возможных противодействий процессу воссоединения со стороны римо-католического духовенства и помещиков латинского исповедования наделило особыми полномочиями генерал-губернаторов западных губерний. Только в 1847 г. генерал-губернаторы решили не продлевать действие секретной инструкции, что свидетельствовало о некотором снижении

напряженности между православными и католиками [18, л. 10 об., 11, 11 об.].

Серьезное противостояние между двумя христианскими конфессиями в Полоцкой епархии вызывал вопрос о «разборе совращенных». Проблема заключалась в том, что католическое духовенство после выхода в апреле 1842 г. указа «О разборе совращенных», по которому православные и католики должны были произвести взаимный разбор прихожан «совращенных» из унии в католичество, считало часть прихожан, числившихся православными, своей паствой и нередко привлекало их католической службе. Разбор верующих затягивался. Полоцкая духовная консистория предписывала подведомственному духовенству «предпринимать усилия» к скорейшему окончанию разбора. Как следует из указов консистории, прекращение споров между православными и католиками о принадлежности прихожан к тому или иному исповеданию зависело только от римо-католического духовенства, которое не исполняло указ. Для того чтобы не обострять конфликта, в секретных указах консистории было предписано «обращать в православие уклонившихся в латинство только кроткими мерами» [10, л. 6, 6 об., 11, 11 об.]. Однако даже спустя 18 лет после обнародования этого указа имели место случаи, когда верующие, переданные ксендзами после разбора, продолжали держаться католических обрядов. Таких верующих было особенно много в приходах Дриссенского и Лепельского уездов.

По мнению одного из благочинных епархии причиной упорства в католичестве ранее совращенных в унию служил «страшный фанатизм местных латинских ксендзов». Имея сильное влияние на прихожан, они внушали, что униаты неправильно, без всякого документального основания были переданы в православие и могут потому совершенно беспрепятственно принадлежать к Римской церкви [11, л. 69 об., 70 об., 74 об., 97, 98]. И хотя выход указа 1842 г. снизил остроту проблемы, однако она, то затихая, то обостряясь, продолжала существовать вплоть до 1917 г.

Конфессиональная ситуация осложнялась и тем, что аппарат местной власти на белорусских землях был наполнен чиновниками, имеющими польскую идентичность и настроенными антироссийски [9]. Зачастую они использовали свои связи для борьбы с возрождающимся православием. Однако и православные российские чиновники мешали деятельности православного епархиального начальства, так как незаметно

подпадали под влияние местного польско-католического сообщества. Крепостная зависимость крестьян от помещиков также заставляла крестьян идти в костел, а не в православную церковь. Католицизм оставался конфессией привилегированных слоев общества. К тому же уровень образования и проповеднической подготовки католического духовенства был намного выше. Правда, у православных, как альтернатива этому, была государственная поддержка. Но она не всегда была последовательной и порою с применением неудачных мер.

Сильное влияние на отказ присоединиться к православию оказывали католические миссионеры, первейшая и главнейшая цель которых заключалась в сохранении бывших униатов в лоне римского католицизма [20, л. 15 об., 16]. Примерно в 1860 г. католическое духовенство по благословению своего митрополита ввело так называемое сорокачасовое «набоженство», которое приняло характер религиозно-политической миссии в Лепельском, Полоцком и Дриссенском уездах. Этот новый обряд совершали от 15 до 20 ксендзов и полоцких доминиканцев, которые собирались в одном костеле. Как правило, оно начиналось с мая и заканчивалось в сентябре и устраивалось поочередно в костелах в православные праздники, особенно в храмовые [21, л. 2, 2 об.]. Понятно, что приурочивание «набоженства» к православным праздникам имело целью привлечение православных к посещению костелов.

Приобщению крестьян к латинскому богослужению способствовали и помещики, освобождавшие своих крестьян от работ во время католических праздников. В дни, празднуемые православной церковью, они, напротив, занимали крестьян разными работами [44, л. 20 об.], перемещая их в местности, где не было православных церквей [41, л. 114 об.]. Только в 1855 г. случаи «совращения в латинство» имели место: в Речицко-Люцинском благочинии, где ксёндз Розентовского костёла венчал по католическому обряду крестьян православного вероисповедания; в Дриссенском благочинии, где ксёндз призывал прихожан Свольнянской Свято-Николаевской церкви к переходу в католицизм. Рапорты о переходе в католицизм лиц православного вероисповедания поступали в Полоцкую духовную консисторию в 1855—1856 гг. от Витебского, Себежско-Нищанского, Бешенковичского, Бобыничского, Динабургского, Лепельского благочинных [13, л. 1—39]. Оценивая конфессиональную ситуацию, сложившуюся в Полоцкой епархии в 1857 г., епископ Василий

(Лужинский) обращал внимание на безнаказанность действий католических священнослужителей: «Опыт предыдущих лет показал, что все дела о преступлениях католиков по отношению к православию при содействии католических помещиков и проявлении сочувствия к ним чиновников расследовались с пристрастием и в присутственных местах всегда решались не в пользу православной церкви. Эти дела возбуждали только слухи, нарекания и озлобления на православное духовенство. Напуганные таким образом священнослужители Полоцкой епархии даже о вредных для православной церкви действиях католиков перестали доносить, которые по своей очевидности не требуют доказательств или же имеют самые неопровержимые» [22, л. 234 об.]. И далее в отчете Святейшему Синоду архиепископ Василий (Лужинский) делится наблюдениями за 17 лет своего архипастырства: «Католики строят великолепные костелы, для которых почти нет прихожан. Православные храмы почти везде находятся в трудном состоянии, или совсем падают; если и строятся, то вследствие моей усиленной переписки. Большой частью они перестраиваются из каких-нибудь деревянных развалин, очевидно на короткое время существования. Латинские каплицы строятся или возобновляются почти при каждом зажиточном дворе. А во многих приходах уже более 20 лет нет храмов. Все это должно смущать не только не так давно воссоединенный простой народ. Латинское духовенство обеспечивается от своих единоверцев с избытком, везде у них в почете. Православное духовенство всегда должно вращаться в низшем кругу, жить скудно и трудом пахарей добывать средства к своему с семейством пропитанию.

Мне было легче в благоприятное время воссоединять сотни тысяч униатов в пяти губерниях бывшей Белорусской епархии и положить многообещающее начало присоединения раскольников к единоверию, нежели сейчас охранять вверенную мне паству от влияния торжествующих латинян и защищать воссоединенных и единоверцев от злых наветов и усиленных ими козней, искушений и соблазнов» [23, л. 251, 252, 252 об., 253].

В отчете Святейшему Синоду за 1859 г. епископ Василий еще раз обращает внимание на методы действий католического духовенства по сохранению своей паствы: «...образованные монахи и монахини, пропитанные фанатизмом, а кроме того, и ухищрениями других духовных их пособников: помещиков и должностных лиц с такой же духовной злобой

и ненавистью к православной церкви. Все они связаны такой клятвой — не щадить ничего для достижения цели. Все для них возможно, хотя бы и сопровождалось кровавыми жертвами. Не говоря уже о том, что все духовные изрыгают страшную хулу на Святую Церковь при исповедании людей и грозно укоряют всех за сообщение с ней. Они внушают воссоединенным простакам, что Русская православная церковь, не состоящая в общении с Римо-католической церковью, отпавшей от греческой, не имеет благодатных таинств. Они искушают простолюдинов фестивалями, крестными ходами и сорокачасовыми богослужениями, оглашая народу торжественно папские отпусы (новые разрешения от греха)» [24, л. 40б, 40б об.].

Привлечению к католицизму служили также торжественные разъезды католических епископов. Так в 1857 г. через 9 уездов Витебской губернии проезжал католический митрополит Жилинский в сопровождении нескольких десятков помещиков и прелатов духовной консистории. Пышные разъезды иерархов католической церкви служили утверждению внешнего превосходства католицизма перед православием. Православные епископы, свита которых была значительно скромнее, по словам архиепископа Полоцкого и Витебского, не имели такой возможности [47, л. 155, 155 об.].

Другим было отношение простых верующих католиков к православной церкви, особенно там, где не было вблизи костелов. Католики посещали православные храмы и молились вместе с православными. Об этом явлении в Святейший Синод неоднократно сообщали архиепископ Василий (Лужинский) и епископ Савва (Тихомиров). Известны случаи, когда при обозрении епархии католики спешили получить от православного архиерея благословение [25, л. 32, 32 об., 33] и в глубочайшем благоговении целовали святой крест, что свидетельствовало о почитании католиками православных святынь [42, л. 3].

Таким образом, церковная жизнь населения Полоцкой епархии дает любопытный пример причастности значительной части верующих и к православным, и к католическим богослужениям. Однако вряд ли можно считать справедливым представление о православной церкви первых десятилетий после Полоцкого собора как, безусловно, господствующей. Во многих случаях влияние костела на население было намного сильнее,

тем более что католическое духовенство в разных формах поддерживалось привилегированным сословием материально.

Серьезной проверкой твердости бывших униатов в православии явилось восстание 1863—1864 гг. Православное население Полоцкой епархии не поддержало восстание. Ставка на то, что идеи униатства еще не погасли в душах бывших униатов и их священников, не оправдалась [42, л. 3; 3, с. 168; 48, с. 137]. С этого времени начинается новый этап во взаимоотношениях между католическим и православным духовенством. Открытая прозелитическая деятельность стала невозможной. Изменилось и отношение гражданской власти к деятельности православного духовенства Полоцкой епархии. Так, когда в 1867 г. крестьяне Ляховского общества Дриссенского уезда, «совратились из православия в католицизм», увещевания священника не помогли. Епископ Полоцкий и Витебский Савва (Тихомиров) обратился к Витебскому губернатору, с просьбой принять меры против «фанатизма крестьян Ляховского общества». В результате двоих крестьян, отличающихся «крайним фанатизмом», выслали на жительство в Уфимскую губернию [1, с. 50, 51].

Чтобы не провоцировать открытого противостояния, православное духовенство при межконфессиональных контактах соблюдало подчеркнутую толерантность, но в то же время не делало уступок и послаблений там, где это было вредно интересам православной церкви [26, л. 166 об.]. Католическая пропаганда в Витебском крае заметно ослабла в 1870—1890 гг., хотя совсем не исчезла [27, л. 21 об.]. Как свидетельствуют данные из отчета Святейшему Синоду епископа Александра (Заккиса) за 1894 г. во взаимоотношениях двух конфессий наблюдается потепление, «некоторые из священников разделяли с ксендзами хлеб-соль. Православное духовенство к католикам относилось кротко и миролюбиво. При всяком удобном случае словом, делом и самым образом жизни православное духовенство старалось расположить их к себе и к православной пастве» [28, л. 74]. Но, тем не менее, и в это время известны случаи, когда католическое духовенство в некоторых районах Дриссенского и Лепельского уездов, где преобладало римо-католическое население, преподавало требы православным [29, л. 28 об.] или намеренно обостряло отношения между духовенством и паствой [13, л. 125 об.].

В свою очередь, православное духовенство также проводило миссионерскую работу среди католиков. В результате этой деятельности в

1864 г. в православие перешло 170 дворян и несколько десятков мещан и крестьян [43, л. 2 об]; в 1870 г. 133 католика были присоединены к православию; в 1875 г. — 87; в 1886 г. — 29; в 1896 г. — 51; в 1904 г. — 46 [31, л. 22; д. 637, л. 37 об., 42; д. 1095, л.38; д. 1633, л. 52 об; д. 2048, л. 20 об.]. Однако одновременно имелись случаи перехода из православия в католицизм. Так, в 1870 г. 17 православных перешли в католичество; в 1884 г. — 2 [32, д. 389, л. 22; д. 1042, л. 15 об.]. Редкость переходов можно объяснить тем, что переход из православия в другую конфессию был запрещен гражданским законодательством Российской империи. Витебский губернатор В. М. Долгорукий в отчете министру внутренних дел Д. А. Толстому за 1888 г. объясняет это тем, что «римско-католическое духовенство, служа орудием элиты общества, имевшей польскую идентичность, неоднократно продолжает поддерживать дух политической и религиозной нетерпимости в отношении к русскому народу. Ксендзы постоянно внушают своим прихожанам вражду ко всему русскому и строго запрещают им сближение с православными, в особенности заключение браков. Они угрожают во всех таких случаях проклятиями, недопущением до причастия и другими духовными карами. Когда эти меры не помогают в отношении браков, то ксендзы отказывают им в необходимых метрических документах» [45, л. 8].

После выхода 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому стали возможны переходы из православия в другую конфессию, начинается новый этап в межконфессиональных отношениях. По свидетельству Полоцкого епископа Серафима (Мещерякова) обстановка в епархии вследствие действия нового указа вновь становится напряженной и вызывает необходимость изменить тактику во взаимоотношениях с католическим населением. В отчете за 1906 г. он писал: «С изданием манифеста 1905 года о вероисповедной свободе <...> католическое духовенство, до этого времени действовавшее скрытно, теперь с объявлением всяких свобод выступило в открытую борьбу с православием и повело открытую пропаганду, в особенности по отношению к бывшим униатам, не стесняясь при этом ни в каких средствах. Естественно, что православное духовенство должно было также выступить на защиту своей паствы путем проповеди, раздачи листовок и изобличения лжи католических ксендзов» [33, л. 10].

В тоже время владыка Серафим констатирует, что бывшие униаты, не смотря на возможность свободного перехода в католичество, «сохранили верность православной церкви». «Благочестие в народе в отчетном году с изданием манифестов о свободах подверглось великому испытанию и это вполне подтвердило прежние отзывы о твердости простого народа в православии и других исконных русских началах. Если и были отпадения в католичество, то сравнительно с числом бывших униатов оно незначительно, большинство униатов осталось верным православию, были и есть приходы, окруженные католиками, где не было ни одного случая соращения», — писал епископ в своем отчете за 1905 год [35, л. 24]. В католичество, согласно отчету епископа Серафима, в 1905 г. отпало 1575 человек [35, л. 24]. Это обстоятельство, с точки зрения епископа, доказывает, что православие в Полоцкой епархии укрепило свои позиции настолько, что даже потрясения, вызванные указом 17 апреля, не могли поколебать религиозные убеждения нового поколения бывших униатов, выросших в традициях православия. Тем не менее, для выяснения причин отпадения православных в католичество епископ Серафим 31 мая 1905 г. проводит пастырское собрание, на котором присутствовало городское и сельское духовенство. Причинами отпадений в католицизм, по мнению духовенства, были: расположенность части паствы к костелу; смешанные браки; красота и пышность католических богослужений; слабое развитие пастырской миссии в бывших униатских приходах. Автор статьи «Воинствующий католицизм», опубликованной в «Полоцких епархиальных ведомостях», подтверждает мнение духовенства: «Едва ли найдется дом, в котором не было бы нескольких католических молитвословов. Малейшее торжество католической церкви находило живой отклик в сердцах населения, официально считающееся православным. Каждое такое торжество ознаменовывалось раздачею богомольцам на память вещественных знаков в виде образов, четок, книжек и пр. Еще одной причиной являлось слабое развитие пастырской миссии в приходах, образованных из униатов. Эти приходы большей частью очень бедные, а потому они не только не привлекали к себе хороших священников на долгое время, напротив, последние смотрят на свое пребывание в таких приходах, как на временную ссылку, а потому думают лишь о том, как бы скорее перевестись в другой, чисто православный приход. Понятно, что при таком отношении к месту своего служения ни один священ-

ник не может отдаваться делу миссии с тем огнем, который особенно необходим пастырю в приходах с “упорствующими и колеблющимися”» [2, с. 288—297].

16—18 ноября 1905 г. в Полоцке состоялся первый епархиальный съезд духовенства и мирян, на котором обсуждались те же болезненные для православной церкви вопросы: отражение указа о веротерпимости на жизни православного населения; причины доверия населения к проповедям ксендзов, наставников, девок и т. д. и, наоборот, ничтожное влияние на население проповедей православных священников; условия, способствующие отпадению от православия; деятельность сектантов по обращению православных в свою веру; изменение миссии соответственно новым условиям [33, л. 10].

Причины массовых отпадений из православия в католичество согласно решениям съезда заключались в тайной пропаганде католичества и отсутствии со стороны православного духовенства мер к ее ослаблению, многовековых традициях, воспитанных костелом (богослужение, частые исповеди, обряды погребения), нерадивость части православного духовенства, а также более удачное географическое расположение костелов [17, с. 43—48, 85—89]. Причины отпадений в католичество обсуждались и на собрании Миссионерского комитета 24 сентября 1908 г., на котором присутствовали священники почти из всех уездов епархии. После обсуждения члены собрания пришли к следующему заключению: не все воссоединенные из унии принимали православие по убеждению; многие не только из мирян, но и из воссоединившихся священников по своим убеждениям были более склонны к католичеству; как со стороны епархиального начальства, так и местного духовенства, опиравшихся на защиту гражданских законов, не было принято своевременно должных мер к укреплению воссоединенных в истинах православной веры; воссоединившиеся из унии все время находились в тяжелой экономической зависимости от помещиков-поляков; ничем не обуздываемые после издания указа 17 апреля 1905 г. ложь, обман, прельщения, угрозы, издевательства, насмешки и разные насилия со стороны ксендзов и их сторонников над православными [18, с. 203—207]. На съезде были разработаны рекомендации для обязательного исполнения, направленные на ослабление католичества в Полоцкой епархии. Они включали: распространение листов миссионерского братства, молитвословов,

Евангелий, принятие исповеди в любое время с наложением епитимий; частое совершение крестных ходов около храмов, к ближайшим приходам, создание кружков «ревнителей православия»; оказание материальной помощи «слабым в вере»; содействие закрытию польских тайных школ. В справочниках Полоцкой епархии за 1912 и 1913 гг. сообщается, что большая часть из намеченных мероприятий духовенством была выполнена [49, с. 113].

Пастыри Полоцкой епархии сообщали о случаях, когда ревнители католицизма пользовались народным невежеством при толковании указа о веротерпимости. «Ксендзом, — пишет один священник, — указ был объявлен в костеле с приглашением явиться к нему и записаться, кто желает оставить православие; одновременно через девок было объявлено по деревням с православным населением, что от царя вышел приказ, чтобы все были католиками, — всюду разнесла молва, что в Петербурге все начальники перешли в католичество; все церкви будут обращены в костелы, а священники перейдут в католичество и будут ксендзами. Поднялась сильная смута. Народ толпами стал двигаться к ксендзу записаться. Чтобы не дать народу одуматься, было объявлено, что записываться будут только несколько дней, а потому необходимо спешить» [2, с. 288—297]. Или другой пример распространения ложных сведений об указе 17 апреля среди простого народа. В одной деревне прибывают к стене объявление губернатора о мерах против холеры, обступили бабы, «... а знаем, говорят, это манифест Царя, что все должны быть католиками». Пускались и такие слухи: «ведь Царь наш только тогда войну начал, когда римский папа ему позволил и благословил его на это», «а про Государыню давно известно у нас, что она католичка» [5, с. 236—238].

Священник Кирилл Зайцев в статье «В чем сила католицизма?» утверждал, что распространителями подобной дезинформации часто служили девотки или законницы. Они являлись, по убеждению священника, «правой рукой ксендзов, исполнительницами его воли, и в тоже время как бы ширмой, за которую можно спрятаться, если бы пришлось дать ответ за свои противозаконные действия» [6, с. 390—397].

Серьезной причиной отпадения от православия в католицизм являлась тайное обучение польскому языку и основам католической веры, т. е. скрытая просветительская работа поборников польской культуры и католицизма. С переходом в православие бывших униатов Дриссенского

и Лепельского уездов опека и руководство ксендзов духовной религиозной жизнью народа не прекратились, а еще более усилились. По-прежнему поддерживались и развивались тайные польские школы, в которых обучением занимались местные уроженки, выдержавшие искус в римо-католических монастырях — девотки, под тайным руководством ксендзов. Почти в каждой большой деревне с наступлением осеннего времени девотка собирала девочек для обучения. Чтобы отклонить всякое подозрение о существовании тайных школ, девочкам приказывалось являться в известную избу с прялками, и девотка обучала девочек польским молитвам, катехизису, грамоте и пению. Есть все основания считать, что вместе с этим детям прививалась и неприязнь к православию. Действия девоток проверялись ксендзами, и таким образом вся женская половина Дриссенского уезда оказалась, благодаря опеке девоток, знающей в совершенстве католический катехизис, была глубоко предана папе и ксендзу. Многие из православных девушек Дриссенского уезда прошли школу девоток и в свои семейства внесли неприязнь к православной церкви [17, с. 43—48].

В одном из номеров «Полоцких епархиальных ведомостей» за 1905 г. был описан случай распространения польской культуры, который был связан с деятельностью девушки Т. из Ломжинской губернии. Она дала Богу обет всю свою жизнь посвятить на пропаганду польской народности и культуры среди литовцев и латышей-католиков. В Витебскую губернию ее пригласил богатый помещик-поляк Двинского уезда, чтобы она распространяла среди латышей-католиков Витебской губернии польский язык и культуру. Помещик за это платил. Госпожа Т. 5 лет работала в Двинском уезде, и в результате в семьях, где родители ни слова не знали на польском языке, дети уже стали стыдиться говорить между собой на другом языке, кроме польского. Указанная ревнительница польской культуры также раздавала крестьянам не только брошюры на польском языке, но и полезные в крестьянском обиходе вещи. Госпожа Т. рассказывала, что такими девушками, как она, посвятившими себя на служение полонизации, заполнена вся Литва. Они больше всего агитируют среди девушек, а последние, восприняв плоды польского просвещения, стараются по всем уголкам Литвы распространять польскую культуру и оплячивать своих соплеменников [15, с. 518—519]. Можно предположить,

что таких ревнителей польской культуры было немало и в Витебской губернии.

В деревнях, где католики были в большинстве, началось в буквальном смысле гонение на православие; например, какой-нибудь фанатичный католик пускал все средства в ход, чтобы заставить бедную женщину уйти в католичество. Если убеждения не помогали, тогда начинались угрозы: «Мы тебе помогать не будем, ты с голоду помрешь, если заболеешь и будешь лежать в постели, мы не дадим <...> тебе и глотка воды» [2, с. 288—297].

В 1839 г. «отторгнутые насилем были воссоединены любовью», а после 17 апреля 1905 г. «воссоединенные любовью» отторгаются опять насилем. Малообразованному, фанатичному католическому народу было объявлено, что он должен стараться обратиться в католичество православных, что в этом его спасение, этим он заслужит прощение грехов [7, с. 236—238]. Таким образом, действия поборников католицизма во многих случаях были лишены не только духа христианской любви, но и уважения к человеку.

Священник Кирилл Зайцев приводит примеры из жизни православных, страдающих от неприязни католиков: «Особенно много перетерпела одна вдова деревни М. Ева Кириллова. Она была крещена в православии, никогда не ходила в костел, усердно посещала церковные службы. Эта стойкая православная женщина все перенесла — угрозы, издевательства, насмешки, много слез пролила, когда все родственники отказались от нее и при встрече отворачивались, как от зачумленной. Особенно тяжело ей было, когда не давали покоя ее 8-летней дочери, которая долго тяжело болела. Причину болезни, конечно, католики видели в том, что она не желала оставить русской веры. Фанатичные католические женщины и девотки подкарауливали, когда самой матери не было дома, тотчас собирались они целой толпою, окружали постель умирающего ребенка и начинали мучить его своими речами: “ты плачь, проси маму, чтобы сама она переходила в католичество и тебя бы записала; как хорошо тебе будет тогда, ты будешь умирать, ведь ты не выздоровеешь, мы придем, станем вокруг твоей постели, будем петь святые песни” Ей дали последний срок для записи ксендзу, “иначе соберутся родственники и ее повесят...”» [6, с. 390—397]. Или другой случай, связанный с проявлением насилия при обращении в католичество. Крестьянин деревни Сосницы

Иван Петров хотел задушить своего взрослого сына за то, что он не желает вместе с ним переходить в католичество. Если бы не сбежались соседи, то, наверное, преступление было бы совершено. После этого отец выгнал своего сына из дома и лишил его имущества за то, что тот твердо решил остаться в православии [6, с. 390—397].

Верующие переходили в костел и по причинам эстетическим (в католических храмах привлекала торжественность и красота богослужения, органная музыка). «Самые церкви православные, — говорилось в «Полоцких епархиальных ведомостях», — <...> в таких приходах поражают свою бедностью и убожеством; духовенство в этих приходах живет также бедно. Это обстоятельство имеет для народа большую важность. Ваша вера — холопская, у вас попы живут нищими, часто говорят католики православным, — а у нас — все паны ездят на тройках в костел <...>. Громадную силу имеет здесь экономическое положение православного населения, именно материальная зависимость населения от помещиков-католиков, которые прямо заставляют крестьян ходить к ксендзу под угрозой лишить их земли или куска хлеба» [2, с. 288—297]. Таким образом, поборниками католицизма использовалось и подкреплялось представление о католичестве как о более элитарной религии, чему способствовал и такой факт, как бедность многих православных церквей и приходов.

На пастырском собрании, созванном епископом Серафимом в 1905 г., были выработаны меры для предотвращения отпадений от православия: ознакомление населения с истинным смыслом указа 17 апреля о веротерпимости; широкое развитие в православных приходах пастырской миссии; приходы, в которых преобладало католическое население, обеспечить материально и поставить священника вне всякой зависимости от прихожан [2, с. 288—297].

На епархиальном собрании миссионерского комитета в 1908 г. в целях укрепления православных в вере, удержания от уклонений в католицизм и возвращения уклонившихся участниками съезда были признаны полезными следующие меры:

1. Главнейшим средством в полемике с римо-католиками, как по догматическим, так и по обрядовым расхождениям должно стать Священное Писание.

2. Единение пастырей между собой и их энергичная деятельность в приходах без подрыва авторитета друг друга.

3. Поддержка церковноприходских школ и школ грамоты, как незаменимых миссионерских пунктов, назначение в них учащихся, которые бы могли вести миссионерскую практику.

4. Введение общего пения в сельских храмах, распространение пения псалмов и молитв в деревнях.

5. Организация чтений в школах, которые должны сопровождаться пением.

6. Произношение пастырями поучений наизусть, без тетрадей, живым народным языком.

7. Устройство крестных ходов с максимальной торжественной обстановкой из прихода в приход, где это представляется возможным.

8. Введение дополнительных уроков по Закону Божию для сообщения систематических знаний по вероисповедным расхождениям.

9. Катехизация взрослых юношей и девушек.

10. Обеспечение причтов достаточным содержанием от казны.

11. Привлечение к миссионерской деятельности наиболее ревностных прихожан [18, с. 203—207].

Деятельность по реализации намеченных мероприятий привела к тому, что к началу 10-х гг. XX века работа по предотвращению уклонений в инославие стала приобретать иное качество. Отсутствие опоры на административный ресурс подталкивала духовенство к использованию школьного образования, катехизации и миссионерской деятельности как основных средств упрочения православной веры. Большое значение в укреплении позиций православия сыграло перенесение мощей преподобной Евфросинии Полоцкой в 1910 г. из Киева в Полоцк.

В 1915 г. для укрепления веры в народе и ограждения православия от иноверия стали использоваться приходские братства, в состав которых входили твердо убежденные в православии прихожане, способные не только полемизировать с инославием, но и вести аргументированную пропаганду своей веры. Так в Полоцкой епархии возник институт приходских миссионеров [39, л. 60 об., 61].

Возрождению религиозно-нравственной жизни православных в Полоцкой епархии, явно обозначившемуся к началу XX в., способствовало также открытие и деятельность церковно-приходских школ, церковно-

археологического музея и бесплатной библиотеки-читальни. С этой же целью по воскресеньям и праздничным дням проводились вне богослужebные собеседования. Священник Гегель предложил сопровождать их церковными песнопениями. Для образования псаломщиков, способных руководить такими хорами, предлагалось открыть курсы пения [17, с. 43—48, 85—89].

Священник Кирилл Зайцев рекомендовал для религиозного образования православных верующих использовать брошюры, в которых бы простым разговорным языком объяснялись «заблуждения» католицизма. По его наблюдениям печатное слово на крестьянина производит неотражимое впечатление. Она «возвышает в глазах православных их веру, как единую согласную с Христовым учением, и дает в руки православным оружие для отражения нападений со стороны приверженцев католицизма». Миссионерские листки, по убеждению священника, также окажут действие и на тех, кто необдуманно перешел в католицизм [4, с. 492—496].

О результатах миссионерской деятельности можно судить по количеству верующих, отпавших из православия в католичество. В 1905 г. число перешедших из православия в католичество было 1575 человек, в 1906 г. — 218, в 1908 г. — 284, в 1909 г. — 226, в 1912 г. — 76 [16, с. 790—795; д. 2167, л. 10; д. 2292, л. 6; д. 2537, л. 6]. Из католичества в православие в 1905 г. обратилось 25 человек, в 1906 г. — 28, в 1908—1909 гг. — 48, в 1912 г. — 50 [16, с. 790—795; д. 2167, л. 10; д. 2292, л. 6; д. 2537, л. 6]. Отпадения из православия за 1912 г. в большинстве случаев были вызваны смешанными браками и материальной зависимостью прихожан [40, л. 6].

Таким образом, в течение 1839—1917 гг. Полоцкая епархия пережила сложный процесс постепенного возрождения православия. Его можно разделить на несколько этапов. Первый — 1839—1863 гг. — характеризуется нелегальной миссионерской деятельностью католического духовенства в среде православных верующих. 1863 г. — 1905 гг. — более спокойных взаимоотношений между католическим духовенством и православным. Во взаимоотношениях между конфессиями происходит внешнее потепление, хотя прозелитизм католического духовенства не исчезает, а приобретает скрытый характер. После выхода указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. начинается новый

этап противостояния католичества и православия, который был преодолен к 1914 году.

Литература

1. Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. С. 50, 51.
2. Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 12. С. 288—297.
3. Грыгор’ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М. Канфесіі на Беларусі. Мінск: ВП «Экаперспектива». 1998. С. 68.
4. Зайцев Кирилл, священник. Среди католиков // Полоцкие епархиальные ведомости. 1906. № 15. С. 492—496.
5. Зайцев Кирилл, священник // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 236—238.
6. Зайцев Кирилл, священник. В чем сила католицизма? // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 16. С. 390—397.
7. Зайцев Кирилл, священник. О нашей миссии // Полоцкие епархиальные ведомости. № 14. 1905. С. 236—238.
8. Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с православною церковью в 1839 г. Изд. 2-е испр. и доп. Вильна, тип. Блюмовича, 1897. 613 с.: 3 вкл. л. портр. С. IV.
9. Киселев А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII — первой половине XIX в. Минск: Изд. «Военная академия Республики Беларусь», 2007. 163 с.
10. Полоцкие епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 790—795
11. Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ). Ф. 3278. Оп. 1. Д. 51. Л. 6, 6 на об., 11, 11 на об., 17. Указы Полоцкой Духовной Консистории за 1844 год.
12. НИАБ. Ф. 2531. Оп. 1, Д. 30. Л. 69 на об., 70 на об., 74 на об., 97, 98. Отчет Василия, Архиепископа Полоцкого и Витебского, о состоянии епархии за 1860 год.
13. НИАБ. Ф. 2531. Оп. 1. Д. 26. Л. 1—39. Докладной реестр входящих документов Полоцкой Духовной консистории о переходе лиц православного вероисповедания в католическое за 1855 г.

14. НИАБ. Ф.796. Оп. 1. Д. 64. Л. 125 на об. Донесения благочинных и ведомости о количестве и состоянии церквей, монастырей, церковно-приходских школ и попечительств, богаделен, больниц по благочиниям епархии за 1891 год.

15. Ополячивание латышей в Витебской губернии // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 9. С. 518—519.

16. Открытие миссионерского съезда-курсов для окружных и приходских миссионеров Полоцкой епархии // Полоцкие епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 790—795; Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2167. Л. 10. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1906 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2292. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1908–09 гг.; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2537. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1912 год.

17. Первый Полоцкий Епархиальный съезд духовенства и мирян // Полоцкие епархиальные ведомости. 1906. № 2, 3. С. 43—48, 85—89.

18. Постановление Епархиального Миссионерского Комитета, от 24 сентября 1908 г., № 4-й, ст. 1-я, утвержденное Его Преосвященством 6 октября 1908 г. // Полоцкие епархиальные ведомости. 1909. № 12. С. 203—207.

19. РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23404. Л. 10 на об., 11, 11 на об. По Высочайшему повелению, сообщенному Министром внутренних дел, об оставлении в своей силе еще на два года секретной инструкции по воссоединению униатов с православием в Западных губерниях.

20. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 1783. Л. 15 на об., 16. О вредных для Православия действиях Освейских и Лукштатских ксендзов миссионеров.

21. РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 102. Л. 2, 2 на об. По рапорту Преосвященного Полоцкого о разных обстоятельствах обративших его внимание при обозрении церквей.

22. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 234 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.

23. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 251, 252, 252 на об, 253. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.

24. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 35. Л. 406, 406 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1859 год.

25. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 32, 32 на об., 33. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год.
26. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 166 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.
27. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 544. Л. 21 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1873 год.
28. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1522. Л. 74. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1894 год.
29. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 289. Л. 28 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1868 год.
30. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 5 на об., 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год.
31. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 22. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 637. Л. 37 на об., 42. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1875 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1095. Л. 38. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1886 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1633. Л. 52 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1896 г.; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2048. Л. 20 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1904 г.
32. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 22. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1042. Л. 15 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1884 год.
33. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2167. Л. 10. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1906 год.
34. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2107. Л. 24 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1905 год.
35. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2107. Л. 24. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1905 год.
36. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2107. Л. 10. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1905 год.
37. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2292. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1908–09 гг.;
38. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2537. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1912 год.
39. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2722. Л. 60 на об., 61. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1915 год.

40. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2537. Л. 6. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1912 год.

41. РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Д. 25676. Л. 114 на об. О Высочайше утвержденных мерах к устранению совращений из православия по западным епархиям.

42. РГИА. Ф. 797. Оп. 10. Д. 27496. Л. 3. По отношению Преосвященного Полоцкого о состоянии Церкви вверенной ему епархии в уездах Люцинском, Себежском и Дриссенском.

43. РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Д. 285. Л. 2 на об. По отношению архиепископа Полоцкого о совершенном им обзрении епархии в 1864 году.

44. РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 153. Л. 20 на об. Переписка с канцелярией обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода.

45. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 314. Л. 8. Римско-католическая пропаганда в белорусских губерниях.

46. РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 9. Л. 166 на об. Переписка с Синодом, Канцелярией обер-прокурора Синода и других учреждений по вопросу о привлечении к православию бывших униатов Западного края, исповедующих католичество.

47. РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 936. Л. 155, 155 на об. Письма Василия, архиепископа Полоцкого и Витебского.

48. Романчук Александр, протоиерей. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: жизнь и служение. Минск: Братство во имя св. Архистратига Михаила, 2012. С. 137.

49. Яноўская В. В. Хрысціанская царква у Беларусі 1863—1914 гг. Мінск.: БДУ, 2002. С. 113.

С. Л. Луговцова,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (Минск)

ПЕРЕПОЛОХ В АДМИНИСТРАЦИИ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ, КАК СЛЕДСТВИЕ ЧАСТНОГО ПИСЬМА М. ХОДЬКО

В статье анализируется, каким образом в 1839 г. российские чиновники отреагировали на получение помещиком Минской губернии В. Корсаком письма от участника восстания 1830—1831 гг., эмигранта М. Ходько. Автор пришла к выводам о снижении роли гражданских губернаторов в системе местного управления Российской империи в 1830-х гг.; высокой степени централизации управления, когда решение по делу о письме личного характера принимал лично шеф жандармов А. Х Бенкендорф. Анализ содержания документа позволил дополнить портрет «идеалиста» (по его собственному определению) М. Ходько.

Sv. L. Lougovtsova THE STIR AT THE MINSK PROVINCE ADMINISTRATION, AS A RESULT OF THE PRIVATE LETTER OF M. CHODZKO

The article examines how, in 1839, Russian officials reacted to the letter, that was sent to Minsk province landowner V. Korsak by the participant of the revolt 1830—1831, an emigrant M. Chodzko. The author comes to the conclusion, that the role of the civil governors in the local administration of Russian Empire decreased in the 1830-s. The state administration has reached a high degree of centralization. The decision on the case about the emigrant's letter of private character was taken by the chief of police A. Benckendorff personally. Analysis of the content of the document complements the portert of «idealist» (by his own definition) M. Chodzko.

В июле 1839 г. в Вилейской почтовой конторе было получено письмо на имя местного помещика Викентия Корсака. Узнав о корреспонденции на свое имя, Корсак в присутствии почмейстера Кузнецова вскрыл письмо, публично вытряс конверт, демонстрируя, что в нем ни-

чего не содержится, кроме сложенного листа. Затем вслух прочитал текст, причем при этом присутствовал в качестве свидетеля Вилейский уездный предводитель дворянства Петровский. Последний подтвердил правильность перевода, так как письмо было написано на польском языке, которого почмейстер не понимал. Почему же присланный конверт был вскрыт с такой предосторожностью, как будто в нем содержалось некое взрывоопасное вещество? Письмо, действительно, представляло опасность для получателя, так как было отправлено одним из «главнейших злоумышленников» [2, л. 24] против российской власти Михалом Ходько.

М. Ходько (1808—1879) успел заслужить такую репутацию задолго до происходивших событий. Еще студентом Виленского университета он был членом обществ филоматов и филаретов. В 1830—1831 гг. принял самое активное участие в восстании, получил чин капитана. За свои заслуги в восстании был представлен к награждению золотым крестом *Virtuti Militari*. С другой стороны, решением Минской губернской следственной комиссии он был отнесен ко второму разряду государственных преступников, что означало конфискацию имущества и каторжные работы в случае появления его в пределах Российской империи [5, с. 221]. После поражения восстания М. Ходько бежал за границу, провел несколько месяцев под арестом в Клайпеде, затем удалился в эмиграцию. Во Франции стал сторонником взглядов И. Лелевеля, остро критиковал политиков из аристократического лагеря А. Чарторыйского [6, с. 388]. В апреле 1832 г. в г. Безансон было основано Общество Братского Единения (*Towarzystwo Zjednoczenia się Braterskiego*). М. Ходько вошел в руководство организации [4, с. 60]. Объединение было идейно близко созданному в декабре 1831 г. в Париже Обществу Литовскому и Земель Русских (*Towarzystwo Litewskie i Ziemi Roskich*). Как свидетельствует Устав общества, главными его целями были: сбор материалов по истории восстания в Литве и русских землях, описание этих территорий с исторической и статистической точки зрения и исследование их населения [4, с. 48—49]. В 1835 г. М. Ходько опубликовал воспоминания «Экспедиция в Польшу в 1833 г. одного из эмиссаров» [1, с. 74]. Из Безансона он переехал в Париж, где в мае 1832 г. вступил в Общество Литовское и Земель Русских. Одновременно он принадлежал к международной масонской ложе и обществу парижских карбонариев [6, с. 388].

В конце 1832 г. М. Ходько вступил в общество «Мечь народа», а в 1833 г. участвовал в экспедиции Ю. Заливского. Последний считал, что население бывших польских провинций, захваченных Российской империей, готово вновь начать борьбу, ему только необходимо дать толчок. Этим толчком должен был стать приезд эмигрантов из эмиграции и формирование ими партизанских отрядов. Определенные надежды возлагались также на европейские революции, которые начнутся одновременно с новым восстанием и не позволят прусской и австрийской монархиям вмешаться в польские дела [4, с. 79].

М. Ходько был назначен в экспедиции командиром пинско-случского округа. Однако ему не удалось одновременно с другими эмигрантами перейти границу, а после возвращения Заливского из Царства Польского в этом уже не было смысла. Он остался в Галиции и совместно с другими эмигрантами занимался организацией карабинерского движения и подготовкой продолжения экспедиции. Однако и в Галиции ему не удалось задержаться на длительное время. Уже в 1834 г. он был вынужден вернуться во Францию [4, с. 95]. В Париже М. Ходько продолжал активно участвовать в деятельности Общества Литовского и Земель Русских. В 1838—1839 гг. стал соредактором демократического издания «Полнос» [6, с. 389].

Раскрыв только самые яркие факты из биографии М. Ходько к 1839 г., становится ясно, что получить письмо от такого человека в Российской империи в 30-е гг. XIX в. было крайне опасным. В. Корсак постарался максимально оградить себя от переписки с братом (со стороны матери, происходившей из рода Корсаков). Казалось, его тактика имела успех. Минский гражданский губернатор Н.В. Сушков нашел рассказ о происшествии «истинно преданного престолу и истинно природного россиянина» почмейстера Кузнецова правдивым [2, л. 24]. И посчитал возможным оставить В. Корсака на свободе, «дабы к подобным предъявлениям приохотить и других» [2, л. 41 об.].

В чем же собственно состояло содержание письма М. Ходько? Это текст лирического характера с рассказом о новостях, с попытками узнать что-то новое о родных и близких. Письмо переполнено ностальгией по родине, автор не стесняется признаться, что это самые дорогие его воспоминания, но и самые горькие, каждый раз вызывающие слезы и печаль: «Восемь лет, длинных горьких, а мне кажется, что я вас вчера ос-

тавил, столь сильно представляется памяти моей всякий предмет родимого уголка, не только каждое милое живущее творение. Кажется, что после стольких слез, после стольких вздохов, источник слез уже должен был иссякнуть... но человек плачет и вздыхает всякий день, всякий час... В минуты свободнейшие от занятий люблю переноситься между вами, забывая о своем несчастье. Отрада единственная и потому милая, хотя горькая, есть свойство чувствительного сердца. Люди зовут меня идеалистом, но я не отдал бы моего идеала ни на одну минуту за их действительность, где без идеала, без всей власти нравственной жизни, ни одной минуты человек честный прожить не в состоянии» [2, л. 5—6].

М. Ходько рассказывает о себе и своих родных братьях Станиславе и Феликсе. Все они не получали никакой материальной помощи из дома и вынуждены были зарабатывать на жизнь собственным трудом, чем автор гордится: «...и поверь, друг мой, что хотя трудимся, но нисколько не завидуем тем, кои имеют из дому денежное пособие, ибо они возвратятся такими же, как и прибыли, а вы сами знаете, что нам должно очень перемениться, в противном случае беда нам и вам!» [2, л. 7]. Надо сказать, что Ходько принадлежал к тому кругу шляхетских революционеров, которые мучительно переживали итоги восстания 1830—1831 гг., искали причины поражения в отсутствии поддержки в среде крестьянства, считали необходимым отказаться от шляхетских привилегий и выступить единым фронтом со вчерашними крепостными против общего врага. Исследуемое письмо подтверждает, что мысли и слова М. Ходько не расходились с его делами. В частности, он поддерживал дружеские отношения со своими бывшими слугами Иоахимом и Климентом, бежавшими с ним за границу, с радостью сообщал в письме, что они не только сумели найти себе хорошую работу, но и научились читать и писать по-французски [2, л. 9 об.]. Отметим, что такое содружество слов и поступков было скорее исключением, чем правилом в шляхетской среде. Например, один из наиболее известных эмиссаров Ш. Конарский, активно призывавший говорить с крестьянами как с равными и готовить их к совместной борьбе с российским самодержавием, сам так и не сумел преодолеть шляхетскую спесь и найти общий язык с крепостными, как в австрийской Галиции, так и в пределах Российской империи [3].

В своем письме М. Ходько сожалеет о поведении родной сестры Софьи, которая забыла о его существовании, хочет узнать, жива ли мать, вздыхает о некоей Эвелине, передает привет «Карлу В.», просит Корсака через виленского книгоиздателя Ю. Завадского выслать ему вышедшие произведения знаменитого «Яна из Свислочи» (на самом деле, своего отца Яна Ходько) [2, л. 7—9 об.].

Минский губернатор Н. В. Сушков нашел содержание письма «мечтательным» и посчитал возможным считать инцидент в Вилейской почтовой конторе исчерпанным. Однако у Виленского военного губернатора и генерал-губернатора Гродненской и Минской губерний П. А. Долгорукова оказалось иное мнение. Последний решил, что В. Корсак публично вскрыл письмо не столько «по доверию и откровенности к правительству», сколько из опасения подвергнуться ответственности и с намерением «отвлечь подозрения в сношениях с означенным злоумышленником» [2, л. 42]. В связи с чем, у Корсака был произведен обыск (ничего не дал), он был допрошен и уверял, что никакого Завадского не знает и никаких отношений с эмигрантами не поддерживает. Тем не менее, по требованию генерал-губернатора за помещиком был учрежден «бдительный надзор полиции» [2, л. 42 об.]. Были также допрошены упоминавшиеся в письме Эвелина Грегорович, Софья Неборовская (фамилия сестры М. Ходько в замужестве) и Карл Ванькович.

Софья утверждала, что она действительно получила от брата четыре письма, но предъявила все их бывшему Минскому губернатору А. Ф. Дребушу, что подтвердилось записями в губернаторской канцелярии. Эвелина Грегорович согласилась, что была знакома с М. Ходько до восстания 1830—1831 гг., однако никакой переписки впоследствии с ним не вела и о любви, питаемой к ней, ничего не знает. Помещик К. Ванькович признался, что был знаком с Ходько ещё в те времена, когда Михал служил в губернаторской канцелярии, однако связей с ним не поддерживал. Он также отметил, что М. Ходько имел не только родителей, но и многих родственников в Вилейском уезде, был знаком практически со всеми чиновниками Минска, так что бывал не только в его доме, но практически во всех минских домах [2, л. 43—44]. В апреле 1840 г. Н. В. Сушков вновь предлагал генерал-губернатору прекратить дело [2, л. 45]. Решающим в этом вопросе стало мнение

самого А. Х. Бенкендорфа. Глава III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии ознакомился с делом в сентябре 1839 г. и вынес вердикт, что в письме М. Ходько «не заключается ничего особенного» [2, л. 16 об.].

Несмотря на столь весомое мнение, дело было закрыто далеко не сразу. Во-первых, переписка между ведомствами заняла определенный промежуток времени. Во-вторых, все произведения Яна Ходьки были повторно отправлены на изучение виленскому цензору П. Кукольнику. Отметим, что последний не только не нашел в книгах «Яна из Свислочи» антиправительственных мыслей, но и высоко оценил их простоту, легкий стиль, а также «в высшей степени народность изображаемых лиц» [2, л. 31—32 об.].

Таким образом, изучение дела о письме М. Ходько дает нам представление: о функционировании местного государственного аппарата Российской империи, где мнение чиновника столь высокого ранга, как губернатор, не учитывалось вышестоящим начальником (генерал-губернатором), который собственно и принимал окончательное решение по делу; о высокой централизации управления, когда письмо эмигранта «мечтательного» содержания читал лично шеф жандармов; об образе жизни и мыслей «идеалиста» Ходько. Письмо вызывает раздумья о вечных вопросах человеческих взаимоотношений: дружбе и предательстве, любви и верности, нежности к близким и ответственности за их благополучие.

Литература

1. Аўсяная М. Ходзька Міхал. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 2: Усвея — Яшын; Дадатак / Беларус. Энцыкл.: Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. Мінск: БелЭн, 2003. С. 73—74.

2. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе. Ф. 378 (Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, г. Вильно). Политический отдел. 1839 г. Д. 95. 70 л.

3. Луговцова С. Л. «Заговор Конарского» и его организатор на страницах следственного дела 1838—1839 гг. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 5 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.] Минск: БГУ, 2010. С. 262—272.

4. Матвейчык Д. Ч. Выгнанья з роднага краю: Паслялістападаўская эміграцыя з Беларусі і Літвы (1830—1870-я гады). Мінск: Лімарыус, 2011. 200 с. : іл.

5. Матвейчык Д. Міхал Ходзька: паўстанец, эмігрант, літаратар. // ...Пачуць, як лёсу валяцца муры [укладальнікі: Л. Кіселёва, А. Фядута]. Мінск: Лімарыус, 2009. 398 с.

6. Rębalski W. Chodźko Michał Borejko / W. Rębalski. // Polski Słownik Biograficzny: W. Konopczyński (redaktor główny). T. III (Brożek Jan — Chwałczewski Franciszek). Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1937. S. 388—389.

Е. В. Шило,
аспирантка кафедры истории России,
Белорусский государственный университет (г. Минск)

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКИХ СОБРАНИЙ
В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

Автор пытается выявить отличия, существовавшие в деятельности дворянских собраний центральных и западных губерний России в первой четверти XIX в. В статье он отталкивается от таких показателей, как степень активности дворянства в участии в дворянских съездах, степень реализации полномочий, предоставленных законом дворянским собраниям, уровень корпоративного сознания у участников дворянских корпораций. Автор делает вывод о причинах существования особенностей в деятельности дворянских собраний западных губерний России в обозначенный период.

E.V. Shilo

**DISTINGUISHING FEATURES IN AN ACTIVITY
OF ASSEMBLES OF THE NOBILITY IN WESTERN
PROVINCES OF RUSSIA IN THE FIRST QUARTER
OF XIX CENTURY**

The author tries to reveal distinguishing features in an activity of assemblies of the nobility in western provinces of Russia in the first quarter of XIX century. In the article he investigates such indices as a degree of active participating of the nobility from different provinces in a work of assemblies, a degree of realization by assemblies of the nobility their commissions, which were given them by the law, a level of corporative consciousness of members, which had belonged to different corporations of the nobility. The author concludes with reasons, which had provoked the differences in activity of assemblies of the nobility in western provinces of Russia in this period of time.

История существования дворянских собраний в Российской империи насчитывает более 150 лет. За такой продолжительный период их

деятельность так и не смогла стать эффективной. При наличии ряда иных прав, предоставленных им еще Екатериной II, функционирование данных органов свелось преимущественно к избранию чиновников в местное управление. Историки (С. Б. Корф, Т. Н. Литвинова, И. де Мадариага и др.), изучавшие деятельность дворянских собраний, отмечали, что данные объединения не смогли оправдать возложенного на них доверия, что по-настоящему самоуправляющимися и независимыми они не стали, что нужны были другие политические обстоятельства, при которых они могли бы стать даже рассадниками революции [1, с. 218; 2, с. 23; 3, с. 482—483]. Действительно, дворянские собрания очень мало использовали свои полномочия, хотя и просуществовали до 1917 г. Однако в отдельных губерниях государства за определенные исторические отрезки времени ситуация складывалась несколько иначе, чем по всей империи. Так, в западных губерниях, начиная с конца XVIII в. и на протяжении первой четверти XIX в., функционирование дворянских собраний имело ряд особенностей, которые и будут рассмотрены ниже.

На момент учреждения (60-е гг. XVIII в.) дворянские собрания вызвали необычно активный интерес у российского дворянства. Современники отмечали чрезвычайную многолюдность первых дворянских съездов [1, с. 210]. Однако к концу XVIII в. российское дворянство стало все больше уклоняться от выборов. «Отлынивание от выборов» в Центральных губерниях империи стало характерной чертой дворянских выборов на протяжении всей первой четверти XIX в. Т. Н. Литвинова приводит данные по Воронежской губернии за 1824 г., согласно которым из 1699 дворян мужского пола право на участие в выборах имели 528. Из них на выборы прибыли всего 246 человек или 46,2 % [2, с. 16]. Причиной возросшего абсентеизма у дворянства центральных губерний, указывал А. В. Романович-Славатинский, был приоритет государственной службы [4, с. 491—492]. Последняя представлялась первому сословию более престижной, нежели служба по выборам.

В отличие от дворянства центральных губерний, шляхта белорусских территорий империи (особенно мелкая и средняя) стремилась заполучить места, замещаемые дворянскими выборами. В силу разницы в имущественном положении привилегированного сословия центральных губерний России и шляхты ее «новоприсоединенных земель» для последней служба по выборам являлась источником земельного и личного

обогащения. Кроме того, в условиях ограничения предыдущих вольностей и начавшего процесса «разбора шляхты» служба по выборам для шляхты могла стать еще и каналом включения в привилегированное сословие, способом сохранения формально-юридического статуса. Согласно «Ручной книге о дворянских собраниях, выборах и службе по оным» за 1838 г., губернские и уездные предводители дворянства, а также попечители гимназии, прослужившие три трехлетия даже и не подряд и выбранные на четвертое, награждались орденом св. Владимира 4 ст., а те, кто имел данный орден, получали орден св. Анны 2 ст. [5, с. 103] В Российской империи наличие ордена являлось доказательством принадлежности к дворянству [6, с. 681]. Добавим, что каждая должность, на которую дворянство выбирало своих представителей, соответствовала определенному классу в «Табели о рангах». По закону 19 июля 1818 г. должность губернского предводителя дворянства была поставлена в V-м, а с 1831 г. — в IV-м классе. Что касается должности уездного предводителя дворянства, то с 1775 г. ей был присвоен VII-й, а в 1831 г. — VI-й класс [7, с. 85]. Другим должностям, которые замещались дворянством по результатам выборов, также соответствовал определенный класс. Например, к концу первой четверти XIX в. должность совестного судьи находилась в V-м классе, заседателя совестного суда и уездного судьи — VII-м, земского исправника — VIII-м, депутата для составления родословной книги дворянства — IX-м классе и т. д. [5, Приложение]. Следует отметить, что до 1845 г. в Российской империи лицо, достигшее на гражданской службе VIII-го класса (или коллежского асессора), приобретало потомственное дворянство и вносилось в третий раздел дворянской родословной книги.

По итогам выборов дворянских собраний в западных губерниях России в конце XVIII в. большинство уездных административных должностей концентрировалось в руках мелко- и среднепоместной шляхты. Е. К. Анищенко приводит данные выборов 1789 г. в Полоцком наместничестве, которые свидетельствуют, что в состав избирателей Полоцкого, Дрисненского, Витебского и Городокского уездов Полоцкого наместничества входило 210 дворян. К выборам не было допущено около 80 % шляхты из числа мелкопоместной, но не наследственной. Основное большинство депутатов — 110 человек (или 55 %) — представляла шляхта в группе до 100 душ мужского пола, 66 человек, или треть депу-

татов, представляла группа, владевшая от 100 крестьян и более. Лати-фундистов представлял только граф А. Соллогуб, относившийся к группе владельцев более чем 3500 душами крестьян [7, с. 51]. В результате выборов 1789 г. по Полоцкому, Витебскому, Дрисненскому, Суражскому и Городокскому уездам из 20 заседателей уездных и нижних земских судов 11 человек, то есть чуть более половины, имели в среднем по 30 душ крепостных, 5 человек — владели в среднем по 63 крестьянина. Среди них не оказалось ни одного владельца более за 500 душ [7, с. 55]. Итоги уездных выборов, проходивших в первой четверти XIX в. в западных губерниях Российской империи, продемонстрировали, что основную массу выборщиков по-прежнему составляли представители мелко- и среднепоместной шляхты. Например, результаты дворянских выборов за 1826 г. по Игуменскому, Дисненскому, Мозырскому и Речицкому уездам Минской губернии показали, что в среднем по уездам около 74 % всех депутатов составляли дворяне, владевшие до 100 крестьянских душ. Следует полагать, что данная картина была типична и для других уездов западных губерний [8, л. 113—117; 9, л. 1—18; 10, л. 34—41; 11, 18—25].

Несмотря на предоставление дворянским собраниям важных функций (избрание должностных лиц по дворянскому самоуправлению, в дворянский суд и в местное правление; отстаивание интересов дворянских обществ посредством подачи жалоб или представлений чиновникам верховной власти на местах, а также Сенату и монарху; исключение из среды опороченных дворян; содержание собственной складки и выдача распоряжений на употребление сумм из нее) деятельность дворянских собраний в центральных губерниях России сконцентрировалась в основном на выборах. Все остальные вопросы, как отмечает Т. Н. Литвинова, были незначительными [2, с. 16]. Что касается западных губерний, то здесь функция по отстаиванию интересов дворянских корпораций являлась не менее значимой, чем функция выборов должностных лиц. Доказательством тому являются результаты деятельности местных дворянских собраний в данном направлении. Еще в 1780-х гг. полоцкое дворянство добилось решения вопроса о винокурении в свою пользу, чтобы «только дворянству содержать винокуренные заводы в своих деревнях и запретить винокурение в городах» [12, с. 97—98].

В 1822 г., реализовывая право на совершение представлений «о своих нуждах и пользах», минский губернский и уездный маршалы

представили на «благоусмотрение Его императорского Величества» 11 записок о проблемах, интересовавших минское дворянское общество [13, л. 635—657]. Среди них находились «Записка по предмету ликвидации суммы, следующей дворянству Минской губернии за доставление с 1792 по 1795 гг. российским войскам провианта и фуража» и «Записка по предмету суммы, следующей Минской губернии дворянству за исполнение во время последней войны с 1812 по 1816 гг. реквизиции». Так, за доставление российским войскам провианта и фуража с 1792 по 1795 гг. минское дворянство претендовало на сумму до 165 663 руб. 10 коп. серебром и до 6 592 руб. ассигнациями, а за проведение здесь реквизиции с 1812 по 1816 гг. требовало сумму в 3 600 000 руб. [13, л. 649, л. 638—639]. Удовлетворяя просьбу минского дворянства о выплате первого долга, в 1804 г. дворянство получило из нее лишь 50 тыс. руб. ассигнациями в Приказ общественного призрения [13, л. 649]. Что касается второй суммы, то в 1817 г. минское дворянское общество пожертвовало в казну 1/3 часть этой суммы (1 200 000 руб.) и «испрашивало Высочайшего Его Императорского Величества повеления о скорейшей уплате им остальных затем денег, кои желали употребить на уплату податей за крестьян, разоренных в военное время и ныне чрез неурожаи в бедственном положении находящиеся» [13, л. 639].

Следует отметить, что дворянскими собраниями западных губерний в полной мере осуществлялась функция и по самостоятельному распоряжению дворянской казной, составленной из добровольных вкладов. Деньги из этой казны шли на благотворительность. Так, 15 августа 1801 г. император дал согласие на учреждение на Волыни дворянского военного училища. В деле учреждения заведения принимало участие дворянство Минской губернии [14, л. 1—4]. В 1802 г. оно единовременно пожертвовало на постройку училища 23 543 руб. 19 коп. ассигнациями, а с 1809—1811 г. собрало еще 23 243 руб. 80 коп. ассигнациями и 4 751 руб. 40 коп. серебром в пользу училища и отдало их в Приказ общественного призрения для приращения процентов [14, л. 58, 64]. Ярким примером общественной благотворительности являлось пожертвование дворянскими обществами Витебской, Могилевской, Смоленской и Минской губерний суммы в размере 121 690 руб. 63 коп. на учреждение в Полоцке кадетского корпуса [14, л. 91—92]. Оно было сделано к началу января 1829 г., в то время как Полоцкий кадетский корпус был открыт

только в 1835 г. На проценты пожертвованной суммы в учебном заведении содержались малолетние дворяне.

Еще одной особенностью деятельности дворянских собраний в западных губерниях Российской империи в первой четверти XIX в. было превышение данных им полномочий, в то время как дворянские собрания иных губерний России, как правило, не выходили за рамки, установленные законом. Так, в 1817 г. во время дворянских выборов в Виленской губернии, дворянское собрание пришло к выводу, что установленные в этой губернии правила на выборы являются «недостаточными» [15, л. 5]. Орган дворянского самоуправления признал необходимым дополнить правила, данные Литовской губернии в 1809 г. Проект дополнительных правил, составленный дворянством Виленской губернии, был утвержден 19 марта 1820 г. военным губернатором. Тем не менее, Сенат посчитал действия виленского губернского начальства незаконными и определил уничтожить составленные дворянством новые правила на выборы [15, л. 6, 10—11].

В порядке выборов на дворянских собраниях по всей империи действовал принцип, по которому первым всегда избирался предводитель дворянства, затем все остальные должности. Баллотировка шарами была обязательна. Однако до 1820 г. в некоторых западных губерниях установленное правило не соблюдалось. При избрании губернских и уездных маршалов дворянство западных губерний, стремясь выразить свою признательность предводителю, успевшему за прошедшее трехлетие приобрести всеобщую доверенность и сократить требуемое для выборов время, оставляло его в должности единогласно без проведения баллотировки. Данный факт являлся «нарушением» обряда выборов, поэтому в 1820 г. этот порядок был отменен [16, л. 238].

Подобная инициатива со стороны дворянства западных губерний не была единственной. До 1820 г. в Виленской губернии избирался маршал и так называемый «вице-маршал» [16, л. 239]. Однако в узаконениях, относящимся к Литовским губерниям и касающихся выборов должностных лиц, такой должности не было. По закону было предписано избирать к должности маршала двух кандидатов. Дворянин, получивший наибольшее количество баллов, утверждался в должности предводителя. Дворянин с меньшим количеством голосов оставался кандидатом и занимал место маршала в том случае, если действующий предводитель

уходил со своей должности по некоторым причинам. В случае временно-го отсутствия маршала на его место заступал не «вице-маршал», а хорунжий или подкаморий [16, л. 240].

Низкое развитие корпоративного сознания и зависимость от губернских властей, как отмечает Т. Н. Литвинова, отразились на деятельности российских дворянских собраний, которые на протяжении первой половины XIX в. не выдвигали требований, идущих в разрез с политикой правительства [2, с. 23]. В отличие от дворянства центральных губерний, привилегированное сословие западных губерний империи еще во времена Речи Посполитой представляло собой прочно сложившиеся шляхетские общества с судебными-административными и политическими правами. Традиции политической культуры остались живы здесь и после присоединения к Российскому государству, а уровень корпоративного сознания был более высоким по сравнению с «великороссийскими» землями. Доказательством тому являются факты подачи жалоб на местных губернаторов, хотя они и относятся к последней четверти XVIII в. Так, в 1777 г. могилевское дворянство подало жалобу Екатерине II на губернатора М. В. Каховского и губернских чиновников. Жалоба состояла из 13 пунктов и представляла собой перечень злоупотреблений российских вельмож, одним из которых было вмешательство губернатора в дворянские выборы [17, с. 243—244; 18, с. 106—107]. Хотя Екатерина II и не была довольна этой жалобой, тем не менее М. В. Каховский покинул пост губернатора. Вместо него губернатором был назначен П. Б. Пассек. Однако 13 марта 1792 г. могилевским благородным обществом была составлена и затем отослана письменная жалоба и на П. Б. Пассека. На этот раз в жалобе могилевскими дворянами было предъявлено П. Б. Пассеку 14 обвинительных пунктов. Большая часть их относилась к области управления и суда [19, с. 350—351].

Наместническая власть всегда и везде слишком явно вмешивалась в ход работы дворянских собраний, тем более что для того имелись законодательные основания: «Учреждение для управления губерний» 1775 г. наделило эту власть всей полнотой властного надзора над органами местного самоуправления [20; 21, с. 5]. П. Б. Жукович считает, что подавление генерал-губернаторской властью органов дворянского самоуправления было «как бы обычным на Руси явлением» [19, с. 350]. Несмотря на то, что с 1788 г. генерал-губернатор не имел права присутствовать в

собрании, А. В. Романович-Славатинский приводит свидетельство иностранцев от 1792 г. о рабской зависимости петербургского дворянского собрания от генерал-губернатора [4, с. 442]. В отличие от центральных губерний, для дворян западных губерний не был свойственен культ местнической власти, о чем ярко свидетельствует факт двойной подачи жалобы могилевским дворянством на местных губернаторов.

Таким образом, главными особенностями деятельности дворянских собраний в западных губерниях России в первой четверти XIX в. были: инициатива и активное участие местного дворянства в дворянских собраниях, полноценная реализация всех функций, данных законом дворянским собраниям, нередкое превышение дворянскими собраниями своих полномочий, и, наконец, высокий уровень корпоративного сознания у участников дворянских собраний. Ввиду имевшейся практики участия в подобных институциях, дворянство западных губерний империи на протяжении последней четверти XVIII в. — первой четверти XIX в. пыталось превратить дворянские собрания в реально действующий орган. Оно стояло на активной гражданской позиции, пытаясь, с одной стороны, через деятельность дворянских собраний сохранить свое привилегированное положение, а с другой — продолжить политические традиции. Однако строгий контроль со стороны государственной власти, подкрепленный «разбором шляхты», пресекал все попытки вывести деятельность данного органа за рамки дозволенного.

Литература

1. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762—1855. СПб., 1906. 720 с.

2. Литвинова Т. Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII — первой половины XIX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Воронеж, 2005. 23 с.

3. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 973 с.

4. Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1912. 582 с.

5. Ручная книга о дворянах, выборах и службе по оным. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1838. 120 с.

6. Раскин Д. И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры: в 5 т. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996 г. Т. 5: XIX век / Сост.: Б. Ф. Егоров, А. Д. Кошелев. 1996. С. 662—830.

7. Анішчанка Я. К. Дваранскія выбары ў Полацкім намесніцтве 1789 г. // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскія навукі. 1992. № 3—4. С. 49—56.

8. Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ). Ф. 320. Оп. 1. Д. 71. Списки дворян Игуменского уезда за 1826 г.

9. НИАБ. Ф. 320. Д. 73. Списки дворян, имеющих право на участие в дворянских выборах по Дисненскому уезду за 1826 г.

10. НИАБ. Ф. 320. Оп. 3. Д. 33. Переписка с мозырским уездным предводителем дворянства об участии дворян в дворянских выборах за 1826 г.

11. НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 76. Списки дворян, посемейные списки помещиков и ведомости имений Речицкого уезда 1826 г.

12. Жукович П. Н. Сословный состав населения западной России в царствование Екатерины II. // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. СПб., 1915. № 1, 2, 5. 148 с.

13. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 295. Примечания к журналам Комитета Министров.

14. НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Дело о сборе пожертвований на открытие военного училища на Волыни и о содержании 6 стипендиатов в Полоцком кадетском корпусе на проценты собранной суммы.

15. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1274. Указ Сената по жалобе шляхтича Станевича на Виленское губернское правление, нарушившее правила дворянских выборов.

16. НИАРБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1863. Дело о дворянских выборах.

17. Шымукенус М. У. Иван Галынскі і яго нашчадкі. // Архіварыус. Серыя: Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства / Дзярж. кам-т па арх. і справаводства Рэсп. Беларусь, Нац. гіст. арх. Беларусі, Бел. навук.-

даслед. Ін-т дакументазнаўства і арх. справы. Мінск, 2008. Вып. 6, 1. С. 241—251.

18. Анішчанка Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772—1796). / Пад рэд. У. А. Сосна. Мінск : ЗАТ «Веды», 1998. 211 с.

19. Жукович П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1914. 117 с.

20. Учреждения для управления губерний Всероссийския Империи, 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. 2-ое собр. СПб., 1830. Т. 20. С. 229—304.

21. Бригадин П. И., Лукашевич А. М. Минские губернаторы: история власти. Минск: ГУИСТ БГУ, 2009. 351 с.

А. С. Хотеев,
студент, 4 курс, исторический факультет
Белорусский государственный университет (Минск)

**ГЕНЕЗИС ЦЕРКОВНОЙ УНИИ В 1569—1596 гг.
В ТРУДАХ М. О. КОЯЛОВИЧА**

В статье предлагается краткий анализ причин Брестской унии в трудах профессора Петербургской духовной академии М. О. Кояловича (1828—1891). Ученый создал целостную концепцию происхождения Брестской унии и провел ее поэтапное изучение от начала до упразднения в 1839 г. В качестве причин унии он обозначил политические соглашения Великого Княжества Литовского и Польской Короны, миссионерскую деятельность польского духовенства, стремление епископов Киевской митрополии с помощью короля и унии спасти свой иерархический авторитет. Эта концепция стала надолго доминирующей в работах православных историков.

A. S. Khoteev
**THE GENESIS OF THE UNIATE CHURCH IN 1569—1596 IN THE
WRITINGS OF M. O. KOJALOVICH**

The report contents an analysis of the genesis of The Brest Union in works of M. O. Koyalovich (1828—1891), a professor in The Saint Petersburg Theological Academy. This researcher made an original conception of the Brest Union and examined it from the beginning to the abolishment in 1839. He pointed out next reasons of the Union: the political and cultural contacts among the Great Duchy of Lithuania and The Kingdom of Poland, the missionary efforts of polish clergy and the tendency of a high clergy in the Metropolia of Kiev to defend its authority using the polish king and the Union with The Roman Church. The conception has been dominating among orthodox historians for years.

Брестская церковная уния от своего начала не перестает быть предметом полемики. Конфессиональный спор вокруг унии уже давно приобрел черты ученого спора, когда и католическая, и православная стороны

стали прибегать к историческим аргументам и публиковать исторические документы. После упразднения унии в 1839 г. феномен Брестской церковной унии приобрел определенную законченность, что позволило приступить к его изучению с чисто научными целями. Первым крупным исследователем в русской исторической науке в этом отношении стал уроженец Гродненщины профессор С.-Петербургской академии М. О. Коялович (1828—1891). К теме унии он обращался в течение всей своей научной деятельности, ей посвятил он свою кандидатскую и докторскую диссертации, а также многочисленные статьи [5, 7, 8, 9, 10, 11]. Исследователь создал целостную концепцию происхождения Брестской унии и провел ее поэтапное изучение от начала до упразднения в 1839 г. Правда, по причине обширности своей задачи он не смог изложить все периоды истории унии с одинаковой полнотой. Учитывая возросший в последние годы интерес к униатской проблематике, хотелось бы обратиться к сочинениям М. О. Кояловича, который оказал определяющее влияние на православную историографию унии, чтобы охарактеризовать его взгляд на генезис унии в период от Люблинского соглашения 1569 г. до ее провозглашения на Брестском соборе 1596 г.

Актуальность настоящего обращения к трудам М. О. Кояловича обусловлена в значительной степени тем, что в новейших исследованиях происхождения унии историографические обзоры отличаются поверхностной схематичностью. Взгляды М. О. Кояловича обычно оцениваются как конфессионально-односторонние, ставшие официозными для своего времени [4, с. 10]. Эти негативные коннотации появляются в то время, когда нет ни одного специального анализа концепции унии в трудах названного ученого. Между тем, всякому исследователю истории церковной унии необходимо самое тщательное изучение трудов М. О. Кояловича, критические подходы которого к источникам и литературе предмета, а также умение обобщать послужили бы хорошим введением к одному из самых спорных явлений отечественной истории.

«Действительные причины унии, — писал М. О. Коялович, — были выше всех частных побуждений, расчетов и действий того или другого деятеля унии и лежали гораздо глубже в истории литовско-русского народа... Напрасны все попытки отыскать одну или несколько ближайших причин унии. Сколько бы ни трудились исследователи унии литовской придумывать такие причины, из таких причин будет следовать уния Тер-

лецкого — как его частный, личный поступок, уния Михаила Рагозы, уния Потей и других, но никак не будет следовать уния всех их вместе» [8, т. 1, с. 167—168]. Историк задался целью показать те настоящие причины, которые соединили бы все частные побуждения. В его сочинениях обозначены три следующих значимых фактора.

1. Государственные унии Великого Княжества Литовского с Польской Коронай. Политический союз двух стран ставил на очередь вопрос о конфессиональном объединении. Исторически сложилось так, что в пределах Польского королевства оказалась православная Галиция, а в Великом Княжестве Литовском — католическая Литва. И католическая, и православная шляхта, магнаты были заинтересованы в закреплении своих сословных привилегий, но разность исповеданий напоминала о себе и при заключении династических браков, и на государственных совещаниях. Поэтому вопрос о религиозном единстве поднимался среди шляхты самым естественным образом. Например, из речи короля Сигизмунда-Августа в последний день Люблинского сейма становится ясно, что об этом велись неоднократные разговоры: «Немало меня огорчает, что в мое правление появилось множество разных вер, разнообразное понимание христианской веры, потому что я понимаю, что если на мне лежит обязанность наблюдать, чтобы был порядок в других делах, то тем более я обязан наблюдать, чтобы в нашей святой христианской Церкви была одна вера. В силу этой обязанности и вследствие того, что вы, господа сенаторы, и вы, рыцарство, напоминаете мне об этом часто, я объявляю вам и прошу вас помнить это и сказать это вашим братьям, что при помощи Всемогущего Бога, я намерен стараться восстановить единство веры. Пусть, впрочем, никто не думает, будто я намерен приводить кого-либо к вере жестокостью или строгостью, — будто я хочу делать насилие чьей-либо совести» [6, с. 634—635]. Так уния государственная вела в понимании короля и сеймовых послов к конфессиональному объединению в самом широком смысле, т.е. унии католиков, православных и протестантов. После Люблинского сейма 1569 г. началось более тесное сближение шляхетского сословия Великого Княжества Литовского и Польши, польские культура, язык, нравы, вера пользовались на литовско-русских землях во второй половине XVI в. большим престижем, чем «русские» обычаи, вера и язык. Проблема конфессионального разделения стала восприниматься острее. В православной среде она стала пред-

метом неоднократного обсуждения. Явлением такого порядка можно считать, например, известное место из переписки князя К. Острожского с епископом Ипатием Потеем об унии [1, с. 64—66].

2. Польское духовенство стремилось к распространению католичества на восток. Династический союз с Польшей в 1385 г. привнес в литовско-русское общество дух религиозной нетерпимости. Католическое духовенство потребовало крещения самого Ягайло и его братьев, даже тех, которые уже имели православное крещение. Издавая привилей новоучрежденной в Вильно католической кафедре, литовский князь дал клятву, что он «приведет и притянет всеми способами» к католической вере и послушанию Римской Церкви всех литовцев, в «какой бы секте они не состояли и какого бы различия они не были» [13, s. 13]. «До соединения Литвы с Польшей при Ягелле, — писал М. О. Коялович, — Литва в религиозном отношении имела одно великое благо, именно — что вера не соединена была с выгодами жизни — религиозный элемент оставался там во всей своей чистоте. Кто какую исповедовал веру, это знала его совесть, а не государство. Ягелло первый лишил религиозный элемент этой чистоты. Он соединил с латинством выгоды жизни, право на чины, имения» [9, с. 262]. В том же духе было принято и Городельское постановление, отстранявшее «схизматиков» от правительственных должностей в этнической Литве и права заседания в совете панов-рады. Однако попытки прямого обращения православных в латинство не приносили значительных результатов. Флорентийская уния, утверждавшая вселенский авторитет римского папы и декларировавшая единство веры с сохранением разности церковных обрядов, казалось, была более удачной, но и она не имела успеха на русско-литовских землях. Иезуиты, развернувшие свою деятельность в 70-х гг. XVI в., возродили забытую было идею церковной унии и смогли смутить своими проповедями немало православных. М. О. Коялович писал: «Мы откровенно должны сознаться, что мало знаем об участии иезуитов в деле унии... Но участие это не подлежит никакому сомнению... нам известно несколько действий, несколько обмолвок и недосмотров со стороны иезуитов, и по этим обломкам великого, стройного здания мы можем уже составить некоторое понятие о самом здании — знаменитом, единственном в истории Церкви плане литовской церковной унии» [8, т. 1, с. 41—42]. Историк указывает на план унии в письме римского легата А. Поссевино, на учреждение в

Риме школы для подготовки русских католических священников и школы в Вильно для воспитания детей знати в латинском духе, на попытку принудить православных к принятию григорианского календаря (в 1582 г.), на раздачу при Стефане Батории архиерейских кафедр и монастырей людям мирским за одни государственные заслуги без внимания к их нравственному облику [8, т. 1, с. 42—51]. Эти действия приготавливали католическую миссию среди православных, умножали среди духовных лиц и ктиторов православных храмов людей, равнодушных к отеческой вере, ищущих в церковном служении мирских выгод.

3. Епископы Киевской митрополии с помощью короля и унии пытались отстоять свой иерархический авторитет. Действительно, в конце XVI в. в условиях напряжения конфессиональных отношений, противостояния католичества и протестантства, высшее духовенство оказалось неспособным к совместным действиям по ограждению Православной Церкви с церковными братствами и в более тесном, чем прежде, контакте с Константинопольским патриархом. Один из инициаторов унии, епископ Кирилл Терлецкий, жаловался другим епископам в 1594 г. на новую «неволю»: «Теперь восточные патриархи имеют открытую дорогу в Москву и для милостыни будут туда часто ездить, нас не обминут. Имея привилеи короля Стефана и нынешнего короля, они не будут прочь воспользоваться своей властью и станут снова чинить смуты. Ведь, снял же патриарх прежнего митрополита и поставил другого, что было таким бесчестьем. При этом еще установил братства, которые будут и теперь уже стали гонителями владык, они то, чего не было, донесут и обвинят, а затем лишат нас любой епископии — какое бесчестье! Король дает должности до конца жизни и не лишает их разве за смертную вину, а патриарх за одни наветы снимет и должности лишит — какая неволя!» [1, с. 211]. Обратим внимание, как епископ заботился о своей чести. Действительно, архиереям было от чего беспокоиться: Кирилл Терлецкий привлекался к суду за убийство и изнасилование; Ипатий Потей в молодости был протестантом и поэтому не мог быть возведен на церковную степень; Гедеон Балабан дважды был под угрозой лишения сана за свою борьбу с Львовским братством; Леонтий Пельчицкий и Деонисий Збруйский были возведены в сан из женатых мирян и в новом звании не переставали жить со своими женами; Михаил Копыстенский побывал в немилости у митрополита. Сам митрополит Михаил Рагоза, избранный

на свое служение знатными людьми, действовал с оглядкой, был озабочен недоверием патриарха, которое сказалось уже при его посвящении. Однако, как замечает М. О. Коялович, между желанием уничтожить зависимость западно-русской Церкви от Константинопольской к желанию принять унию и подчиниться папе есть громадный переход [8, т. 1, с. 68—69]. Что же, по мнению ученого, заставило епископов переступить его? «Им нужна была милость короля и латинян, милость, которая бы поставила их в совершенно новое положение, потому что настоящее положение казалось им неисправимым... Только замысел принять унию мог доставить им эту милость», — писал М. О. Коялович [8, т. 1, с. 90]. Это наблюдение историк развивает в изложении известных событий, непосредственно приведших к заключению унии, — тайных совещаний, колебаний и сомнений между русскими владыками, их переговоров с королем, иезуитами и другими советниками двора в 1590—1595 гг.

В конечном счете, все эти причины, по мнению М. О. Кояловича, сводились к тому, что среди православных на русско-литовских землях явилось достаточное количество людей, охладевших к своей вере, допустивших уравнивание истин, исповедуемых в Православии, с истинами католической веры [8, т. 1, с. 166].

После исследований М. О. Кояловича в исторической литературе назывались разные причины, приведшие русских епископов к унии с Римской Церковью. Особенно продуктивными стали выводы православного ученого О. Левицкого. Он перенес акцент с внешних причин унии (влияние польской культуры, политика королей, проповедь иезуитов) на внутренние конфликты в Киевской митрополии в XVI в. Он обратил внимание на борьбу двух начал, иерархического и соборного, борьбу, которая вела к разладу между пастырями и пасомыми, вылившуюся в открытый раскол: «Ближайшим же поводом к обнаружению этого раскола послужило церковно-преобразовательное движение, предпринятое по инициативе братств и вообще мирян, а далее — борьба, возникшая вследствие упорного противодействия такому движению со стороны высшей иерархии» [12, с. 95]. Таким образом, причины унии коренились во внутренней дезорганизации и смутах церковной жизни.

Католические авторы по-своему развили этот тезис, заговорив о внутреннем кризисе Православной Церкви. Польский прелат Э. Ликовский уже прямо ссылается на О. Левицкого в этом смысле [15,

s. 4—5]. По мнению католического ученого, два главных инициатора унии, епископы Кирилл Терлецкий и Ипатий Потей, увидели, с одной стороны, упадок своей Церкви, притеснения от светских патронов, а с другой — возрождение Католического Костела, учреждение семинарий, воспитание духовенства, возвращение отпавших в протестантство фамилий. В итоге они не колебались долго с решением приступить к унии, рассуждая, что под властью римского папы возрождение их Церкви совершится скорее, чем под властью Константинопольского патриарха, который заботился более о своем собственном благополучии, чем о благе церковном [15, s. 89—90, 101]. Конечно, Э. Ликовский уделяет особое внимание характеристике корыстолюбия и беспринципности епископа Львовского Гедеона Балабана и криводушия митрополита Михаила Рагозы. Главные положительные деятели в его изложении — Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий. Остальных же русских епископов автор отмечает только тогда, когда они ставили свои подписи на нужных документах. Однако общее состояние Католической Церкви во второй половине XVI в. не было таким привлекательным, как это виделось Э. Ликовскому. Приходское духовенство было малообразованным, еще не было открыто ни одной епархиальной семинарии, как этого требовали тридентские реформы, моральный уровень священников, значительная часть которых держала наложниц (конкубинат), также оставлял желать лучшего. Светские патроны, король, паны и шляхта, распоряжались церковными должностями по своему усмотрению в ущерб церковному порядку. Сами ксендзы на ином бурном сеймике, проходившем в костеле, во время кулачных расправ не избегали побоев [16, s. 105—132]. Если что и могло привлекать русских епископов в католичестве, так это положение польских бискупов, которые выделялись и своим образованием, и происхождением, и достатком.

В новейшей литературе об истории Брестской унии декларируется отказ от «устаревших конфессиональных подходов». Трактовку проблемы стала определять установившаяся идея «кризис—реформа»: осознание внутреннего упадка Киевской митрополии привело к появлению у православных лидеров нескольких проектов выхода из создавшегося положения, одним из которых была уния с Римской Церковью [2, с. 531; 3, с. 317; 4, с. 88]. Надо сказать, что М. О. Коялович отчетливо представлял себе кризисные явления церковной жизни того времени. Но он не считал

их настоящими причинами Брестской унии. «Насколько тогда увеличилось зло, настолько же возрастало противодействие ему и очень ошибаются те исследователи унии, которые производят ее от одних беспорядков западнорусской Церкви», — писал историк [8, т. 1, с. 55, 82]. Действительно, приезд патриарха Иеремии, определения Брестских соборов 1590—1594 гг., активная деятельность братств, вбивавших в свои ряды наиболее заинтересованных в исправлении недостатков церковной жизни людей, обнаружили ту внутреннюю силу, с которой не могли мириться епископы, привыкшие к старому порядку вещей. Уния с Римской Церковью с условием сохранения православной веры и прежних церковных обычаев представлялась скорее удобным средством для защиты привычного уклада, чем путем неких «реформ».

М. О. Коялович обосновывал то положение, что уния от самого своего начала была явлением чуждым, искусственным. Внутри Киевской митрополии, конечно, случались конфликты, имелись те или иные недостатки, ослаблявшие духовный авторитет высшей иерархии, однако, только католические миссионеры проповедовали, что выход из «кризиса» возможен в унии с Римской Церковью. Церковные братства, наоборот, выступали за более тесное общение с Константинопольским патриархом, приглашали к себе ученых греков, поддерживали связи с обителями Афона, полемизировали с католическими проповедниками. Епископы Киевской митрополии усмотрели в активности братств и церковных патронов посягательство на свои права. Они решили искать покровительства у польского короля, изъявив желание принять унию, идею которой страстно проповедовали иезуиты. Епископы предложили сначала свое видение унии и свои особые условия, из которых видно, что уния для них была внешней формальностью, однако в ходе переговоров с католической стороной все больше открывалась решительность этого шага. Возмущение православной паствы, опасность дать ответ за свои переговоры перед духовной властью, произвели среди епископов разделение: пять из них во главе с митрополитом Михаилом Рагозой решили поскорее довести начатое дело до конца, а двое отмежевались от унии. То, что не могло совершиться за два века, произошло за короткий период без особенных усилий католической стороны: церковная уния была провозглашена в 1596 г. на Брестском соборе. Согласно М. О. Кояловичу, именно соединение Великого Княжества Литовского с Польшей в одно

государственное тело в 1569 г. и польское культурное влияние создавали для церковной унии те благоприятные условия, которых не было раньше.

Литература

1. Акты Западной России. СПб., 1851. Т. IV. 531 с.
2. Гісторыі Беларусі: ў 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд ВКЛ. / Пад рэд. Ю. Бохана, Г. Галенчанкі і інш. Мінск, 2008. 688 с.
3. Гудзяк Б. Свящ. Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський Патріархат и генеза Берестейської унії. Львів, 2000. 430 с.
4. Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595—1596 гг. М., 2003. 320 с.
5. Коялович М. О. Возможно ли соединение церквей? // Христианское чтение. СПб., 1860. Ч. 1. С. 151—204.
6. Коялович М. О. Дневник Люблинского сейма. СПб., 1869. 786 с.
7. Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.). Минск, 1999.
8. Коялович М. О. Литовская церковная уния. СПб., 1859—1862. Т. 1—2. 752 с.
9. Коялович М. О. Люблинская уния Литвы с Польшей в 1569 г. // Шаги к обретению России. Минск, 2011. С. 222—265.
10. Коялович М. О. О почившем митрополите литовском Иосифе (Семашко). // Христианское чтение. 1868. № 12. С. 915—926; Христианское чтение. 1869. № 1. С. 92—134.
11. Коялович М. О. Разбор сочинения П. О. Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I». СПб., 1890. 30 с.
12. Левицкий О. Внутреннее состояние Западно-Русской Церкви в польско-литовском государстве в конце XVI в. и уния. Киев, 1884. 108 с.
13. Привилей Ягайлы Виленскому епископу. // Codeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wilenskiej. Krakow, 1932. Т. 1. Cz. 1. S. 13.
14. Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. Сборник. М., 2007. 526 с.
15. Likowski E. Unia Brzeska. Warszawa, 1907. 355 s.

16. Tazbir J. Historia Kościoła Katolickiego w Polsce (1460—1795).
Warszawa, 1966. 211 s.

Е. Г. Луферчик,
аспирант кафедры истории России,
Белорусский государственный университет, (Минск)

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО
ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ И ЕЕ ОСВЕЩЕНИЕ В
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (СЕРЕДИНА 1860-х — 1870-е гг.)**

В статье Е. Луферчика «Политика российского правительства по польскому вопросу и ее освещение в периодической печати (середина 1860-х — 1870-е гг.)» анализируются различные направления политики российского правительства по польскому вопросу после восстания 1863—1864 гг. Автор указывает на то, что основной политический курс был направлен на централизацию управления польскими территориями и унификацию их положения в составе Российской империи. В периодической печати были представлены различные оценки такой политики: от полной поддержки консервативными изданиями, до критики и внесения конструктивных предложений со стороны либеральной печати

Y. G. Luferchyk
**THE RUSSIAN GOVERNMENT POLICY ON THE POLISH QUES-
TION AND ITS PRESENTATION IN THE PERIODICAL PRESS**
(THE MID-1860S — 1870S)

An article by Y. Luferchyk «The Russian Government Policy on the Polish Question and its Reflection in the Periodical Press (the mid-1860s — 1870s)» analyses the different policies of the Russian government on the Polish question after the uprising of 1863—1864. The author points out that the main political course was aimed at centralizing the management of the Polish territory and unification their positions in the Russian Empire. In the periodical press have been presented various estimates this policy: from full support by conservative publications, to critique and submission constructive suggestions by the liberal press.

В истории России, Беларуси и Украины XIX — начала XX в. среди различных политических и культурных, социально-экономических и

конфессиональных, идеологических и научных проблем особое место занимал многоаспектный и сложный в решении польский вопрос. На протяжении 123 лет польский вопрос, кроме всего прочего, являлся острой внутривосточной проблемой Российской империи, попытки разрешения которой активизировались после очередных российско-польских кризисов.

После подавления восстания 1863—1864 гг., чтобы впредь не допустить вооруженных выступлений, правительство Российской империи решило консолидировать усилия различных государственных институтов и провести коренные преобразования в управлении Царством Польским. С целью соблюдения «надлежащей последовательности» и «обеспечения единства» законодательных преобразований и важнейших административных мероприятий в польских землях, в конце февраля 1864 г. был учрежден специальный Комитет по делам Царства Польского (1864—1881 гг.), управление делами и канцелярией которого было поручено статс-секретарю императора С. М. Жуковскому [1, с. 316]. В мае 1866 г., с целью «ускорения законодательной работы» и «обеспечения единства в распорядительных действиях», была организована Собственная его императорского величества канцелярия по делам Царства Польского (1866—1876 гг.), которую возглавил статс-секретарь императора Н. А. Милютин [2, с. 575]. Также для решения польского вопроса на территории белорусско-литовских губерний еще в 1862 г. был восстановлен Комитет западных губерний (1862—1864 гг.), перед которым была поставлена задача разработки долгосрочной программы правительственных действий по ликвидации влияния поляков-католиков и противодействию польской пропаганде в регионе.

Канцелярии и комитетам удалось консолидировать правительственные усилия по подавлению восстания и ликвидации его последствий, а также подготовить ряд проектов необходимых реформ. Тем не менее, в управлении польскими губерниями строгой централизации и единства мнений достичь было тяжело. Самостоятельную роль играли специально назначенные императором наместник, статс-секретарь и генерал-губернатор, определенная независимость была присуща и чиновникам по линии Министерства внутренних дел, в первую очередь губернаторам. Кроме того, в решении польского вопроса заметную роль играли различные общеимперские министерства и, собственно, местная польская ад-

министрация. В результате, в 1871 г. редактор и публицист консервативного толка М. Н. Катков со страниц газеты «Московские ведомости» сетовал на отсутствие единства действий правительства на западных окраинах империи и заявлял о «необходимости особого центрального органа для успешного разрешения задач, поставленных правительством относительно этой части империи» [3, с. 507].

Характеризуя политические и административные мероприятия российского правительства по решению польского вопроса в середине 1860-х — 1870-е гг., можно выделить три основных направления: централизация администрации и управления, языковая и образовательная унификация, специфичная кадровая политика. Кроме того, польский вопрос в правительственной политике имел еще один аспект, заключавшийся в необходимости регламентирования быта и условий проживания поляков, сосланных во внутренние губернии, в Сибирь и на Кавказ.

Реализуя правительственный курс на централизацию управления польскими губерниями, в 1867—1868 гг. были упразднены высшие административные органы Царства Польского — Государственный совет и Совет управления. Также постепенно шла передача полномочий от польских правительственных комиссий центральным российским министерствам и их последующая ликвидация. Была введена общеимперская судебная организация, с одним важным исключением — край не получил суда присяжных. С 1871 г. власти приостановили выход «Дневника законов Царства Польского», поскольку стали применяться общие правила обнародования законодательных постановлений. Однако стоит отметить, что до середины 1870-х гг. еще сохраняли свои посты и польский наместник, и начальник императорской канцелярии по делам Царства Польского.

Либеральная печать неоднозначно оценивала курс правительственной политики по польскому вопросу. Журнал «Вестник Европы» настороженно отреагировал на меры по административному слиянию польских губерний с остальной частью империи. В апрельской «Хронике» 1868 г. отмечалось, что «как прежнее отделение нескольких губерний под особым именем Царства Польского наделало много бед обеим сторонам, так и новая законодательная мера, прямо противоположная первому, то есть полное слияние, — может, при известных условиях, сделаться началом новых затруднений, которые будут не лучше первых» [4,

с. 843—844]. Говоря об «известных условиях», редакторы «Вестника Европы» имели в виду явный крен правительственной политики в сторону исключительных, чрезвычайных мер в отношении польских губерний. На рубеже 1860-х — 1870-х гг. журнал не переставал повторять мысль о необходимости скорейшего перехода к «общим мерам», «общему русскому праву», к созданию земских и судебных учреждений, поскольку любая форма исключительности провоцировала сепаратизм.

Для достижения цели «усмирения региона», с точки зрения российского правительства, наиболее важными были мероприятия в области языковой, образовательной и кадровой политики. После подавления восстания 1863—1864 гг. ускоренными темпами проводилась унификация системы образования. Во всех учебных заведениях преподаватели польского происхождения и католического вероисповедания заменялись выходцами из внутренних российских губерний. Была преобразована Варшавская главная школа, в учебные планы которой были введены обязательные лекции по русскому языку и литературе, а также по истории России с их преподаванием на русском языке [5, с. 89]. В 1869 г. Варшавская главная школа была реорганизована в Императорский Варшавский университет. Эффектом этого преобразования были значительные изменения, касавшиеся законодательной базы, языка преподавания, системы научной подготовки и научной аттестации. В начале 1870-х гг. на Царство Польское был распространен общероссийский устав о гимназиях 1871 г. В целом, на протяжении 1866—1876 гг. вся система польской администрации, судопроизводства и преподавания была переведена на обязательное употребление русского языка [6; 7]. Парадоксально, но в 1879 г. гимназистам было запрещено говорить по-польски в стенах школ даже на переменах.

Неприемлемая для поляков языковая и образовательная политика в Царстве Польском имела результатом сокращение количества школ и нежелание местного населения отправлять своих детей в «русские» школы. Причина этого заключалась, по мнению варшавского генерал-губернатора П. П. Альбединского, не только в несформировавшемся у крестьян «осознанием «пользы образования», но и в недопущении римско-католических священников к преподаванию Закона Божьего, а также в «извращении цели народной школы, превращением ее в орудие обру-

сения крестьянского сословия посредством введения обязательного преподавания всех предметов на русском языке» [8, л. 4—4 об.].

Кадровая политика при Александре II в Царстве Польском заключалась в замене поляков на всех важных административных должностях чиновниками русского происхождения. Более того, даже чиновники в непольских губерниях, а, скажем, в Западной Сибири, имевшие польское происхождение, увольнялись со службы [9, с. 84]. Основным инструментом кадровой политики стали особые условия, создаваемые для русских при службе в польских губерниях. Таким лицам предоставлялись различные преимущества, заключавшиеся в денежной помощи для переезда в польские губернии, в досрочном выходе на пенсию и произведении в чины за выслугу, в приравнении трех лет «безупречной службы» в польских губерниях к четырем годам службы во внутренних губерниях, в прибавке от 15 до 25 % к жалованию за «отличную службу», в бесплатном обучении детей чиновников небогатого сословия и др. [10].

Политика исключительных мер и форсированного «обрусения», проводившаяся в Царстве Польском после восстания 1863—1864 гг. не нашла поддержки у авторов «Вестника Европы». Особенно критично они высказывались относительно ограничения сферы использования польского языка, считая что «запрещение» его употребления «не может быть отнесено к числу мер действенных, или примирительных» [11, с. 394]. Рассматривая язык важнейшим элементом национальности, журнал в своих публикациях требовал вернуть польский язык в школу, возродить судопроизводство на родном языке и дать свободу польской национальной печати [12, с. 234]. Такие меры позволили бы достичь главной цели российской политики в Царстве Польском — «не обрусение его административными средствами, но создание в нем сильной народной, то есть польской, среды, которая была бы союзницею» в обеспечении «правительственного благосостояния» [13, с. 377].

Критикуя обрусительную политику в Царстве Польском, «Вестник Европы» не избегал полемики с ее идейным вдохновителем М. Н. Катковым. Против «механической теории государственной и национальной централизации», которую развивал московский редактор, была в значительной степени нацелена статья историка и публициста М. П. Драгоманова «Восточная политика Германии и обрусение». Государственное единство, считал автор публикации, достигается не искоре-

нением национального языка и национальной культуры, а путем совмещения этой политической задачи «с развитием на окраинах того, что имеет право на развитие». М. П. Драгоманов в унисон с журналистами Л. А. Полонским и Б. Павловичем говорил о необходимости и возможности образования в Польше «партии здравопатриотической, народной, и в то же время не враждебной союзу с Россией». Решение подобной задачи было, конечно, несовместимо с «радикальным отрицанием прав польской народности» [14, с. 252; 15, с. 427].

Мысль о желательности опоры в польских губерниях на умеренные общественные силы, отказавшиеся от идеи сепаратизма, не была иллюзорной. Она имела под собой реальные основания, поскольку в 1870-е гг. заявило о себе новое направление в польской общественности — так называемый «варшавский позитивизм», программа которого порывала с идеей внешней независимости и традицией вооруженных восстаний.

Со второй половины 1870-х гг. либеральная печать высказывала уже более смелые пожелания в отношении курса в польских землях. Главным выступлением «Вестника Европы» по польскому вопросу стало «Внутреннее обозрение», написанное Л. А. Полонским для сентябрьского номера 1877 г. По мнению публициста, внешние обстоятельства, окружавшие современное польское общество, совсем не способствовали его воспитанию в примирительном духе. Эту задачу нельзя было решить, отстраняя дворянское меньшинство от участия в местном самоуправлении, не давая простора польской печати, наделяя военные и полицейские власти чрезвычайными полномочиями, вводя новый суд без гарантий независимости судей, без присяжных и изгоняя из него польский язык. Л. А. Полонский суммировал все те коррективы к польской политике, о которых в течение десяти лет говорил «Вестник Европы», и предлагал правительству, по существу, отказаться от курса, принятого в послемилютинский период с 1866 г. [16, с. 368]. Однако, политический курс по польскому вопросу, выработанный российским правительством при Александре II, был продолжен и при его приемнике.

Таким образом, в середине 1860-х — 1870-е гг. в Царстве Польском проводилась специфичная национальная политика, направленная на недопущение возникновения новых «мятежей» со стороны поляков. Такая политика заключалась в централизации и унификации административного управления Царством Польским, ограничении сферы употребления

польского языка только бытовыми отношениями и его выведения из образовательной и административной практик, распространении общеимперского законодательства в области судебного дела и финансовой организации. Кроме того, правительство способствовало, путем установления особого покровительства и поддержки, переселению чиновников русского происхождения в польские губернии, что отвечало целям кадровой политики в регионе. Такая политика нашла поддержку со стороны консервативно-монархической печати. Либеральные периодические издания сдержанно оценивали применяемые меры в Царстве Польском, иногда считая их слишком жесткими или непоследовательными.

Литература

1. Об учреждении Комитета по делам Царства Польского. 1 декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб.: Тип. II Отделения, 1825—1881. Т. 41. Отд. 2. 1866. № 43924. С. 316—317.

2. Об устройстве Собственной его императорского величества канцелярии по делам Царства Польского. 19 (31) мая 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб.: Тип. II Отделения, 1825—1881. Т. 41. Отд. 1. 1866. № 43319. С. 575.

3. Катков М. Н. Передовая статья в № 166 «Московский ведомостей». 31 июля 1871 г. // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1871 год. М.: Университетская тип., 1897. С. 506—510.

4. Ежемесячная хроника. 1 апреля 1868 г. // Вестник Европы. 1868. Т. 2. Кн. 4. С. 843—870.

5. Парка С. В. Научно-квалификационная деятельность польского университета в 1816—1869 гг. // Вестник Северо-Кавказского гос. техн. ун-та. Сер. «Право». 1999. № 1. С. 87—91.

6. Об обязательном употреблении русского языка в делопроизводстве гминных судов, семейных советов и конкурсных управлений, а также при совершении нотариальных актов в губерниях Царства Польского. 17 июня 1876 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб.: Тип. II Отделения, 1825—1881. Т. 51. Отд. 1. 1876. № 56105. С. 658.

7. Об упразднении Правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском и дополнительные правила к высочайше утвержден-

ному 19 (31) декабря 1866 г. положению о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского. 29 февраля 1868 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб.: Тип. II Отделения, 1825—1881. Т. 43. Отд. 1. 1868. № 45544. С. 173—178.

8. О некоторых мерах по народному образованию в Царстве Польском. 9 октября 1881 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 1149. Оп. 10. Д. 6. Л. 3—45 [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: URL: <http://www.prilib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=89902> (дата обращения: 18.05.2013).

9. Мулина С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 200 с.

10. Правила о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского. 30 июля 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб.: Тип. II Отделения, 1825—1881. Т. 42. Отд. 1. 1871. № 44887. С. 1195—1198.

11. Ежемесячная хроника. 1 января 1868 г. // Вестник Европы. 1868. Т. 1. Кн. 1. С. 380—400.

12. Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860—1880 гг.). Саратов: Из-во Саратовского ун-та, 2004. 379 с.

13. [Полонский Л. А.] Внутреннее обозрение. 1 мая 1872 г. // Вестник Европы. 1872. Т. 3. Кн. 5—6: Май — июнь. С. 363—390.

14. [Драгоманов М. П.] Восточная политика Германии и обрусение. X—XII. // Вестник Европы. 1872. Т. 3. Кн. 5—6: Май — июнь. С. 210—253.

15. [Павлович Б.] Польская пресса в 1871 году. // Вестник Европы. 1872. Т. 6. Кн. 11: Ноябрь. С. 420—427.

16. [Полонский Л. А.] Внутреннее обозрение. 1 сентября 1877 г. // Вестник Европы. 1877. Т. 5. Кн. 9: Сентябрь. С. 359—382.

О. И. Ершова,

кандидат исторических наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Российский государственный
социальный университет», филиал в г. Минске (Минск)

СИСТЕМА ПРИКАЗОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье раскрывается сущность государственной социальной политики в Российской империи. Описывается деятельность государственных социальных учреждений в 1775—1917 годах. Показаны особенности государственной помощи в отношении больных, немощных, престарелых, сирот, нищих и других категорий людей, нуждавшихся в поддержке.

O. I. Ershova

THE SYSTEM OF OFFICES OF SOCIAL CHARITY IN RUSSIAN EMPIRE

The essence of public and social politics of Russian empire unfolds in this article. Activity of public and social organizations in 1775—1917 years describes here. In this article features of public help in case of orphans, sick, weakly, poor, aged and other kinds of people in need are shown.

XVIII столетие для России — это время становления государственной социальной политики. Структурные реформы Петра I неминуемо затронули и социальную сферу. В стране шли процессы разорения части населения, пополнявшей, наряду с беглыми крепостными крестьянами, социальную прослойку нищих. Росло количество людей, нуждавшихся в сторонней помощи — для того, чтобы преодолеть сложную жизненную ситуацию, найти источник дохода, либо тех людей, кто имел потребность в постоянном уходе. В начале XVIII в. росло количество детей-сирот. Появилась новая категория людей, нуждавшихся в социальной поддержке, — военнослужащие, получившие увечье, несовместимое с дальнейшей службой в армии и на флоте. Кроме того, в период правле-

ния Петра I росли масштабы социальных патологий (маргинальности): профессионального нищенства, проституции, преступности. С маргинальностью государственная власть пыталась справиться с помощью репрессий: через запретительное законодательство, создание изоляционных учреждений — рабочих домов и прядильных домов. Кроме того, государство стало основывать сиротские дома, в которые принимались и незаконнорожденные дети. Ряд социальных функций государство передало православным монастырям. Монахи должны были открывать начальные школы грамоты, ухаживать за немощными в богадельнях, а также за отставными военными. Общие функции надзора за развитием социальной сферы были возложены на полицию.

В период правления Екатерины II ситуация в социальной сфере изменилась. В результате секуляризации монастырских земель монастыри лишились основного источника дохода. Потеряв постоянный источник финансирования, православный монастырь утратил и возможность осуществлять широкие социальные функции. Впервые, со времени раннего средневековья, православная церковь в лице монастырей не только утратила лидерство в решении социальных проблем, но и ушла на второй план. Следовательно, образовавшийся пробел в череде субъектов социальной политики нужно было заполнить. Так, в России на рубеже 1760—1770-х гг. возникла идея создать государственное учреждение, которое реализовывало бы на местах социальную политику властей. Им стал Приказ общественного призрения, открывшийся в каждой губернии согласно «Учреждения для управления губерний» 1775 г.

Приказ общественного призрения представлял собой совокупность социальных учреждений в границах одной губернии: больниц, богаделен, рабочих и смирительных домов, сиротских приютов, домов для неизлечимых больных, домов для сумасшедших, а также народных школ. Из казны каждый Приказ получил единовременно сумму в 15000 руб. Эти деньги рекомендовалось не тратить без остатка на содержание учреждений, а, напротив, преумножать их за счет банковских процентов в случае заклада в Дворянский банк, пожертвований от частных лиц, продажи лекарств, изготовленных в приказной аптеке. [4, ст. 382] Интересно, что почти за сто лет своего существования Приказы значительно приумножили принадлежащие им капиталы, в первую очередь, за счет осуществления кредитных операций. Так, «самым богатым» оказался

Санкт-Петербургский приказ, который имел в качестве собственных капиталов 1079308 руб. Второе место занимал Киевский приказ — 871403 руб., третье — Тамбовский приказ (779737 руб.). Для сравнения, самый малый капитал имел Харьковский приказ — 8747 руб. [2, с. 52—55]

Во второй четверти XVIII — первой половине XIX в. Приказы решали проблемы бедности, бездомности, боролись с профессиональным нищенством. [3] Все вопросы, связанные с принятием решений, решало Правление Приказа, которое формировалось по сословному принципу. На заседаниях правления присутствовало по два представителя от губернского дворянства, от горожан, а также от свободных крестьян, если они проживали в данной губернии. Председательствовал на заседаниях губернатор. Вместе с тем он не имел права давить на членов Правления, все решения принимались коллегиальным путем. [4, ст. 380] В начале XIX в. наблюдался процесс профессионализации деятельности Правления, в состав которого с 1818 г. включили инспектора врачебной управы. [1, с. 39] Правление работало три месяца в календарном году, начиная с 8 января. [4, ст. 393]

В главе 25 «Учреждения для управления губерний» подробно прописываются требования к открытию и содержанию различных типов социальных учреждений. Самое большое внимание уделяется больницам. Больницу рекомендовалось открывать вблизи крупного города — желательно вниз по реке, на просторном месте на свежем воздухе. Здание должно было быть просторным, с высокими потолками. Палаты следовало содержать в чистоте, регулярно проветривать. Больница разделялась на три отделения: мужское, женское и инфекционное. [4, ст. 386] В «Учреждении для управления губерний» размещался типовый проект открытия больницы.

Для людей с психическими заболеваниями предназначался дом для сумасшедших. Его планировалось размещать в хорошо изолированном и охраняемом помещении, чтобы предотвратить побег больных. Штат работавших возглавлял надзиратель — «пристойный, добросердечный, твердый и исправный человек». [4, ст. 389] Интересно, как на тот момент решался вопрос с кадровым составом такого учреждения? В рядовые надзиратели рекомендовали набирать отставных солдат, при отсутствии таковых — людей человеколюбивых, но строгих, согласившихся бы работать за определенную плату. Больные содержались изолированно, если

относились к категории буйных, либо в общих помещениях. Закон декларировал бесплатное содержание и лечение неимущих сумасшедших. Если же у родственников больного имелись средства, они вносили за его содержание ежегодную плату. [4, ст. 389]

Примечательно, что в последней четверти XVIII в. в Российской империи предусмотрели заботу о такой категории нуждающихся, как умирающие. О том, что таких людей было много в то время, косвенно говорит ст. 388. В ней отмечается, что умирающие люди переполняют больницы, хотя им уже нельзя помочь. Все неимущие неизлечимо больные люди направлялись в Дом для неизлечимых больных, где получали крышу над головой, питание и уход — вплоть до самого момента смерти. [4, ст. 388]

Большое количество людей в Российской империи, оказавшихся в нужде, уже по состоянию здоровья или в силу возраста не могли работать, но и не умирали от тяжелой болезни. Для них еще в допетровской Руси было создано такое интересное социальное учреждение, как богадельня. Интересно оно, во-первых, тем, что является в истории России долгожителем среди социальных учреждений, пережив не одну эпоху. Во-вторых, богадельни открывались различными субъектами, оказывавшими помощь: и монастырями, и церковными приходами, и частными лицами. С 1775 г. богадельня получила официальный статус государственного учреждения в составе Приказа общественного призрения. В нее предписывалось принимать «мужеского и женского пола убогих, увечных и престарелых, кои пропитания не имеют». [4, ст. 387] Государство надеялось, что, получив место в богадельне, человек не станет просить подаяние на улице. Правлению указывалось на необходимость отслеживать ситуацию с нищенством в губернии и анализировать потребность нищих в помещении в богадельню. Разрешалось не только открывать новые богадельни, но и увеличивать количество мест в уже действовавших. Богадельни разделялись на мужские и женские. Содержавшиеся в них получали не только кров и пищу, но и одежду. Они должны были вести себя пристойно, не допуская «никаких неистовств, обществу соблазнительных». [4, ст. 387] Согласно тексту закона, во время инспекций богаделен обращалось особое внимание на возраст призревавшихся. Если в стенах богадельни обнаруживали молодых или даже детей, их немедленно оттуда удаляли. В зависимости от пола, возраста и состояния, моло-

дежь и детей отдавали в школу, в услужение или в ремесло с целью не допустить, «чтоб с молодости в праздности жили и к праздности привыкали» [4, ст. 388].

Предусматривалась в структуре Приказа общественного призрения и забота об осиротевших детях. Их помещали в специальные Дома для призрения и воспитания сирот. В том случае, когда открыть такой Дом не было возможности, в том числе и по причине нехватки средств, детей отдавали за умеренную плату на воспитание надежным людям. Воспитатели по первому требованию обязывались возвратить ребенка в Приказ, который решал его дальнейшую судьбу в зависимости от социального происхождения. Детей ремесленников направляли обучаться ремеслу, торговцев — торговле и пр. [4, ст. 385]

Особое место в структуре Приказа занимали исправительные учреждения — работный дом и смирительный дом. В работный дом принимались «совершенно убогие обоюбого пола», которые могли работать по возрасту и состоянию здоровья, но работы не имели. В доме им предоставлялась работа, причем тип труда рознился в зависимости от губернии. Трудясь, содержащиеся в учреждении зарабатывали средства, которые погашали расходы на их питание, кров, одежду. Остатки заработанного могли передаваться содержащимся. В работный дом можно было попасть двумя путями: добровольно или по распоряжению властей. [4, ст. 390]

В смирительный дом попадали: повзрослевшие дети, которые не подчинялись своим родителям, расточители, люди, не желавшие работать, пьяницы, проститутки. Решение о размещении в смирительном доме могли принять Губернское правление, сословный суд. В Правление Приказа могли обратиться с прошением родители непослушного сына или дочери, либо трое родственников, либо помещик, либо хозяин работника. В прошении следовало объяснить причины, вызвавшие необходимость изолировать человека. Смирительный дом должен был размещаться в надежном, хорошо охраняемом помещении во избежание побегов, иметь штат надежных смотрителей. Помещение делилось на мужскую и женскую половины. Содержавшиеся в доме принуждались к работе. Отказывавшихся трудиться либо нарушивших режим подвергали наказанию: битью прутком, либо кормлению только хлебом и водой, либо помещению в карцер. Интересным является тот факт, что в стенах сми-

рительного дома категорически воспрещалось обращение к человеку по кличке. Если в дом человека сослали по требованию родителей, либо родственников, либо помещиков, либо хозяев, то они же и оплачивали содержание заключенного. [4, ст. 391].

Закон оставлял возможность открывать все описанные выше учреждения по желанию и на средства частных лиц, обществ, горожан, сельских жителей. За Правлением оставались функции надзора. [4, ст. 392]. Сам же Приказ общественного призрения подчинялся Сенату и непосредственно императору. [4, ст. 429]. В ходе министерской реформы Александра I Приказы общественного призрения были подчинены ненадолго Министерству юстиции, а затем перешли в ведение Министерства внутренних дел. [3, с. 58]

Таким образом, в рамках административной реформы Екатерины II в стране возникли государственные учреждения, олицетворявшие собой заботу государства о нуждавшихся в помощи людях и воплощение идеи социальной справедливости. К работе в государственных социальных учреждениях привлекались добровольцы, равнодушные к чужой беде, в сердцах которых «не угасала сродная жалость и любовь к ближнему..., где от их помощи и управления зависеть будет воспитание, содержание и охранение сограждан, всех средств к тому судьбою лишенных, как и заключению вредных и развращенных исправление» [4, ст. 431].

К 1861 г. в системе Приказов общественного призрения действовало 519 больниц и пять больничных отделений, 33 Дома для умалишенных и шесть их отделений, 100 богаделен, 21 сиротский дом и два их отделения, 27 работных и смирительных домов с тремя отделениями и всего лишь два Дома для неизлечимых больных [3, с. 57]. Дом для неизлечимых больных как разновидность социального учреждения не прижился в России. Один из действовавших домов работал в Калуге (на 56 кроватей), второй, на 16 кроватей, в Могилеве. В Минске открылось отделение Дома для неизлечимых больных на 10 мест [3, с. 64]. Проблема ухода за умирающими частично решалась через их размещение в больницах. Число больничных коек в стране в 1861 г. составляло 17351. Самая крупная больница работала в Одессе — на 500 мест. В стране действовали и совсем малые больницы — на пять — шесть мест. [3, с. 61].

На протяжении XIX в. государство уточнило категории людей, имевших право проживать в богадельнях. Кроме немощных, не имевших

родственников, которые могли бы их содержать, в богадельни принимались увечные бродяги, не способные по состоянию здоровья следовать в Сибирь на высылку; женщины-бродяги, подлежащие высылке в Сибирь на поселение, имевшие грудных детей (жили в учреждении до истечения срока кормления грудью); просящие милостыню отставные нижние чины; увечные из арестантских рот; увечные и дряхлые люди, исключенные за пороки из духовного звания; нищие немощные из разночинцев. Помимо данных категорий, за плату в богадельни принимались: увечные нижние чины; увечные воспитанники из бывших военных кантонистов; сыновья нижних почтовых служителей; солдатки — неизлечимо больные, умалишенные, дряхлые, калеки. [3, с. 62—63]. Среди призреваемых в богадельнях поощрялся легкий ручной труд, изделия затем продавались либо передавались в социальные учреждения Приказа. Лежачих же побуждали к чтению либо к слушанию текстов Священного Писания [3, с. 63].

К середине XIX в. в структуре Приказов общественного призрения действовали новые типы социальных учреждений. Во-первых, это инвалидные дома, которых к 1861 г. насчитывалось семь с четырьмя отделениями. В них призревалось 8827 увечных военного звания. На содержание одного человека в год уходило 71 руб. [3, с. 63]. Во-вторых, в состав Приказов влились Воспитательные дома, появившиеся еще в XVIII в. для призрения незаконнорожденных (восемь домов с 14 отделениями в 1861 г.). Для содержания одного младенца в год тратилось 57 руб. 66 коп. Кроме того, в Воспитательный дом принимались малолетние дети арестантов, малолетние мальчики-бродяги. Незаконнорожденные покидали учреждение в 18 лет, будучи приписанными к мещанским, цеховым либо сельским казенным обществам. Дети арестантов возвращались к родителям после их освобождения. Бродяги воспитывались до совершеннолетия и затем приписывались к податному сословию [3, с. 65—66]. В-третьих, в структуру Приказов вошли училища для детей канцеляристов. Окончившие курс обучения в училищах (который соответствовал программе уездного училища) были обязаны прослужить по гражданскому ведомству в своей губернии восемь лет [3, с. 68]. Приказы общественного призрения активно практиковали и оказание материальной помощи вне социальных учреждений. Одной из разновидностей такой помощи стало содержание за счет Приказов талантливых де-

тей в гимназиях (как правило, детей обедневших чиновников и дворян), которых по окончании обучения либо устраивали на службу, либо отправляли учиться на юридический факультет университета. С 1852 г. Приказы финансировали обучение талантливых юношей и на медицинских факультетах, после окончания которых новоиспеченные медики обязаны были отработать 10 лет в звании городского или уездного врача. [3, с. 69—70]. Наконец, Приказы, с разрешения Министерства внутренних дел, назначали денежные пособия в размере не более 5 руб. серебром в месяц на одного человека. Такое пособие получали одинокие бедняки и даже целые семьи, которые обнищали, не имели сил работать и не могли попасть в богадельню из-за нехватки свободных мест и прочих причин. [3, с. 63—64].

После отмены крепостного права в Европейской России Приказы были ликвидированы. Правительство больше не устраивало их. Как оказалось на практике, их работе мешала бюрократическая система управления, чрезмерная зависимость в принятии решений от Министерства внутренних дел, отсутствие профессионализма в управлении социальными учреждениями, слабая материальная база последних. [1—3]. Все учреждения Приказов и денежные счета были переданы земствам. Пореформенный период — время сосуществования Приказов в неземских губерниях и земств в Европейской России. К концу XIX в. земства достигли гораздо больших успехов в сфере призрения. На территории белорусских губерний Приказы проработали до начала XX в. [5].

Литература

1. Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения в России // Антология социальной работы: в 3 т. / Сост. М. В. Фирсов. Т. 3. М.: Сварогъ — НВФ СПТ, 1995. С. 39—49.

2. Сведения о Приказах общественного призрения // Антология социальной работы: в 3 т. / Сост. М. В. Фирсов. Т. 3. М.: Сварогъ — НВФ СПТ, 1995. С. 49—55.

3. Устройство общественного призрения в России // Антология социальной работы: в 3 т. / Сост. М. В. Фирсов. Т. 3. М.: Сварогъ — НВФ СПТ, 1995. С. 56—72.

4. Учреждения для управления губерний 7 ноября 1775 г. // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 5 / под ред. А. Д. Горского. М.: Высш. шк., 1989. С. 43—107.

5. Шимукович С. Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX — начале XX в. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. 188 с.

П. П. Бухавец,
аспірант

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка (Мінск)

СТВАРЭННЕ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫХ ТАВАРЫСТВАЎ У БЕЛАРУСІ (XIX — ПАЧАТАК XX ст.)

Рассматривается создание сельскохозяйственных обществ на территории современной Беларуси, в контексте как общего для всей Российской империи, так и местного ограничительного законодательства.

P. P. Bukhavets

THE ESTABLISHMENT OF AGRICULTURAL SOCIETIES IN BELARUS (THE 19TH — BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

The creation of agricultural societies in the territory of modern Belarus is considered, in the context as the general for all Russian Empire, and the local restrictive legislation.

Пад сельскагаспадарчым таварыствам трэба разумець легальнае добраахвотнае грамадскае аб'яднанне, асноўнай мэтай якога было спрыянне уздыму аграрнага сектару эканомікі канкрэтнага рэгіёну. Сельскагаспадарчыя таварыствы працавалі на карысць шырокіх колаў насельніцтва, што з'яўляецца галоўным адрозненнем ад іншых сельскагаспадарчых аб'яднанняў, у прыватнасці сельскагаспадарчых суполак, якія клапаціліся аб узбагачэнні толькі сваіх сяброў. Гэтую розніцу часта незаўважаюць даследчыкі, аб'ядноўваючы сельскагаспадарчыя грамадскія аб'яднанні і камерцыйныя арганізацыі ў адну групу. Што тычыцца гістарыяграфіі стварэння сельскагаспадарчых таварыстваў, то дадзенай праблемай у кантэксце сваіх даследаванняў цікавіліся прадстаўнікі розных накірункаў гуманітарыстыкі Беларусі, Расіі і Польшчы, такіх як аграрная гісторыя, гісторыя грамадскіх арганізацый, гісторыя эканамічнай думкі, гісторыя нацыянальных рухаў, гісторыя права. Аднак спецыяльнага вывучэння праблемы стварэння сельскагаспадарчых таварыстваў у Беларусі да цяперашняга часу так і не было праведзена.

З’яўленне сельскагаспадарчых таварыстваў у Расійскай імперыі было абумоўлена агульнаеўрапейскай тэндэнцыяй развіцця грамадства і сельскай гаспадаркі. Першай арганізацыяй падобнага кшталту стала заснаванне ў 1765 г. Вольнага эканамічнага таварыства. Кацярына II зацвердзіла статут таварыства і тым самым запачаткавала працэдуру дзяржаўнай рэгістрацыі грамадскіх аб’яднанняў манархам. Выдадзены ў 1782 г. «Статут добрапрыстойнасці» ці «паліцэйскі» толькі юрыдычна замацаваў ўжо існаваўшую працэдуру заснавання грамадскіх аб’яднанняў, які абавязваў ініцыятараў атрымаць дазвол ва ўлады ў кожным канкрэтным выпадку [1, с. 93; 2, с. 478].

У 1826 г. было заснавана першае сельскагаспадарчае грамадскае аб’яднанне на тэрыторыі Беларусі — Беларускае вольнае эканамічнае таварыства, якое ўключала ў раён сваёй дзейнасці Віцебскую і Магілёўскую губерні [3, с. 27].

Наступны перыяд (1837—1861 гг.) характарызаваўся стварэннем у 1837 г. Міністэрства дзяржаўных маёмасцяў, III дэпартамент якога заведаваў справамі, якія тычыліся паляпшэння сельскагаспадарчай вытворчасці, у тым ліку і кіравання сельскагаспадарчымі таварыствамі. У 1845 г. ён атрымаў назву Дэпартамент сельскай гаспадаркі. Але як і раней працэдура іх адкрыцця не змянілася і патрабавала зацвярджэння манархам пасля папярэдняга абмеркавання на пасяджэннях Камітэта міністраў [4, с. 328]. У гэты перыяд у Расіі былі створаны 23 сельскагаспадарчыя таварыствы, сярод якіх былі і першыя аб’яднанні з раёнам дзейнасці на адну губерню ці нават павет. Аднак, у той жа час Беларускае вольнае эканамічнае таварыства было зачынена. Прычынамі гэтага маглі быць як няўдалыя спробы наладзіць узорную гаспадарку, што прывялі да страты інтарэсу да дзейнасці таварыства з боку яго сяброў, так і неадпаведнасць яго існавання дзеючаму заканадаўству. 18 ліпеня 1840 г. выдаецца сенацкі ўказ па найвысокаму наказу імператара Мікалая I, у якім забаранялася афіцыйнае ўжыванне рэгіёну Беларусь. Да беларускіх у той час адносіліся менавіта Віцебская і Магілёўская губерні [5, с. 386; 6, с. 515]. Пасля заснавання ў 1858 г. Смаленскага таварыства сельскай гаспадаркі часткі Магілёўскай і Віцебскай губерняў уваходзілі ў раён дзейнасці апошняга [7, с. 291].

З ініцыятывай заснавання сельскагаспадарчага таварыства па прыкладу варшаўскага ў 1859 г. выступіла дваранства Мінскай губерні.

Гэтую ідэю падтрымала вышэйшае саслоўе і іншых літоўска-беларускіх губерняў. У сваім адрасе на імя імператара разам з просьбамі аб ўвядзенні польскай мовы ў школах, аднаўленні Віленскага ўніверсітэта і аб'яднанні гістарычнай Літвы з Царствам Польскім была ўключана і прапанова аб стварэнні таварыстваў. Але імператар адмовіў такім радыкальным прапановам, а разам з тым і стварэнню сельскагаспадарчых таварыстваў [8, с. 40].

Аграрная рэформа 1861 г. прынцыпова змяніла далейшае развіццё сельскай гаспадаркі. Перабудова маёнткаў на капіталістычны лад патрабавала рэфармавання старых спосабаў гаспадарання. Гэта падзея яшчэ ў большай ступені актуалізавала пытанне аб стварэнні сельскагаспадарчых таварыстваў у розных рэгіёнах імперыі, у тым ліку і на тэрыторыі Беларусі. Але яшчэ на пачатку 1861 г., у сувязі з хваляваннямі якія пачаліся ў краі, Віленская, Гродзенская і Ковенская губерні былі пераведзены на ваеннае становішча, якое з 27 кастрычніка 1861 г. было распаўсюджана на астатнія губерні. У сувязі з адтэрміноўкай дваранскіх выбараў маршалак Віцебскай губерні меў намер склікаць губернскі дваранскі сход у 1862 г. для абмеркавання розных пытанняў, сярод якіх значылася і пытанне аб заснаванні таварыства сельскай гаспадаркі. Але міністр унутраных спраў забараніў скліканне гэтага сходу [9, с. 203—204]. Неабходна зазначыць, што 1860-я гады вызначыліся фарміраваннем так званага абмежавальнага заканадаўства ў адносінах да «асобаў польскага паходжання», што пазбаўляла іх ўсякага ўдзелу ў грамадскіх справах. Таму за перыяд з 1861 г. па 1866 г. сярод заснаваных 8 сельскагаспадарчых аб'яднанняў не было ні аднаго ў межах Заходніх губерняў [10, с. 191].

У рамках рэформаў Аляксандра II 15 красавіка 1866 г. было прынята палажэнне, згодна якому права зацвярджаць праекты статутаў таварыстваў упершыню атрымаў міністр дзяржаўных маёмасцяў па дамоўце з міністрам унутраных спраў [4, с. 328]. Увядзенне палажэння 1866 г. не адразу паскорыла працэс узнікнення новых таварыстваў. Так, у другой палове 1860-х гг. было заснавана толькі 5 новых аб'яднанняў. Хуткі рост колькасці зацвярджэнняў адзначаўся ў наступнае дзесяцігоддзе XIX ст., калі ў імперыі з'явілася ўжо 50 новых сельскагаспадарчых таварыстваў [3, с. 28].

Мэтай аднаўлення дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў была падтрымка рускага землеўладання. У 1876 г. зацвярджаюцца статуты губернскіх Мінскага і Віцебскага таварыстваў сельскай гаспадаркі [11, с. 1; 12, с. 7]. Адно з палажэнняў статута Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі, якое дзейнічала ў першыя гады яго існавання, указвала, што сябрамі аб'яднання могуць быць толькі «асобы рускага паходжання» [11, с. 1]. Аднак, такая дыскрымінацыя мясцовых землеўладальнікаў не спрыяла эфектыўнай дзейнасці таварыства, таму ўжо 1878 г. губернскі маршалак В. Паўлаў быў вымушаны прыцягнуць апошніх да працы [13, с. 92]. Крыху пазней, у 1879 г. было заснавана Магілёўскае таварыства сельскай гаспадаркі і Мінскі аддзел Імператарскага расійскага таварыства садоўніцтва, які быў першым спецыялізаваным аб'яднаннем [12, с. 48, 103].

Такім чынам, у 60—70-я гг. XIX ст. адбылася пэўная ліберызацыя вакол стварэння сельскагаспадарчых таварыстваў у Расіі, што тлумачыцца большым разуменнем іх неабходнасці ў працэсе мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі. На тэрыторыі Беларусі, аднак, палітыка адкрыцця таварыстваў мела асаблівасці. З аднаго боку ўлады падаўлялі мясцовую грамадскую актыўнасць і ініцыятывы па стварэнні сельскагаспадарчых таварыстваў. З іншага — зрабілі спробу паспрыяць русіфікацыі края праз стварэнне і дзейнасць апошніх прадстаўнікамі ўлады ў другой палове 70-х гг. XIX ст.

Нягледзячы на тэндэнцыю паступовага росту колькасці сельскагаспадарчых таварыстваў у імперыі ў 80-я гг. XIX ст., калі з'явілася 63 новыя, на тэрыторыі Беларусі не было заснавана ніводнага аб'яднання [3, с. 28]. З прыходам да ўлады Аляксандра III, урад і мясцовая адміністрацыя адыходзіць ад палітыкі мінулых гадоў. Міністар унутраных спраў М. П. Ігнацьеў, які меў значны ўплыў на маладога цара, пужаў апошняга «польска-жыдоўскай змовай». Мясцовая адміністрацыя спрабавала пазакрываць нешматлікія сельскагаспадарчыя таварыствы, што ўжо існавалі. Так, у 1884 г. віцебскі губернатар Далгарукаў патрабаваў забараніць Віцебскае таварыства сельскіх гаспадароў у сувязі з тым, што нібыта ў ім усім кіруюць палякі, якія прыкрываючыся сельскагаспадарчымі мэтамі у сапраўднасці пераследваюць польскія нацыянальныя імкненні. Ад закрыцця таварыства выратаваў водгук аб ім

былога губернатара, які сам прымаў у яго працы актыўны ўдзел, ды перавага ў гэтай губерні рускіх памешчыкаў [14, с. 99—101].

Аднаўленне практыкі заснавання таварыстваў пачалося ў 1892 г. 3 гэтага году і да моманту ўвядзення «Нармальнага статута» ў 1898 г. было створана 4 сельскагаспадарчыя таварыствы, з якіх мелі павятовы раён дзеяння [3, с. 238, 619; 15, с. 75].

Наступны перыяд у стварэнні сельскагаспадарчых аб'яднанняў трэба звязаць з абнаўленнем Міністэрства земляробства і дзяржаўных маёмасцяў, якое распрацавала праект «Нармальнага статута для мясцовых сельскагаспадарчых таварыстваў». Яго зацвярджэнне адбылося 28 лютага 1898 г. Статут значна спрашчаў працэдуру заснавання новых сельскагаспадарчых таварыстваў. Асобы, якія жадалі ўтварыць сельскагаспадарчае таварыства, падавалі пісьмовую заяву мясцоваму губернатару. Апошні вырашаў пытанне аб адкрыцці таварыства ў тым выпадку, калі статутная дзейнасць не выходзіла за межы губерні і цалкам адпавядала «Нармальнаму статуту» [3, с. 29]. Яго з'яўленне надала імпульс далейшаму павелічэнню колькасці сельскагаспадарчых таварыстваў Расіі. Так, у канцы 1897 г. у імперыі налічвалася 269 СГТ, а да канца 1905 г. іх колькасць павялічылася ўжо да 1019. Такім чынам, за 8 год колькасць таварыстваў узрасла больш чым у 3,5 разы [15, с. XV]. Аднак дзеянне адпаведнага заканадаўства не распаўсюджвалася на тэрыторыю генерал-губернатарстваў да 15 верасня 1915 г. Таму Віленская, Ковенская і Гродзенская губерні, якія ўваходзілі ў склад Віленскага генерал-губернатарства да 1 студзеня 1912 г., не мелі магчымасці скарыстацца дадзеным спрашчэннем працэдуры заснавання таварыстваў [3, с. 29; 16, с. 40]. Тым не менш, у перыяд з лютага 1898 г. па сакавік 1906 г. на тэрыторыі сучаснай Беларусі былі заснаваны 22 сельскагаспадарчыя таварыствы, каля паловы якіх мелі павятовы раён дзейнасці. З'яўляюцца ў гэты час аб'яднанні, якія ахоплівалі сваёй дзейнасцю некалькі губерняў, павеятаў, групу воласцяў ці нават воласць. Новым для гэтага часу было стварэнне першых таварыстваў у Віленскай і Гродзенскай губерні, што тлумачыцца паслабленнем палітыкі абмежаванняў да дваранства рыма-каталіцкага веравызнання, якое складала большасць у гэтых губернях [3, с. 22, 28, 40, 109, 232—234, 236, 238, 615, 630, 647, 748, 749, 877, 879; 12, с. 27; 15, с. 23, 33, 75].

Зацвярджэнне 4 сакавіка 1906 г. «Часовых правілаў аб таварыствах і саюзах» — першага і адзінага ў дарэвалюцыйнай Расіі агульнага заканадаўчага акта, які рэгламентаваў парадак стварэння і функцыянавання грамадскіх аб'яднанняў. Правілы дазвалялі рэгістраваць ствараемае таварыства па спрошчанаму парадку, які прадугледжваў падачу заявы на імя губернатара. У заяве аб стварэнні таварыства павінны былі змяшчацца звесткі аб яго мэце і задачах, раёне дзейнасці, правілах прыёму сяброў, спосабу абрання праўлення і распарадчыка, а таксама вычарпальную інфармацыю аб заснавальніках. Таварыства лічылася заснаваным, калі на працягу двух тыдняў ініцыятарам не было заяўлена аб адмове. За перыяд 1906—1911 гг. у Расіі ўзнікла велізарная колькасць новых сельскагаспадарчых аб'яднанняў. За пяць год існавання часовых правілаў колькасць сельскагаспадарчых аб'яднанняў дасягнула 3103, што складала 68 % ад іх агульнага ліку [15, с. XV].

За перыяд ад увядзення часовых правілаў да 1911 г. на тэрыторыі сучаснай Беларусі было заснавана 17 новых сельскагаспадарчых таварыстваў, сярод якіх 7 распаўсюджвалі свае дзеянні на адну губерню, 3 на групу паветаў, 6 на павет, і толькі 1 на групу воласцяў [3, с. 24, 41, 47, 109—110, 232, 235, 237, 695, 768—769].

7 мая 1911 г. была зацверджана новая рэдакцыя «Нармальнага статута». Змены датычыліся прававога боку дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў. У прыватнасці, змяніўся змест параграфу аб сябрах таварыства. Напрыклад, уводзіўся цэнз падданства. Але ў параўнанні з папярэднім статутам, забарона сяброўства захоўвалася толькі для навучэнцаў сярэдніх і ніжэйшых школ [4, с. 334]. Агульная колькасць сельскагаспадарчых таварыстваў павялічылася амаль у два разы ў параўнанні з 1911 г. і на пачатак 1915 г. дасягнула 5795 [3, с. 1]. На тэрыторыі сучаснай Беларусі, назіралася тэндэнцыя да ўзрастання колькасці сельскагаспадарчых аб'яднанняў. Так, у 1911 г. было заснавана 7, 1912 г. — 9, 1913 г. — 9, 1914 г. — 19, 1915 г. — 6 таварыстваў сельскай гаспадаркі [3, с. 23—25, 41, 109—110, 233, 236—238, 621, 674—675, 700, 727, 761, 777—778, 782—783, 788, 796, 799, 841, 877; 17, с. 17, 50, 53]. Характэрным для гэтага часу было стварэнне дробнараённых аб'яднанняў, якія дзейнічалі ў межах воласці ці групы воласцяў. Спецыфічнымі для Паўночна-

Заходняга края ў справе заснавання сельскагаспадарчых таварыстваў былі праявы нацыянальна-канфесійнай палітыкі. Так, нягледзячы на існаванне Віленскага таварыства сельскай гаспадаркі, ў 1912 г. было створана Віленскае рускае сельскагаспадарчае таварыства з сеткай валасных аддзелаў. Пра гэта ж сведчыць заснаванне таварыстваў, якія мелі прыход ці групу прыходаў раёнам сваёй дзейнасці, што зразумела не спрыяла кансалідацыі мясцовага грамадства.

Такім чынам, стварэнне сельскагаспадарчых таварыстваў у Беларусі прайшло некалькі этапаў, якія не заўсёды супадалі з агульнаімперскімі. Паступовае фарміраванне агульнага грамадзянскага права і спецыяльнага заканадаўства ў сферы грамадскіх сельскагаспадарчых аб'яднанняў спрыяла павелічэнню колькасці сельскагаспадарчых таварыстваў у Расіі. Істотную ролю ў Беларусі ў гэтым працэсе адыгралі часовыя правілы 1906 г. Трэба адзначыць, што дзейнасць абмежавальнага заканадаўства ў Паўночна-Заходнім краі, у значнай ступені, тармазіла працэс стварэння сельскагаспадарчых таварыстваў.

Літаратура

1. Бацяеў В. Ф. Грамадскія аб'яднанні беларусаў: станаўленне і развіццё. // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 1999. № 4. С. 92—97.
2. Устав благочиния или полицейский // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. 21. № 15379.
3. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год / под ред. В. В. Морачевского. Пг.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. [VII], 91, 885, 230, [XIII] с.
4. Елина О. Ю. Сельскохозяйственные общества. // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 315—373.
5. Шило Е. В. Белорусское вольное экономическое общество: страницы истории. // Научные труды : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Респ. инст. высш. школы ; под ред. В. Ф. Беркова. Минск, 2013. Ч. 1. С. 380—387.
6. Об именовании губерний Белорусских и Литовских каждую отдельно Витебской, Могилёвской, Виленской и Гродненской. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Отд. I. Т. 15. № 13678.

7. Будаев Д. И. Общество сельского хозяйства. // Смоленская область : энцикл. : в 2 ч. / отв. ред. Г. С. Меркин. Смоленск, 2003. Ч. 2. С. 291—292.

8. Соколова М. Общественные объединения и движения в Беларуси в конце XVIII — начале XX века: проблемы становления гражданского общества. Минск, 2002. 134, [1] с.

9. Жытко А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861—1914 гг. Мінск: БДПУ ім. М. Танка, 2003. 233 с.

10. Чернуха В. Г. Сельскохозяйственные общества России в 60—70-е гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России : сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР ; редкол.: А. А. Фурсенко [и др.]. СПб., 1991. С. 188—196.

11. Устав Минского общества сельского хозяйства. От 20 августа 1876 г. СПб.: тип. В. Демакова, 1876. 9 с.

12. Адрес-календарь сельскохозяйственных обществ. (По данным 1902 года) / М. З. и Г. И. Департамент земледелия. СПб.: тип. М. Меркушева, 1902. X, 239 с.

13. Смалянчук А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864—1917 гг. 2-е вид. СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. 406 с.

14. Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / Под ред. В. П. Панютича. Минск: Наука и техника, 1980. 224 с.

15. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах. Год первый. Часть I. Адрес-календарные сведения к весне 1911 года. / Под ред. В. В. Морачевского. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. III, [IV], LIII, 434, XLI с.

16. Подорожня Е. А. Ликвидация института Виленского генерал-губернаторства: законодательные инициативы и практическая реализация. // Весці БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2013. № 2. С. 36—40.

17. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах. Дополнительный выпуск адрес-календарных сведений к 1 января 1917 года. М. З. Справочно-издательское бюро при департаменте земледелия. Пг.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1917. [V], 153 с.

В. А. Кохнович,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (Минск)

**«НОВОЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВО» В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
РОССИИ XIX в.**

В статье рассмотрены актуальные тенденции в изучении крепостного хозяйства и его эволюции в России и мире. На примере работ Ричарда Лашмана, Ольги Фирсовой, Натальи Кремер, Дмитрия Быкова, Романа Рянского отмечены проблемы формирования капиталистического уклада внутри землевладельческих элит. Также освещен тренд современной российской историографии к восстановлению взглядов Петра Бернгардовича Струве (начало XX в.) на характер крепостного хозяйства в России к 1861 г. Помимо этого отмечена тенденция у некоторых авторов к идеализации вотчинного патернализма в крепостной деревне.

V. A. Kohnovich
**«THE NEW SERFDOM » IN CONTEMPORARY RUSSIAN
HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN AGRARIAN HISTORY
OF THE 19th CENTURY**

The article discusses the current trends in the study serf-economy and its evolution in Russia and the world. Used the example of Richard Lachmann, Olga Firsova, Natalia Kremer, Dmitry Bykov, Roman Ryanskiy noted problems to form capitalist system within the landowning elite. Also lit the trend of modern Russian historiography to restore Peter Berngardovich Struve's views (the beginning of XX century.) The nature of serfdom in Russia in 1861. Besides the tendency of some authors to idealize patrimonial paternalism in the serf-village.

Современные исследователи пересмотрели и продолжают радикально пересматривать ряд устоявшихся положений исторической науки. К примеру, большой резонанс среди исследователей капитализма и соци-

альных преобразований в связи с переходом от Старого (феодалного) к Новому обществу в мире вызвала работа американского социолога-историка Ричарда Лашмана (Richard Lachmann) «Капиталисты вопреки себе: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени» (2000 г. — Oxford University Press) («Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe»). В ней автор подвергает критике устоявшиеся теоретические модели ряда авторов (Карл Маркс, Морис Добб, Ричард Тоуни, Эммануэль Леруа-Ладюри, Майкл Постан, Кэтлин Биддик, Алан Макфарлейн, Норман Стоун, Джек Голдстоун, Ленни Бреннер) – в рамках традиций марксистской, веберовской мысли, школы Анналов и социальной демографии, исторической экологии (Джек Голдстоун, Стефано Феноалтеа). К сожалению, Р. Лашман преимущественно строит свои построения и критику на разработке интерпретаций, а не источников, обширная разработка которых составляет заслугу авторов, подвергнутых в работе критике (Леруа-Ладюри, Добб, Голдстоун и др.).

Интерес представляет концепция Ричарда Лашмана, которая выводит основные причины социальных и экономических трансформаций в аграрной сфере в конфликтах и конкуренции внутри землевладельческих элит. Так, путем сопоставлений, Р. Лашман пришел к выводу (в отношении Англии и Франции XIV—XVI вв.), что крестьяне получали свободу от трудовых повинностей, права на земледержание и стабильную ренту как итог конфликтов между землевладельческими элитами (король, церковь, магнаты, объединения рядовых светских феодалов в отдельных провинциях). Однако там, где таковые конфликты разрешались — трудовые повинности крестьян усиливались, причем, «...не взирая на демографические, экономические и экологические условия» [1, с. 81]. По сути, переход к денежной ренте, крестьянскому землевладению и исчезновение домена в имении следовал из того, что у дворян (феодалов) не доставало в условиях конфликта внутри элиты сил для изъятия доходов из крестьян [1, с. 244].

Безусловно, это очень важное наблюдение Р. Лашмана в отношении внутренних причин перехода от феодальных к капиталистическим практикам в ведении хозяйства имений. Однако весьма спорно его положения о малой важности внешних факторов (демографических, экономических, экологических). С подобной же спорностью в суждениях сталкиваемся

при рассмотрении современной российской историографии, а именно — в работах ряда авторов, которые стремятся дистанцироваться от положений советской историографии в отношении крепостного права и крепостничества.

Современные исследователи пересмотрели ряд устоявшихся положений исторической науки. Так, в 1989 г. подобным же вызовом в отношении принятого в советской историографии тезиса о «кризисе крепостничества» в первой половине XIX в. стала позиция Б. Н. Миронова, который возродил точку зрения П. Б. Струве (1913 г.) о том, что крепостное хозяйство было упразднено в России в период своего расцвета. В работах современных российских авторов (Р. Рянский, Н. Кремер, О. Фирсова, Д. А. Быков) находим выводы, совпадающие с позицией П. Б. Струве [2, с. 148; 3, с. 206; 4, с. 159; 5, с. 30, 246]. Заметим, что речь идет не только о коррекции категоричных положений советской историографии 1950—1980-х гг., но более того — часть авторов предлагает новый, идеализированный взгляд на «вотчинный патернализм»: практически единственное средство социальной защиты в условиях аграрной России [5, с. 246], [крепостничество] «не было в тягость крестьянам» [4, с. 47]. Они утверждают, что в 1861 г. были сокрушены «вековые традиции благотворительности помещиков» и «крестьяне входили в тяжелую пору испытания бременем свободы» [3, с. 207].

Замечено, что подобный радикальный пересмотр положений советской историографии 1950—1980-х гг. (И. Д. Ковальченко, В. А. Федоров, Б. Г. Литвак, П. Г. Рындзюнский и др.) о «кризисе крепостничества» и «кризисе крепостного хозяйства» в России в первой половине XIX в. лишь намечился в перестроечное время, но ревизия устоявшихся взглядов имело место лишь в начале XXI в. Именно тогда появились диссертационные работы упомянутых выше авторов, которые основывались на изучении источников эпохи и строили свои взгляды на результатах собственных исследований.

К умеренным ревизионистам в отношении вопроса о кризисе крепостного права в России в первой половине XIX в. относится Д. А. Быков. Его работа 2005 г. отличается обширным и развернутым обзором историографии по проблемам изучения вотчинного хозяйства и вотчинных архивов в России. Обширная источниковая база работы Д. А. Быкова состоит из большого числа хозяйственных инструкций, на-

казов и иных материалов из фондов Воронцовых, Гагариных, Голицыных, Куракиных (Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Российский государственный архив древних актов) [5, с. 45]. Преимущественным предметом его исследования являются источники эпохи расцвета и начала кризиса крепостного вотчинного хозяйства — с начала XVIII в. по 1820-е гг. Помимо обширной источниковой базы его исследования охватывают значительный ареал исследования: владения Воронцовых в Санкт-Петербургской и Владимирской вотчинах, отдельные села во Владимирской, Пензенской и Воронежской губерниях, а также Курского и Переяславль-Рязанского наместничеств. Исследование Д. А. Быкова также касается владений Гагариных — Звенигородская, Рузская вотчины, рязанские имения и Тамбовская экономия; владений Голицыных — Переславль-Залесская, Пронская, Перемышльская, Муромская, Рязанская вотчины; владений Куркиных — имения Елдегина, Зорино, Одинцово в Подмосковье, а также два мелких владения в Тверской губернии [5, с. 74—76].

По нашему мнению, огромную ценность для мировой историографии имеют его наблюдения в отношении информативности и характера источников вотчинных фондов, а также подробная классификация источников вотчинных архивов [5, с. 48—55]. Так, очень важно наблюдение Д. А. Быкова о том, что «манера ведения хозяйственной отчетности <...> — всегда отражает влияние личности вотчинника: если помещик не заботился о крестьянах или наездами был в деревне, то и господское делопроизводство отражает лишь единичные мероприятия» [5, с. 46]. В целом, в работе подробно отражены мероприятия вотчинного патронирования: помощь зерном, скотом и строительными материалами, организация медицинского и ветеринарного надзора со стороны землевладельцев, обучение крестьян ремеслу и грамоте. Настораживает одно мероприятие вотчинников в рамках патронирования, которое автор стремится рассмотреть в позитивном ключе — сдача в рекруты «вредных обществу людей» [5, с. 239].

Большое значение имеют выводы исследователя. Так, Д. А. Быков утверждает, что «приходится признать реальностью для простого большинства зависимого крестьянства вотчинное патронирование» [5, с. 47]. Вместе с тем, он делает важное уточнение о том, что у мелких и средних помещиков для этого не было средств [5, с. 47]. В своем заключении он

пришел к выводу, что в условиях рискованного и убыточного земледелия в России доход от аграрной и кустарной деятельности был «традиционно низким», что, в свою очередь, требовало «минимальной дешевизны рабочей силы», полностью подчиненной и не требующего специального содержания вне времени промысловых занятий [5, с. 235]. В итоге, требовалось страховать трудовые ресурсы от неблагоприятных погодных и социальных факторов, на что помещик и шел, так как нуждался в сохранении «в возможно большем количестве» исправных крестьянских хозяйств [5, с. 236—235, 237, 246]. Вместе с тем, Д. А. Быков отмечал важное препятствие для развития крестьянского и помещного хозяйства — «лихоимство вотчинной администрации» [5, с. 238]. На этом фоне выпукло венчает наблюдения российского исследователя замечание: для крестьянства в условиях развивающихся товарно-денежных отношений и административного произвола «владельческое патронирование служило порой едва ли единственным средством социальной защиты» [5, с. 246].

Также умеренную позицию в ревизии концепции «кризиса крепостничества» находим у Р. Л. Рянского. Значимая его заслуга, на наш взгляд, заключается в том, что он доказательно обращается и поддерживает положения известных исследователей начала XX в. Так, Р. Л. Рянский разделяет положение П. Б. Струве о том, что реформа 1861 г. носила превентивный характер и привела к ликвидации «барщинного хозяйства в период его расцвета». Положительно он оценивает и мнение И. И. Игнатовича о «вынужденном характере дворянской благотворительности», ввиду того, что законы обязывали помещиков к этому [2, с. 5, 49, 145]. Предметом исследования Р. Л. Рянского стали владения в Курской губернии. На основе обширного источникового материала, автор пришел к наблюдению, что «важной причиной <...> было стремление помещиков повысить или, по крайней мере, сохранить способность крестьян к выполнению повинностей» [2, с. 55]. Вместе с тем, Р. Л. Рянский согласен с положением американского исследователя С. Л. Хок о том, что мир (община) был основой патриархальной власти и гарантировал управляющим имений поддержку старост и глав больших семей для контроля над трудом и поведением крепостных [2, с. 56]. По нашему замечанию, данное наблюдение не отличается от известного в советское время, и подкрепляет его. Дополняет достижения предшественников вывод Р. Л. Рянского о том, что в мелких и средних имениях

роль общины была незначительной или же община вовсе отсутствовала. Причем значима была община в оброчных имениях и резко уменьшалась ее роль в барщинных имениях [2, с. 61, 146].

Принципиально важно, что Р. Л. Рянский выступает за корректировку, а не отторжение достижений советской историографии. Так, установив занижение урожайности в имениях по материалам официальной статистики (не сам-3, а сам-4 и сам-6), курский исследователь указывает на согласие его наблюдений с отзывами современников о «рационализаторстве» ряда помещиков, а выводы советских авторов о деградации помещичьего хозяйства считал только лишь «чрезмерно категоричными» [2, с. 147]. Также он отмечает, что в большинстве имений обработка земли осуществлялась крестьянами и крестьянским же скотом и инвентарем. В силу этого животноводство в имениях Курщины не имело товарного характера [2, с. 147]. Вместе с тем, кризиса в крепостническом хозяйстве на момент проведения аграрной реформы 1861 г. в России не было, поскольку «большинство барщинных крестьян были способны к простому воспроизводству хозяйств», а для самих помещиков труд крепостных оставался выгодным более, чем вольнонаемный [2, с. 148].

Вместе с тем, Р. Л. Рянский признавал наиболее значительные успехи вотчинного хозяйства именно в сфере промышленного предпринимательства (40 % промышленной продукции в губернии) [2, с. 147—148]. Также он отмечал прогресс в сахарной отрасли и считал его результатом распространения в отрасли вольнонаемного труда [2, с. 120]. Автор приходит к заключению, что бюджеты большинства имений носили потребительский характер [2, с. 149], а норма эксплуатации крепостного крестьянского хозяйства была высока, хотя и «не превышала возможностей их хозяйств» [2, с. 145].

Более радикальный характер имеет ревизия взглядов предшественников в работах О. Г. Фирсовой и Н. Б. Кремер. Так, О. Г. Фирсова справедливо упрекает советских авторов в следующем: «За рамками исследований дореволюционных и советских историков оставались проблемы межличностных отношений внутри дворянской вотчины, мотивация хозяйственной деятельности помещиков, их система ценностей, отношение к традициям и новациям в сельском хозяйстве» [4, с. 3]. Выйти за эти рамки О. Г. Фирсова стремилась в своей работе, обратившись к расширенному исследованию вотчинных наказов и мемуаров вотчинников.

В своей работе О. Г. Фирсова выделяет период второй половины XVIII в. — первой половины XIX в. как эпоху распространения рационализма в ведении дел, причем так, чтобы «сохранить господский интерес и соблюсти крестьян от разорения» [4, с. 34, 40]. Складывается целая философия рационального хозяйствования. Она включала в себя кроме рациональных способов ведения хозяйства морально-нравственные нормы, заключавшиеся в заботе помещиков о своих крестьянах, ограничении физических наказаний крестьян и замене их денежными штрафами, недопущении разорения крестьянских дворов [4, с. 39]. Вместе с тем О. Г. Фирсова признает и то, что помещики предписывали установить в вотчинах порядок «подобно полицейскому» [4, с. 62]. Также она отмечает, что ввиду удаленности большинства помещиков от имений, в них процветали злоупотребления приказчиков (вотчинных администраций) [4, с. 62]. О том, что внедрить подлинно рациональную и гуманную систему отношения к крепостным в большинстве российских имений не удалось, свидетельствует утверждение автора, о том, что граф Роман Воронцов был «чуть ли ни единственным вотчинником», который «действительно заботился о нравственности своих крестьян». Причем главной причиной «злобы» крестьян он считал плохое отношение к ним приказчиков [4, с. 66—67].

В своих выводах по работе, О. Г. Фирсова приходит к заключению, что проблема кризиса крепостничества заключалась не в земельном вопросе, а в том, что «крепостные отношения тормозили развитие крупной промышленности и транспортной инфраструктуры», «крепостничество воспринималось в общественном сознании как признак политической отсталости и нравственной ущербности» [4, с. 159]. В итоге отмена крепостного права следовала не из конфликтной ситуации, а из «смягчения нравов и повышения гражданского сознания в обществе» [4, с. 159—160].

Большой интерес представляет работа Н. Б. Кремер, которая рассматривает историю хозяйства Усольской вотчины Орловых-Давыдовых в 1768—1861 гг. В ней автор выходит за рамки местного исследования и приходит к ряду заключений общего характера [3, с. 206]. В действительности исследование Н. Б. Кремер выходит за те рамки локального исследования, на которых настаивает в своей работе О. Г. Фирсова, характеризуя достижения Кремер [3, с. 19]. Подобно О. Г. Фирсовой,

Н. Б. Кремер приходит к заключению о том, что причины отмены крепостного права — вне границ поместья: причина в торможении развития крупной промышленности и транспорта, в потребности в армии нового типа, а также в восприятии крепостничества как признака отсталости и нравственной ущербности общественностью [3, с. 206].

Вместе с тем, опираясь на разработку значительного массива архивных материалов, Н. Б. Кремер видит вотчинный мир крепостничества почти исключительно в позитивном свете. Так, она отмечает, что отмена крепостного права разрушала «вековые традиции» вотчинной благотворительности помещиков, и крестьяне были обречены войти в «тяжелую пору испытания бременем свободы, имея в основном исправное по российским меркам хозяйство» [3, с. 207]. Более того, она заявляет, что владельцы Усольской вотчины были заинтересованы в «высоком уровне жизни крепостного населения на протяжении всего рассматриваемого периода» [3, с. 205].

В своей работе Н. Б. Кремер подробно рассматривает практику вотчинного управления и вотчинного патернализма в имениях Орловых-Давыдовых в Самарской губернии. Так, она подчеркивает «пользу» барщинного хозяйства: начали унавоживать поля в вотчинном хозяйстве, а вслед за тем заставили крестьян унавоживать свои поля, а не выбрасывать навоз в овраги [3, с. 163]. Причем далее автор приводит примеры улучшения хозяйства в имении, но не то, как позитивно повлияли нововведения на хозяйство крепостных крестьян за исключением того, как управляющие надзирали за обработкой крестьянских наделов в 1830-е гг. [3, с. 164—187]. При этом Н. Б. Кремер, безусловно, принимает интерпретацию управляющего Н. М. Полякова (1832 г.): крестьяне не радели в обработке полей, и почти половина из них постоянно нуждалась в хлебе [3, с. 188]. Вместе с тем, исследователь считает обоснованным такую практику в имении ввиду желаяния вотчинной администрации отучить крестьян владения от привычки уходить на заработки в бурлаки и на строительство укрепленных линий на Кавказе [3, с. 188—189]. Также исключительно интересами крестьян обосновывается запрет владельцами вывозить крестьянам хлеб за пределы вотчины во время неурожая 1848 г. [3, с. 189]. Заметим, что разве вывоз и продажа зерна крестьянами вотчины по выгодной цене вне вотчины, а также возможность заработков в отходничестве не соответствовало их интересам?

Следует отметить, что избирательную для современного исследователя снисходительность демонстрирует Н. Б. Кремер в отношении той практики, что вотчина штрафовала староверов и угрожала им высылкой в Сибирь [3, с. 197]. Сомнительна также позитивная интерпретация ей также иной практики вотчинной администрации, когда она штрафовала крестьян за нежелание выдавать дочерей за «пришлых» — мол, это была «борьба с предрассудком» и было «нормой» для того времени [3, с. 196].

Подводя итоги, можно утверждать, что сохраняют свой вес ряд сведений, накопленных в историографии предшественников, которые опровергают видение крепостнического патернализма в том позитивном свете, что находим у современных авторов. Так, упомянутые авторы в ряде нюансов приводят сами обратные доказательства: повсеместное распространение злоупотреблений приказчиков при обычном удалении от поместий их владельцев [4, с. 158; 5, с. 238], свобода крестьян была «в решающей степени ограничена барским произволом», так как «труд крепостных был выгоднее, чем вольнонаемный» [2, с. 144, 148]. Этот перечень можно расширять, обращаясь, прежде всего, к интерпретации ряда наблюдений у О. Г. Фирсовой и Н. Б. Кремер. Вместе с тем, видятся как очень ценными и значимыми ряд частных наблюдений упомянутых авторов, а также Р. Л. Рянского и Д. А. Быкова. Следует также отметить обстоятельный и ценный характер выводов Р. Л. Рянского и Д. А. Быкова, которые демонстрируют умеренную и взвешенную позицию при ревизии концепции «кризиса крепостничества» в советской историографии второй половины XX в.

Литература

1. Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. / Перевод с англ. Андрея Лазарева. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2010. 456 с.

2. Рянский Р. Л. Помещичье хозяйство Курской губернии перед отменой крепостного права: К проблеме кризиса крепостничества в России: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Курск, 2006. 193 с. : ил.

3. Кремер Н. Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых: 1768—1861 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Самара, 2004. 231 с.

4. Фирсова О. Г. Эволюция методов хозяйственной деятельности крупных помещиков XVIII — первой половины XIX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 186 с.

5. Быков Д. А. Помещик и крестьянин в России XVIII — первой четверти XIX вв.: к проблеме патронирования и управления хозяйством: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 277 с.

С. Б. Жарко,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (Минск)

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ США К ВОЙНЕ 1812 г. В РОССИИ

В статье анализируется отношение общественности США к войне 1812 г. Отмечается, что эта война вызвала неподдельный интерес у жителей Соединенных Штатов. Рассматриваются различные взгляды населения Америки на ход военных действий, их отношение к России в целом. Автор приходит к выводу, что война 1812 г. воспринималась общественностью США как справедливая, что позволило в дальнейшем укрепить политические отношения между двумя странами.

S. B. Zharko

THE PUBLIC'S ATTITUDE OF THE USA TO THE WAR OF 1812 IN RUSSIA

The relation of U.S. society to 1812 war is analyzed in the article. It is noted that this war has caused great interest among people in the United States. Different views on the course of military operations and their general relation to Russia of the American population are discussed. Author concludes that U.S. society had perceived the war of 1812 how a fair, this had allowed to improve political relations between two countries.

К числу исторических событий, которые производят на очевидцев неизгладимое впечатление, а затем, спустя многие годы, живо волнуют умы новых поколений, бесспорно, принадлежит российско-французская война 1812 г. Эта война затрагивала судьбы не только России и Франции. От ее исхода зависела, по существу, судьба Европы, а в конечном итоге — всего мира. Поэтому неудивительно, что ход войны приковал внимание всей Европы. И не только Европы. За развитием военной кампании в России пристально наблюдали и в далекой Америке.

Для понимания оценки общественным мнением США российско-французской войны, следует учитывать влияние различных сложных

факторов. Прежде всего, надо иметь ввиду, что с лета 1812 г. США находились в состоянии войны с Англией, которая являлась основной союзницей России в борьбе с Францией. Однако отношения между Россией и США, развивавшиеся до того времени весьма успешно, не были прерваны, а российское правительство выступило осенью 1812 г. с предложением своего посредничества для прекращения англо-американской войны.

Осенью 1812 г. в США приходило множество самых различных сообщений из далекой России: отступление российской армии, сражение на Бородинском поле, оставление Москвы и пожар в ней. Следует учитывать то, что в США мало знали о России и российском народе. Поэтому оценка событий, происходящих в России, была различной, она изобилвала всякого рода небылицами и предрассудками, что можно объяснить недостаточной степенью информированности населения.

В начале 1813 г. В США пришли известия о победах российской армии над Наполеоном и его отступлении из России. Эти известия произвели на американцев огромное впечатление. Так, российский посланник в США А. Я. Дашков писал: «Действие, какое произвели на американцев сии новости, почти невероятно... Я получил письма из Бостона, из Нью-Йорка, из Филадельфии, в которых радостно меня уведомляет, что жители поздравляют друг друга с российскими победами, как будто бы со своими собственными, — если не более!» [2, с. 94]. Возможно, его информация из Вашингтона и приукрашена, что можно объяснить официальным положением российского посланника.

Сообщения о ходе военных действий в этой войне широко комментировались в американских газетах. В таких американских изданиях как «The Boston Gazette», «Уикли мессенджер» и других систематически публиковались объективные и благожелательные в отношении России комментарии. Так, в газете «The Boston Gazette» был помещен подробный отчет о ходе Бородинского сражения. Газета отмечала, что это сражение являлось самой кровопролитной битвой, которая когда-либо происходила в современной Европе. Автор статьи указывает, что потери французов в этом сражении могут составлять примерно 50 тыс. человек убитыми и ранеными. И он был недалек от истины. Эта газета на своих страницах помещала достаточно подробные сообщения о других сражениях в войне, а в одном из номеров этой же газеты была помещена статья российского консула в г. Бостоне Алексея Григорьевича Евстафьева под

названием «Американская свобода защищалась донскими казаками». Следует сказать, что А. Г. Евстафьев опубликовал в американской печати целый ряд статей и заметок о войне 1812 г. При этом он точно и обстоятельно описывал ход военной кампании в России, находясь вдали от театра военных действий и пользуясь часто лишь информацией французских бюллетеней. Им были даны, в частности, подробные и удивительно точные оценки Бородинской битвы, ее действительного значения для исхода войны 1812 г., стратегического замысла и тактики М. И. Кутузова, характера войны против Наполеона и так далее.

Отклики в США на эту войну не ограничивались лишь газетными статьями, высказываниями отдельных лиц, письмами в адрес российских дипломатических представительств и т. д. В течение первой половины 1813 г. в ряде городов США состоялись специальные торжества, на которых присутствовали многие видные представители американской общности, члены конгресса и т. д. А. Я. Дашков писал: «Самым разительным было празднование победы в Бостоне... Целый город выражал свой энтузиазм» [1, с. 214]. Один из ораторов, анализируя причины поражения Наполеона, подчеркнул: «Таким образом, он был уничтожен не преждевременной зимой, не суровостью климата, а умением и отвагой своих противников... Они воевали за самое святое право... право на самоуправление» [1, с. 216].

Естественно, что отклики на российско-французскую войну были различными. В США, демократической стране, не было недостатка в людях самых разнообразных взглядов и убеждений, издавалось множество газет различной направленности, имел свободное хождение официальный французский бюллетень. Ряд антианглийских настроенных общественных и политических деятелей отрицательно отзывались о России, которая была союзницей Англии в борьбе с Наполеоном. Так, издатель одной из газет г. Филадельфии У. Дуан, французский посланник Сюрюрье и ряд других приложили немало усилий к тому, чтобы возбудить недовольство у правительства США. В частности государственный секретарь Д. Монро сделал представление А. Я. Дашкову по поводу некорректного поведения А. Г. Евстафьева на торжествах в г. Бостоне по случаю победы над Наполеоном. В условиях англо-американской войны трудно было ожидать выражения особой радости от администрации США по поводу

поражения наполеоновской армии, которая являлась основным противником Англии.

Следует сказать, что именно в это время в США по существу узнали Россию и тот ее потенциал, проявившийся в ходе этой войны. Однако в США, несмотря на заметный интерес к войне 1812 г., значительного внимания к событиям и ходу этой войны не проявлялось вплоть до конца XIX в.

Литература

1. Болховитинов Н. Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. М., 1984. 216 с.

2. Россия и США: становление отношений 1765—1815. Сборник документов. М.: Наука, 1980. 94 с.

Ф. А. Некрашевич,
аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени,
Белорусский государственный университет (Минск)

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУС: ПРИМЕР МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Данная статья посвящена межнациональным взаимоотношениям в российской императорской армии на примере Резервного корпуса. Резервный корпус был создан в 1824 г. и расформирован в 1831 г. Солдаты и офицеры данного воинского соединения были представлены различными национальностями: поляками, русскими, белорусами, украинцами и литовцами. Резервный корпус являлся своеобразным экспериментом российского правительства по консолидации военных элит различных национальностей Российской империи. Тем не менее, восстание 1830—1831 гг. прервало данный эксперимент.

F. A. Nekrashevich
**THE RESERVE CORPS: THE EXAMPLE OF INTERETHNIC
RELATIONS IN THE RUSSIAN ARMY**

The article is devoted to the international relations in the Russian Emperor army on the example of the Reserve corps. Reserve corps was established in 1824 and disbanded in 1831. The soldiers and officers from this military unit were Polish, Russian, Belarusian, Ukrainian and Lithuanian by nationality. The Reserve corps was the experiment of the Russian government the main aim of which was to unite military elite of different nationalities. However the war of 1830—1831 stopped this experiment.

Окончание наполеоновских войн привело к отказу от плана возрождения Речи Посполитой. По итогам Венского конгресса (1814—1815 гг.) в состав Российской империи вошли земли бывшего Герцогства Варшавского, которым российский император обещал дать конституцию. В 1815 г. было создано автономное Королевство Польское, которое имело свою собственную армию, конституцию, финансы. Наместником российского императора в Королевстве Польском стал цесаревич Констан-

тин Павлович. Общество белорусско-литовских губерний считало, что следующим шагом императора должно стать объединение Королевства Польского с северо-западными губерниями. Определенные меры, которое осуществил император, будто бы подтверждали это.

1 июля 1817 г. император Александр I подписал указ о создании Отдельного Литовского корпуса. Отличительной особенностью корпуса было то, что он комплектовался уроженцами западных губерний (Виленской, Волынской, Гродненской, Минской, Подольской), а также Белостокской области. Данное воинское формирование состояло из трех дивизий.

Помимо польской армии и Отдельного Литовского корпуса, в Варшаве с 1814 г. находилось несколько гвардейских полков российской армии, которые выполняли функцию личной охраны Константина Павловича. В 1824 г. российские гвардейские полки, расквартированные в Варшаве, вместе с польскими гвардейскими частями и несколькими соединениями из состава Отдельного Литовского корпуса были сведены в Резервный корпус [1, с. 124]. Таким образом, цесаревич Константин Павлович сосредоточил под своим командованием сразу три крупных воинских соединения: польскую армию, Отдельный Литовский и Резервный корпуса.

В состав Резервного корпуса входили следующие соединения: гвардейская кавалерийская дивизия (лейб-гвардии Подольский кирасирский, Уланский Его Императорского Высочества Цесаревича, Гродненский гусарский, Польский Конно-Егерский полки), сводная гвардейская и гренадерская дивизия (лейб-гвардии Литовский, Волынский и Польский гренадерский, Самогитский и Луцкий гренадерские, Несвижский карабинерный полки), а также несколько небольших армейских подразделений [2, с. 119—140].

Система комплектования корпуса была весьма пестрой. Еще в 1817 г. все уроженцы западных губерний, которые служили в российской гвардии, были переведены в полки, расквартированные в Варшаве [3, с. 86]. Всего на их укомплектование поступило 2400 чел. [4, с. 21]. Впоследствии «русские» полки корпуса комплектовались солдатами Отдельного Литовского корпуса, то есть, уроженцами западных губерний [5, л. 16—18]. «Польские» полки корпуса комплектовались солдатами, уроженцами Царства Польского. Офицерский состав корпуса был представ-

лен как представителями народов бывшей Речи Посполитой, так и русскими дворянами.

Возникает закономерный вопрос: зачем сводить представителей столь разных и непримиримых национальностей в одном искусственном воинском соединении? Как раз в этот период император Александр I активно проводит либеральный курс относительно западных территорий империи. Благодаря привлечению на российскую военную службу представителей польской и литвинской шляхты император рассчитывал добиться расположения подчиненных народов к царскому режиму.

С самого начала корпус позиционировался российским командованием как элитное воинское соединение. Оно состояло в основном из гвардейских полков, два из которых принадлежали к польской армии (как не странно, гренадерские полки корпуса также носили гвардейскую форму [6, с. 15]). Как известно, в любой армии того времени служба в гвардии считалась крайне престижной. По мнению Константина Павловича, это должно было подтолкнуть шляхту земель бывшей Речи Посполитой и российских дворян активно записываться на службу в Резервный корпус. Среди офицеров корпуса встречаются представители влиятельных родов Российской империи: Вороневские, Врангели, Горчаковы, Несельроде, Радзивиллы, Розены и т.д. [2, с. 119—140].

В Резервном корпусе должны были служить представители сразу нескольких национальностей: поляки, русские, белорусы, украинцы и литовцы. Чтобы сделать это соединение боеспособным, нужно было попытаться устранить антагонизм между польско-литвинской шляхтой и русскими дворянами. Поэтому сразу же после создания корпуса встал вопрос о предотвращении национальных конфликтов в данном воинском соединении. Для этого российское военное командование предприняло серию мероприятий, направленных на распространение толерантности среди военнослужащих Резервного корпуса.

Одной из главных проблем, которую предстояло решить российской администрации, была религиозная терпимость. Конфессиональный состав Резервного корпуса был очень пестрым: католики, униаты, православные, лютеране, а также небольшое количество мусульман из числа белорусских татар.

Российское командование не решилось на кардинальную реорганизацию религиозной системы в Резервном корпусе. Официально в «рос-

сийских» полках корпуса были только православные священники, а в «польских» — католические капелланы. Однако представители других религиозных учений имели полное право на посещение своих религиозных учреждений в Варшаве. Правда, посещать храмы рядовые солдаты могли только в сопровождении своих офицеров.

Командование Резервного корпуса всячески стремилось уважать религиозные традиции местного населения. Так, во время Страстной недели, когда в костелах прекращается колокольный звон, войскам было категорически запрещено использовать музыкальные инструменты в служебной деятельности. Во время католических гробов, для придания большей пышности этому обряду, в костелы отправлялись в качестве почетного караула отряды из Резервного корпуса (как из польских, так и из русских полков) [1, с. 134].

Для сохранения равновесия в межконфессиональных отношениях особое внимание уделялось уважению к похоронным обрядам. В случае смерти офицера Резервного корпуса, участвовать в траурной процессии в парадной форме обязаны были все офицеры, независимо от национальности и религии [3, с. 117].

Однако следует отметить, что православные праздники в войсках Резервного корпуса отмечались с показательной пышностью. Во время самых важных празднований от российских полков наряжался особый парад. В войсках были организованы хоры певчих. Так, в лейб-гвардии Литовском полку численность хора доходила до 50 человек [1, с. 134—135].

Немалой проблемой являлось и языковые различия. В руководящий состав Резервного корпуса входили как польские, так и российские генералы. Это вынуждало офицеров корпуса в совершенстве владеть, как русским, так и польским языками. Для облегчения исполнения службы все воинские уставы и распоряжения распространялись сразу на двух языках [1, с. 139]. Таким образом, несмотря на то, что Резервный корпус числился в составе российской армии, в повседневной службе в нем использовалось два официальных языка: русский и польский.

Однако главной причиной относительно терпимого отношения жителей Варшавы к российским войскам была отнюдь не политика Константина Павловича. В гвардейских частях служили представители самых влиятельных и богатых дворянских родов Российской империи. В

армии существовал неписанный кодекс поведения гвардейского офицера, согласно которому гвардейцы не должны были себе не в чем отказывать (дорогие апартаменты, продукты, одежда, только передние места в театрах и т.д.), показывая тем самым свою принадлежность к армейской элите [7, с. 277].

Офицеры варшавских гвардейских полков не были исключением из этого правила. Российские военнослужащие тратили огромные средства на предметы роскоши и увеселительные мероприятия, не жалея на это своих средств [8, с. 427]. Кроме того, гвардейские офицеры в Варшаве получали большее жалованье, так как служили за границей [1, с. 189]. Данную проблему наиболее полно иллюстрирует один из докладов Варшавской тайной полиции. В 1825 г. в Варшаве появились слухи, что российские гвардейские полки покинут пределы Королевства Польского и возвратятся в С.-Петербург. Местное население было крайне недовольно подобным поворотом событий, так как, по словам тайных агентов, прекратилось бы стабильное поступление серебряной монеты в экономику страны [9, л. 125]. Таким образом, экономические интересы заметно приглуляли чувство национальной вражды.

Тем не менее, все вышеперечисленное не могло решить главной межнациональной проблемы в войсках Резервного корпуса: различие польского и русского дворянского менталитета. Российские офицеры, родившие в стране, где статус крестьянина был фактически равен статусу раба, не привыкли уважительно относиться к людям низших сословий. Нападкам гвардейцев более всего подвергались евреи, женщины, а также держатели квартир, где жили офицеры. Об отношении российских офицеров к польским законам наиболее ярко говорят взаимоотношения с варшавской полицией. Если местные представители закона пытались навести порядок и пресечь бесчинства со стороны офицеров, то последние с оружием в руках нередко оказывали ожесточенное сопротивление [1, с. 196].

Немалую роль в межнациональных конфликтах играли и различия в национальных традициях. Так, подполковник М. С. Лунин любил прогуливаться по предместьям Варшавы в сопровождении дрессированного медведя и с оружием в руках. Поведение известного декабриста, который был католиком по вероисповеданию и имел хорошее образование, приводило в шок жителей польской столицы [10, с. 81].

Однако в конфликтах между военными и гражданскими лицами была вина и российской администрации. Хронической проблемой войск Резервного корпуса была задержка в получении жалования нижними чинами, причем как в польских, так и в российских полках. Так, нижние чины лейб-гвардии Литовского полка в 1828 г. 8 месяцев не получали жалования [1, с. 157]. Не имеющий денег солдат легко мог превратиться в грабителя. Поэтому бандитизм среди рядовых Резервного корпуса (всех национальностей) был распространенным явлением.

Таким образом, создание Резервного корпуса можно рассматривать как одно из мероприятий царских властей по консолидации польско-литвинской элиты с российской аристократией. Тем не менее, несмотря на все старания Константина Павловича и его администрации, стремление совместить в одном корпусе представителей нескольких враждебных народов привело лишь к их терпимому сосуществованию, но отнюдь не консолидации. Свертывание либеральной политики по решению «польского вопроса» в период правления Николая I резко обострило русско-польские отношения и привело к кровавым событиям 1830—1831 гг. Польские полки корпуса единодушно поддержали восставших. Многие офицеры, уроженцы западных губерний, дезертировали и также присоединились к восстанию. «Русские» полки корпуса приняли участие в борьбе с повстанцами. Идея совместной службы русского дворянина, польского пана и литвинского шляхтича за «Государя императора» потерпела провал.

Литература

1. Маркграфский А. История лейб-гвардии Литовского полка. Варшава: типография Варшавского жандармского округа, 1887. 606 с.
2. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб.: Военная тип. Главного Штаба е.и.в., 1828. 1008 с.
3. Крестовский В. История лейб-гвардии уланского его величества полка. СПб.: типография Второго Отделения собственной е.и.в. канцелярии. 354 с.

4. Луганин А. Опыт истории лейб-гвардии Волынского полка: в 2 т. Варшава: типография С. Оргельбранда сыновей, 1884. Т.1: 1817—1849. 438 с.

5. Национальный исторический архив Белауси. Ф. 333. Минская казенная палата. Оп. 6. Д. 9. Циркуляры и расписание инспекторского департамента главного штаба е.и.в. о распределении рекрут 91 набора; ведомость Минской казенной палаты о числе лиц, принятых в рекруты по 91 очередному набору; рекрутские списки вольных хлебопашцев Новогрудского уезда. 15 мая — 8 ноября 1827.

6. Абаза К. В. Краткая история 7-го Гренадерского самогитского генерал-адъютанта графа Тотлебена полка. 1788—1817—1833—1888 : Сост. для нижних чинов по распоряжению командира Гренадер. корпуса ген. от артиллерии Столыпина поручиком сего полка К. В. Абаза. М.: тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1888. 100 с.

7. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.

8. Колзаков К. П Воспоминания Колзакова. // Русская старина. 1873. № 4. С. 423—455.

9. AGAD. Z. 198. S. 30. Журнал исходящим бумагам по части Высшей Военной Полиции [с] 1825 года.

10. Елец Ю. Л. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка: в 2 т. СПб., 1890. Т. 1: История лейб-гвардии Гродненского полка. 444 с.

Ю. С. Литвинчук,
студентка магистратуры, исторический факультет,
Белорусский государственный университет (Минск)

ВОССТАНИЕ 1863—1864 гг. В РАБОТАХ ХУДОЖНИКОВ XIX в.

В данной статье рассматривается творчество художников XIX века, которые отражали в своих полотнах восстание 1863—1864 гг. В статье характеризуются работы художников, посвященные восстанию. Также в статье прослеживается манера исполнения и сюжеты, представленные в картинах, анализируется их историческая достоверность, показывается непосредственное участие художников в восстании 1863—1864 гг.

Ju. S. Litvinchuk
THE UPRISING OF 1863—1864 IN THE WORKS OF ARTISTS
OF THE 19th CENTURY

This article covers the art of 19th century artists, who reproduced 1863—1864 uprising in their works. There is an analysis of artists' works devoting to the uprising. It also covers execution and themes represented in these works, their historical authenticity and artists' direct participation in 1863—1864 uprising.

Исторические события Северо-Западных губерний Российской империи середины XIX века отражены во многих исторических источниках. Но особый интерес представляют изобразительные источники в виде картин. Произведения изобразительного искусства отражают оценку автором тех или иных исторических событий.

Восстание 1863 г. было отражено в работах таких художников, как И. Г. Горавский, Т. Айдукевич, М. Э. Андриолли, Я. А. Матейко, В. Элиаш-Радзиковский, Л. Бенедыктович и др. Среди художников, которые были свидетелями данных событий общественно-политической жизни, встречаются и повстанцы. Например, такие художники, как Э. Б. Павлович, А. И. Ромер, Л. Бенедыктович, М. Э. Андриолли являлись непосредственными участниками польского восстания.

Середина XIX в. — это тот период времени Российской империи, когда вопросы общественно-политической жизни не переставали волновать интеллигенцию. В итоге вопрос национальной независимости вылился в восстание 1863 г.

Целью восстания 1863 г., как известно, являлось восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года [1, с. 233]. Восстание было связано с социально-экономическими и общественно-политическими причинами развития Северо-Западных губерний Российской империи во второй половине XIX в.

Творчество художников, отразивших восстание 1863 г., это своего рода продолжение борьбы за независимость. Яркая характеристика исторического события на полотнах легко прочитывается зрителем лишь потому, что данное восстание еще являлось свежей раной в судьбе художников.

И. Г. Горавский, Т. Айдукевич, М. Э. Андриолли, Я. А. Матейко, В. Элиаш-Радзиковский, Л. Бенедыктович смогли прикоснуться к такому событию, как восстание 1863 г. и представить зрителю свое видение.

Среди работ, особый интерес для истории белорусской живописи представляет творчество Ипполита Гиляриевича Горавского, брата Аполлинария [2, с. 179]. И. Г. Горавский получил первоначальное художественное образование в Минской гимназии, где учился в 1840—1847 гг. В 1864 г. ему было присвоено звание классного художника. После мастер работал преподавателем в Минске, затем некоторое время жил в Санкт-Петербурге, как и Аполлинарий, помогал в собирательской деятельности П. М. Третьякову [2, с. 180]. Стоит отметить, что по манере исполнения работы И. Г. Горавского были близки к произведениям брата. [3, с. 167]. Однако в своих работах И. Г. Горавский выступает не только профессиональным живописцем, но является уже сторонником романтической образности в большей степени, чем брат [3, с. 168].

Одной из наиболее ярких работ И. Г. Горавского является картина «Ля крыжа. Смерць паўстанца» 1863 г. [3, с. 167]. На данном полотне изображен мертвый повстанец, лежащий рядом со своим конем. Изображенный крест и мертвый повстанец символизируют крах восстания 1863 г. Мастер пейзажа, И. Г. Горавский, очень проникновенно передал психологическую сложность данного сюжета. Перед зрителем представ-

лен не просто пейзаж, а готовый финал восстания на примере одного повстанца.

Художник Т. Айдукевич смог воплотить в своей работе «Сцена восстания 1863 г.» сюжет восстания 1863 г. На картине представлена группа повстанцев, сосредоточившихся в лесу. Вероятнее всего, данное полотно несет в себе кульминацию восстания. Часть повстанцев, представленная на картине, ранена, а остальные продолжают упорное сопротивление. Данная картина позволяет также увидеть образы повстанцев, элементы их одежды.

Большое значение имеет то, что к историческим событиям Северо-Западных губерний в исторической живописи обращались художники, которые не были белорусами. Среди таких художников большой вклад в развитие исторического жанра внес итальянец Михаил Эльвио Андриолли (1836—1893). Творчество этого большого мастера графики оказало существенное влияние на развитие исторического жанра в живописи Беларуси.

М. Э. Андриолли родился в семье итальянца, учителя рисования в Вильно. Первоначальное художественное образование он получил у отца. Затем поступил на медицинский факультет Московского университета. Но профессия медика не интересовала художника. В итоге он оставил университет и поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Успешно окончив его, в начале 1860-х годов М. Э. Андриолли отправился в Италию [2, с. 164].

Когда началось восстание 1863 г., художник вернулся на родину и принял в нем активное участие [2, с. 165]. Известно, что после восстания М. Э. Андриолли вернулся в Вильно, где занимался вербовкой новых добровольцев. 30 марта (12 апреля) он вывел из города новую группу (несколько десятков человек) и присоединился к отряду Людовика Нарбута [4, с. 31]. После поражения восстания М. Э. Андриолли был заключен в тюрьму, но вскоре бежал из заключения за границу. После он жил в Париже и Лондоне, где создал много графических листов и иллюстраций, в которых изобразил события 1863 г., происходившие на территории Северо-Западных губерний Российской империи.

Художник неоднократно вспоминал родную землю. В 1866 г. он вернулся на родину. Однако под Хотинем был схвачен царскими жандармами и сослан в Сибирь. В 1871 г. М. Э. Андриолли вернулся из

ссылки. Так как жить в Северо-Западном крае ему было запрещено, художник обосновался в Варшаве. Но в конце жизни художник вернулся на родину [2, с. 165].

В отношении творчества художника стоит сказать, что особый интерес представляют работы М. Э. Андриолли, посвященные восстанию 1863 г. Создание графических работ в середине 1860-х гг., отражающих исторические сюжеты, позволяет воссоздать картину борьбы повстанцев с царскими войсками. Впечатления от событий восстания 1863—1864 гг. были еще свежей раной. В Государственном художественном музее Литовской ССР хранится графический лист «Смерть Людовика Нарбута около Дубичей» (1864—1865 гг.). [4, с. 73]. В этом произведении достоверно показаны обстоятельства гибели руководителя повстанческих отрядов в Лидском уезде Гродненской губернии [2, с. 167]. Небольшой повстанческий отряд ведет бой с превосходящим по численности отрядом противника [2, с. 167]. В целом, композиция довольно хаотичная. Хаос, показанный в работе, подчеркивает неорганизованность восстания и несогласованность действий его руководителей. К тому же, следуя своим реалистическим принципам, художник правдиво изображает те силы, которые участвовали в восстании 1863 г. Наряду с мелкопоместной шляхтой здесь сражаются и белорусские крестьяне [2, с. 168].

Сопrotивление восставших царским войскам показано на фоне лесного пейзажа, а в центре изображен главный герой — Нарбут. На данном полотне можно увидеть, как повстанцы на руках уносят раненого Нарбута. Примечательно, что в данной работе достаточно хорошо прорисована одежда. Следует обратить внимание и на оружие, которое автор данной композиции не оставляет без внимания. Кроме детализированной характеристики, автор вкладывает глубокий смысл в свою работу. Он показывает не только смерть, но и отчаянное продолжение сопротивления.

Интересны также такие работы М. Э. Андриолли, как «Вылазка повстанцев» [2, с. 164], работы 1864 года — «Сераковский перед судом Муравьева» [4, с. 40], «Марш повстанцев» [4, с. 44], а также рисунок 1865 года — «Повстанец на коне» [4, с. 64].

Особый вклад в отображение событий восстания 1863—1864 гг. внес известный польский художник Я. А. Матейко. Его картина «Канонический образ восстания 1863 года» особенно привлекает внимание

зрителя. Польский художник передал свое видение и понимание восстания 1863—1864 гг. Созданная им композиция из группы людей вызывает неоднозначную трактовку исторического события.

К проблеме восстания 1863 года обращался и художник В. Элиаш-Радзиковский. Особый интерес представляют его проекты повстанческой униформы [4, с. 85—86]. Польский художник Л. Бенедыктович также писал полотна на тему восстания. Кроме того, он и сам принимал в нем участие.

В дальнейшем отражение восстания 1863—1864 гг. в работах художников XIX века повлияло на развитие исторической живописи Северо-Западных губерний Российской империи.

Литература

1. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі. (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш.; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. Мінск: Экаперспектыва, 2007. 519 с.; іл.

2. Дробов Л. Н. Живопись Белоруссии XIX — начала XX в. Минск: Вышэйшая школа, 1974. 332, [2], [8] л. цв. ил.

3. Лазука Б. А. Гісторыя беларускага мастацтва. Мінск: Беларусь, 2007. Т. 2: XVIII — пачатак XXI стагоддзя. 350, [1] с.

4. Матвейчык Дз. Ч. Паўстанне 1863—1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў. Мінск: Медысонт, 2013. 121 с.

В. В. Сергеенкова,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (Минск)
Е. Н. Балыкина,
старший преподаватель,
Белорусский государственный университет (Минск)

**ЭЛЕКТРОННОЕ УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ
«ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I»**

В статье характеризуются основные этапы разработки, создания и внедрения в учебный процесс электронных учебных изданий. Авторы подробно анализируют электронное учебное издание «Внутренняя политика Николая I». В статье представлена его структурно-логическая схема и отдельные составные части.

V. V. Sergeenkova, E. N. Balykina
ELECTRONIC TEXTBOOK «INTERNAL POLICY OF NICHOLAS I»

The article characterized the main stages of development, creation and introduction of a learning process of electronic textbooks. The authors detail assayed electronic textbook "Internal policy of Nicholas I». The article presents its structural logic and separate components.

В настоящее время в учебный процесс в вузе все активнее внедряются информационно-коммуникационные технологии, что позволяет совершенствовать методы преподавания. Безусловно, нельзя отбрасывать традиционные методы преподавания, основанные на постоянном контакте преподавателя и студента с использованием в процессе обучения информации на бумажном носителе. Однако без развития и применения электронных средств обучения невозможно в современном мире готовить специалистов с высшим университетским образованием, формировать их профессиональные компетенции.

На историческом факультете в качестве электронных средств обучения разрабатываются и внедряются в учебный процесс для обеспечения общепрофессиональных и специальных дисциплин электронные

учебно-методические комплекты, учебно-методические комплексы, моноцелевые и многоцелевые электронные учебные издания (ЭУИ), тесты в системе e-University, собственные локальные тестовые среды, элементы дистанционного обучения [1].

На историческом факультете университета активно используются в учебном процессе различные ЭУИ.

По межгосударственному стандарту ГОСТ 7.83-2001 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения», введенному в действие на территории Республики Беларусь постановлением Комитета по стандартизации, метрологии и сертификации при Совмине Республики Беларусь от 22.08.2002 г. № 37, учебное электронное издание — электронное издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, и рассчитанное на учащихся разного возраста и степени обучения.

Авторы статьи считают, что на историческом факультете применяются ЭУИ по наличию печатного эквивалента — самостоятельные электронные издания, по природе основной информации — мультимедийные, по целевому назначению — учебные электронные издания, по технологии распространения — локальные, по характеру взаимодействия пользователя и электронного издания — интерактивные, по периодичности — непериодические, по структуре — однотомные.

ЭУИ для изучения социально-гуманитарных дисциплин рассматривается как электронная обучающая система комплексного назначения, обеспечивающая непрерывность и полноту процесса обучения, дающая возможность в диалоговом режиме, как правило, самостоятельно освоить учебный курс или его раздел с помощью компьютерной оболочки, включающей в себя электронный контент. Многоцелевое ЭУИ строится по модульному принципу с открытой архитектурой и содержит три составляющих:

- 1) информационно-демонстрационную — служит для предъявления учебной информации в вербализованной и невербализованной формах; в форме мультимедиа в виде трехмерной динамичной графики, видео- и аудио, анимации; в форме виртуальной реальности;

2) практическую — предназначена для формирования профессиональных компетенций с помощью комплекса заданий репродуктивного характера и задач, ориентированных на получение субъективно нового для студента образовательного продукта;

3) диагностирующую — служит для определения достигнутого студентами уровня самостоятельной деятельности.

ЭУИ представляется совокупностью отдельных компьютерных учебных модулей с окаймляющими блоками входного и выходного тестирования уровней самостоятельной деятельности с целью определения индивидуальной траектории изучения содержания темы (раздела); а также модулем обучения пользованию компьютером с максимально дружелюбным для студента-гуманитария интерфейсом [2].

ЭУИ представлены и моноцелевыми и многоцелевыми электронными образовательными проектами (ЭОП) — издания, созданные в процессе совместной проектной деятельности преподавателей факультета и студентов, CD-дисками как приложение к изданным учебным пособиям.

В БГУ ведется работа по депонированию ЭУИ, что позволяет разместить их в электронной библиотеке университета. ЭУИ предназначаются для учебно-методического обеспечения общепрофессиональных и специальных дисциплин. Все это находится в тесной связи с системой менеджмента качества БГУ.

В практике работы преподавателей и студентов осуществляется совместная разработка и внедрение моноцелевых и многоцелевых ЭОП. Моноцелевые ЭОП, своего рода компьютерные слайд-фильмы (презентации) для сопровождения лекций на базе MS Power Point, создаются по определенным темам или по всему лекционному курсу. Предварительно разрабатывается подробная структура проекта в соответствии с типовой и рабочей программой. Только после этого презентация наполняется текстовой, иллюстративной и другой информацией. Примерами моноцелевых ЭОП являются работы, созданные на кафедре истории России: «Отмена крепостного права в России», «Общественно-политическое движение в России во второй половине XIX в. Народничество», «Украинские земли в XIX — начале XX в.», «Движение декабристов», «Крымская война», «Русско-японская война» и многие другие. По специальному курсу «Российские императоры (конец XVIII — начало XX в.)» создан полный комплект ЭОП, обеспечивающих сопровождение

всех лекций. Моноцелевые ЭОП содержат интересный иллюстративный материал, карты, портреты, глоссарий, персоналии исторических деятелей, имеют мультимедийное сопровождение.

Разработка многоцелевых ЭУИ осуществляется в творческом содружестве студентов, преподавателей-историков и преподавателя, специалиста в E-Learning и Web-дизайне. Это осуществляется в рамках междисциплинарного соединения дисциплин: «История России и Украины», «Основы информатики», «Историческая информатика». Основную содержательную часть проектов определяет преподаватель, который предоставляет студентам лекционный материал, практикум, тестовые задания и другие материалы. Безусловно, на этом контакт студентов и преподавателей не заканчивается. В процессе создания ЭУИ проходят совместные консультации, вносятся коррективы в содержательную часть, в электронное оформление проекта, во включенные в него тренинговые и контролирующие задания, в дизайн проекта и т.д.

Используемый проектный метод — это система обучения, в которой знания и умения студенты приобретают в процессе планирования и выполнения практических заданий проблемного характера (проектов). В основу образовательного проекта положена самостоятельная целенаправленная исследовательская деятельность студентов под руководством и при участии преподавателей. Проектное обучение является одним из способов развития компетенций в образовании. К настоящему времени проектное обучение стало признанной во всем мире методологией практико-ориентированной модели образования. Несмотря на то, что метод не является новым — ему без малого сто лет — он активно востребован в современном образовании, в том числе и электронном.

При разработке ЭУИ можно выделить несколько этапов: выработка концепции проекта (определение его целей и задач, требований и результатов); разработка его структурно-логической схемы, содержания и структуры; реализация проекта; завершение работы и апробация, внедрение в учебный процесс.

Первым этапом создания многоцелевого ЭУИ является выработка его концепции. На этом этапе формируется группа участников разработки проекта и определяется его тема. Тематика может формулироваться специалистами органов образования в рамках утвержденных программ. Чаще она выдвигается преподавателями с учетом учебной ситуации по

своей дисциплине, профессиональных приоритетов, интересов и способностей студентов. Тематика проектов может предлагаться и самими студентами. Таким образом, выбор темы ЭУИ может быть свободный, заданный, комбинированный. Тем самым достигается вполне естественная интеграция знаний.

После выбора темы ЭУИ осуществляется сбор исходных данных и анализ существующего уровня изучения темы. Затем определяются цель и задачи, результаты, основные требования, ограничения, критерии, ресурсы ЭУИ. Эта стадия предполагает активную творческую работу, использование различных ресурсов (учебники, учебно-методические пособия [3], монографии и статьи, опубликованные источники и материалы Internet-ресурсов).

Второй этап — это разработка ЭУИ. Эта фаза включает в себя выработку структурно-логической схемы проекта, его основных компонентов. Назначается координатор и формируется команда с определением функций и основных видов работы каждого участника проекта, уточняется мотивация и требования к авторам. На этом этапе осуществляется развитие концепции и структурное планирование: определение композиции и структуры проекта, плана действий, основных видов и форм работы, требуемых ресурсов, методов контроля, рисков, стандартов качества, конечного результата.

На третьем этапе — реализация ЭУИ — организовывается непосредственная работа группы авторов, вводится в действие система стимулирования, осуществляется выполнение конкретных заданий, функционирует четкая система контроля решения поставленных задач. Результат действий на этой стадии во многом зависит от тщательности продуманности концепции, от четкости поставленных цели и задач, от эффективности реализации разработанных и используемых методов работы, от слаженности работы группы авторов — студентов и преподавателей.

Последний, четвертый, этап предполагает завершение работы и выставление оценки студентам. Студенты должны предоставить готовый проект и сопроводительную документацию к нему.

Наиболее эффективной при создании многоцелевых ЭУИ является использование командной работы группы авторов-студентов (2—6 человек). Смысл командной работы состоит в возможности синергетического

эффекта от объединения групповых усилий, знаний и выработки групповых решений, т. е. в достижении «состояния, при котором целое больше, чем сумма его составных частей». Такая кооперация в работе группы значительно успешнее, чем конкуренция или односторонний монолог. Группа авторов должна характеризоваться достаточной степенью сплоченности, координацией действий, регулярным взаимодействием и наличием общей цели. При успешной работе все известные достоинства командной работы (объединение знаний и навыков, возможность учиться друг у друга, взаимная поддержка, определенная независимость и автономность) могут быть реализованы, что позволит студентам в большей степени развить социальные компетенции. Несомненно, преподаватель должен помнить и о недостатках, которые могут быть присущи команде. Это — групповое мышление, внутренние конфликты. Своевременные и грамотные вмешательства при признаках возможного появления этих проблем могут, с одной стороны, предотвратить негативные последствия, а с другой — продемонстрируют студентам ролевую модель эффективного управления деятельностью группы.

Разработка моноцелевых ЭУИ осуществляется, как правило, в течение двух — трех месяцев, а создание многоцелевых ЭУИ требует значительно большего времени — от шести месяцев до одного — двух лет.

Одним из многоцелевых ЭУИ является *e*-издание «Внутренняя политика Николая I».

Изучение внутренней политики Николая I до настоящего времени привлекает внимание исследователей. В советской исторической литературе сложилось устойчивое, но необъективное, представление о Николае I как об императоре, недостаточно образованном, грубом, не готовом управлять такой огромной страной, как Российская империя. Вся его внутренняя политика оценивалась исключительно как реакционная. Вместе с тем следует отметить, что внутренняя политика императора была значительно сложнее, она имела и положительные и отрицательные моменты. Деятельность Николая I, как главы государства, была направлена на решение важнейших проблем внутренней жизни страны: крестьянский вопрос, в том числе и отмена крепостного права; улучшение финансового положения страны, серьезно пошатнувшегося после наполеоновских войн; развитие образования и др.

Проблема внутренней политики занимает важное место в дисциплине «История России и Украины» (первая половина XIX в.). Преподавателями двух кафедр (истории России и источниковедения) совместно со студентами создано ЭУИ «Внутренняя политика Николая I».

ЭУИ раскрывает ход истории, характеризующий внутреннюю политику России с начала царствования императора Николая I с момента его вступления на престол в 1825 г. и до окончания царствования в 1855 г. Структурно логическая схема ЭУИ включает в себя такие элементы, как заставку, титульный экран, кадр введения и навигатор. Затем идет переход на основной текст — «Содержание» — и «Дополнительный материал». «Содержание» включает в себя 140 тематических слайдов по основным направлениям внутренней политики: «Самодержавие Николая I»; «Усиление репрессивных мероприятий», «Кодификация законов», «Укрепление сословных позиций дворянства», «Крестьянский вопрос», «Денежная реформа Е. Ф. Канкрин», «Политика в области просвещения и печати», «Персоналии». В разделе «Дополнительные материалы» содержатся: «Глоссарий», «Источники», «Тематика семинарского занятия», «Список источников и литературы», отдельно аудио- и видео- файлы (музыка, телепередачи, фрагменты художественных фильмов), иллюстративный (схемы, планы, гербы, портреты, старые и современные фотографии, картины и др. — 106 элементов) и текстовый (лекции, план семинара, персоналии) материал. ЭУИ имеет также тест, работающий в автономном режиме. В целом в ЭУИ имеются мультимедийные e-лекции (7; 140 слайдов) по внутренней политике Николая I, 23 персоналии виднейших государственных деятелей той эпохи, 29 анимированных схем, 9 таблиц, 2 аудио- и 4 видеофайлов.

В «Глоссарий» вошли 46 понятий, такие как, «Ассигнационный рубль», «Вольные хлебопашцы», «Генерал-адъютант», «Государственный совет», «Кодификация законов», «Либерализм», «Политический сыск», «Священный Синод». «Статский советник», «Титулярный советник», «Фендрик» и др.

В разделе «Источники» содержатся тексты документальных материалов, необходимых для работы на семинарских занятиях. В нем также имеется в режиме PDF первый том «Полного собрания законов Российской империи», что позволяет наглядно и глубоко изучить вопрос о кодификации законов.

Тест содержит 60 заданий четырех форм. Это: выбор правильного ответа, соотнесение двух множеств, установление хронологической последовательности, дополнение (вставить пропущенное слово — термин, понятие, фамилия; исторический портрет — определить, о ком идет речь).

Навигация по ЭУИ осуществляется с помощью управляющих кнопок и символов, а также гиперссылок.

ЭУИ может быть использовано в качестве самостоятельного учебного пособия для студентов, обучающихся по специальности «История», особенно заочной формы обучения. ЭУИ активно применяется на лекциях для их демонстрационной поддержки.

ЭУИ создано с целью углубленного изучения истории России периода правления Николая I. Можно выделить три задачи этого проекта: обучающая, развивающая и воспитательная. Обучающая задача предполагает изучение студентами внутренней политики Николая I. Развивающая задача направлена на развитие у студентов умения работы с фактологическим и иллюстративным материалом, приобретение навыков самостоятельной работы, а воспитательная — повысить заинтересованность в использовании инновационных средств в процессе обучения.

Проект предназначен для изложения учебного материала по истории России, формирования и развития навыков самостоятельной работы с персональным компьютером с целью совершенствования учебного процесса.

ЭУИ «Внутренняя политика Николая I» запускается двойным нажатием левой кнопки мыши по пиктограмме «Внутренняя политика Николая I.ppsx». После запуска ЭУИ появляется лист-заставка (слайд 1) с названием проекта.

На втором — титульном — слайде содержится информация об учреждении высшего образования, авторах проекта и др.

Далее необходимо перейти по гиперссылке на навигацию слайдов, которая позволяет изучить систему передвижения-перехода по проекту.

Управление при работе с ЭУИ осуществляется нажатием на необходимую кнопку или гиперссылку. Всего в ЭУИ имеется 8 кнопок, каждой из которых дается объяснение значения: возвращение к содержанию; предыдущий слайд; следующий слайд; возвращение к списку лекций; возвращение к персоналиям; возвращение к слайду, объединяющему

группу персоналий; последний показанный слайд; возвращение к навигатору. Имеется также значок, обозначающий подсказку для пользователя.

Пятый слайд ЭУИ — «Содержание», состоит из 7 разделов. Чтобы ознакомиться с любым из них, следует установить курсор на выбранный раздел и нажать левую кнопку мыши. Этот слайд позволяет составить представление об общем объеме и возможностях ЭУИ. При желании можно ознакомиться с глоссарием, текстом источника, примером теста, использованной литературой и источниками и вопросами семинарского занятия, щелкнув по соответствующему слову на слайде № 5. Для выхода из ЭУИ следует нажать Esc.

ЭУИ снабжено сопроводительной документацией, в которую входят аннотация, инструкция по установке, общая структурно-логическая схема, а также схемы рекомендуемого и возможного алгоритмов работы. ЭУИ в течение нескольких лет используется в учебном процессе на историческом факультете Белорусского государственного университета.

Создание ЭУИ осуществлялось в тесном взаимодействии преподавателей и студентов. Процесс совместной творческой работы, углубленное изучение источников и исследовательской литературы, а также личность самого преподавателя оказывают большое влияние на формирование профессиональных компетенций будущих историков с университетским образованием, а также компетенций гражданской ответственности и патриотизма. Разработка и использование в учебном процессе ЭУИ способствуют значительной оптимизации учебного процесса [4].

Литература

1. Сергеевкова В. В. Электронные средства обучения в вузе: практика и перспективы их использования на историческом факультете БГУ. // Совершенствование преподавания в современном вузе: теория, практика, анализ и оценка: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 1—2 ноября 2021 г., Минск / редкол. : О. Л. Жук (пред.) [и др.]; под общ. ред. В. В. Самохвала. Минск: Изд. Центр БГУ, 2012. С. 406—410.

2. Балыкина Е. Н. Управление самостоятельной работой студентов исторических специальностей с помощью электронного учебного издания. // Гісторыя і грамадазнаўства. 2013. № 2. С. 15—20.

3. История России и Украины (XIX — начало XX в.): пособие для студентов ист. фак. спец. 1-21 03 01 «История (по направлениям)». В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. О. А. Яновского, В. В. Сергеенковой. Минск: БГУ, 2008. 367 с.; Ч. 2. / Под ред. В. В. Сергеенковой, О. А. Яновского, В. И. Меньковского. Минск: БГУ, 2010. 535 с.; История России: Новое и Новейшее время. / Под общ. ред. О. А. Яновского. М.: Эксмо, 2010. 784 с. : ил. (Подарочные издания. Российская императорская библиотека); Кorteж российской власти. IX—XXI века: биогр. справ: В 3 ч. Ч. 1 / сост.: О. А. Яновский [и др.]. Минск: РИВШ, 2013. 400 с.

4. Балыкина Е. Н., Сергеенкова В. В. Разработка электронных образовательных проектов по истории как средство оптимизации учебного процесса. // Информационные ресурсы, технологии и модели реконструкции исторических процессов и явлений: материалы XII конф. Ассоциации «История и компьютер», Москва, 22—24 окт. 2010 г. / Москов. гос. ун-т; редкол.: Л. И. Бородкин [и др.]. М., 2010. С. 155—156.

Р. Ю. Урбанович,
студент, 4 курс, исторический факультет
Белорусский государственный университет (Минск)

**СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ
СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ XIX в.: СЛУЧАЙ
БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

В работе рассматриваются основные подходы к пониманию понятия этноса, а также возможности интерпретации данных статистических источников XIX в. для изучения этнической истории белорусско-литовского пограничья сообразно этим подходам. Автор приходит к выводу, что данные источники содержат информацию, которая позволяет увидеть лишь часть мозаики распространения культурных переменных, но не цельную структуру межэтнических отношений и этнических процессов.

R. Ju. Urbanovich
**THE STRATEGY OF INTERPRETATION OF DATA
OF THE STATISTICAL SOURCES IN THE STUDY OF ETHNIC
HISTORY OF BELARUS OF THE 19th CENTURY: THE CASE
OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN BORDERLAND**

This article considers the main approaches to understanding the concept of ethnicity, adopted in ethnological science, as well as the possibilities of interpreting statistical data sources of XIX c. to study the ethnic history of the Belarusian-Lithuanian border zone according to these approaches. The author comes to the conclusion that these sources contain information that allows us to see only part of the distribution of cultural variables in the region, but not the complete structure of inter-ethnic relations and processes.

В этнологической науке существует два основополагающих подхода к пониманию понятия «этнос»: примордиалистский и конструктивистский. Первый подход опирается на предположение о том, что этнос является объективной данностью органического характера, с неизменным на-

бором характеристик и особенностей. Характерной чертой такого подхода является представление об этносе как об особой форме организации существования людей, которая развивается естественно-историческим путем [1, с. 11]; с неизбежностью, такой подход ведет к гипостазированию самого понятия «этнос». Представители второго направления фиксируют внимание на изменчивости и субъективности этнических феноменов; основной акцент делается в первую очередь на их идентичностных аспектах. Считая «этнос» слишком условной категорией, сторонники этого подхода заменяют его использованием понятия «этничность», интерпретируя её в первую очередь как качество, а не как субстанцию [2]. Соответственно, первый подход предполагает возможность определения этнической принадлежности объекта исследования, условно говоря, «за» сам объект, т.е. вне зависимости от его (объекта) мнения. С другой стороны, конструктивисты акцентируют внимание на том, что содержание «этничности» составляют не столько реальные культурные различия, сколько «культурные границы» («маркеры»), конструируемые и поддерживаемые членами этнических групп. Не лишним тут будет упомянуть классика конструктивизма Ф. Барта, который считал, что этническая принадлежность определяется социально релевантными факторами, варьируемыми в зависимости от контекста каждого конкретного случая [3, с. 17].

В XIX в. в России стихийно доминировал примордиалистский подход. Соответственно, авторы статистических источников этого периода определяли этническую принадлежность региона исходя из своих представлений о критериях, эту принадлежность определяющих: конфессиональная принадлежность, родной язык и т. д. Нередко определяющим фактором являлось собственно представление переписчиков [4, с. 18]. Рассмотрим возможности интерпретации данных статистических источников об этническом составе населения белорусско-литовского пограничья в контексте этих двух подходов.

Первым статистическим источником, содержащим сведения об этническом составе рассматриваемого населения, является труд П. Кеппена, основанный на материалах VIII ревизии. Обозревая лишь количество «инородцев», Кеппен отмечает присутствие в Виленской губернии чуть более 138 тыс. литовцев (т. е. 17 %) [5, с. 38]. Нет никакой возможности верифицировать эти данные, но стоит заметить, что иссле-

дователь указывает на полное отсутствие литовского населения не только в тех регионах, где литовский язык фиксируется по другим источникам, но даже и там, где острова литовского языка сохранились и по сей день [6, р. 49].

В 1866—1867 гг. по указу упомянутого выше П. И. Кеппена была проведена перепись населения парафий всех европейских губерний России, при проведении которой определение этнической принадлежности населения было отдано на усмотрение священнослужителям. Впоследствии отдельные из них публиковали свои представления об этническом составе региона белорусско-литовского пограничья.

Так, М. Лебедкин обнаруживает, помимо Виленской губернии, где отмечается более 50 % литовского населения, более 200 тыс. литовцев в Гродненской, 64 тыс. — в Минской, а так же почти 40 тыс. — в Киевской и 11 тыс. в Волынской (!) губерниях. Вкупе с обнаруженными в Гродненской губернии 30 тысячами ятвягов [7, с.142—145], эти сведения представляются нам далекими от реальности и отражающими скорее представление отдельных духовных лиц об этнической принадлежности населения своих парафий. Не сильно отличаются от сведений М. Лебедкина данные других исследователей, работавших с той же информацией. Так, А. Корева насчитывает в Виленской губернии 46 % литовцев и 29 % русинов, которых она разделяет на «черноруссов», кривичей и белорусов [8, с. 321]. Р. Эркерт подает сходные сведения: 45 % литовцев, 21 % белорусов и 25 % поляков [9, с. I—III], к которым он, по своим соображениям, относит также и всех «католических белорусов» [10, с. 64]. Интересно, что М. Янжул, опираясь на те же сведения, приводит иные цифры: 23 % литовцев и 46 % белорусов [6, р. 89]. П. Гаучасом было высказано мнение о том, что подобный разброс может быть обусловлен зафиксированной у части белорусскоязычного населения памятью о «литовском» прошлом своих предков, по-разному интерпретированной исследователями [6, р. 56]. На наш взгляд, это, хоть и весьма интересное, допущение практически неподтверждаемое. На наш взгляд, подобную путаницу стоит объяснять, в первую очередь, отсутствием какой-либо устойчивой методологии определения этнической принадлежности [11, с. 84—85].

Кроме того, стоит вспомнить такой источник, как данные полковника генерального штаба А. Риттиха, который проводил подсчет жителей Европейской части России [12, с. 19]. Его статистические выкладки опи-

рались на собранные собственными силами сведения. Тем не менее, сведения, приводимые им, носят весьма противоречивый характер. В целом по Виленской губернии он насчитывает 45 % белорусов и 35 % литовцев, при этом указывая на отсутствие белорусского населения в Виленском и Трокском уездах [6, р. 90], в то время как другие исследователи отмечают присутствие белорусского языка там еще в XVI в. [13, с. 62].

В целом, можно сказать о том, что большая часть статистических источников, датированных второй третью XIX в., содержит весьма противоречивые сведения, что можно объяснять разными подходами исследователей к интерпретаций в принципе одних и тех же сведений о культурной и этнической картине региона в рассматриваемый период. В частности, на имеющиеся результаты могли повлиять как сходный культурный ландшафт литовско- и белорусскоязычного населения [14, с. 133], так и широко распространенное в регионе в тот период двуязычие [6, р. 58].

Куда более ценным и подробным источником является Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [15]. При проведении переписи в качестве этноопределяющего критерия был взят родной язык [4, с. 19], сообразно бытовавшим тогда представлениям. Согласно данным переписи, практически на всей территории белорусско-литовского пограничья (за исключением Трокского и Новоалександровского уездов). Возникает вопрос: как можно соотнести эту информацию с данными более ранних источников, отмечающих более значительное литовское присутствие, и, что ещё интереснее, с данными последующих польских переписей, согласно которым основную массу населения региона составляли поляки [16, с. 31]. С точки зрения примордиалистского подхода, подобные изменения можно объяснить в первую очередь сознательным искажением данных источников, либо, какой-то резкой миграцией значительных групп людей. С другой стороны, с конструктивистских позиций, которые в целом предполагают возможность трансформаций этнической идентичности [3, с. 28], подобные изменения объясняются несколькими причинами: тут и явная нерелевантность фактора родного языка для определения этнической принадлежности в контексте белорусско-литовского пограничья в XIX в. (по крайней мере между поляками и белорусами), и процессы славянизации литовскоязычного населения и распространения польской этнической идентичности. Следует осо-

бо отметить важность конфессионального фактора в процессах формирования этнической идентичности: нет оснований полагать, что в конце XIX — начале XX в. Этот фактор был для местного белорусскоязычного населения менее значим, чем родной язык [17, с. 80]. На наш взгляд, наиболее иллюстративным примером тут будет следующий случай. Так, деятель Гродненской ячейки ППС Бронислав Шушкевич вспоминает в своих мемуарах, что население окрестностей Гродно отвечало на попытки убедить их в принадлежности к белорусскому народу: «То, что мы говорим по-белорусски, не значит что мы белорусы, ведь и гродненский губернатор со своими родными дома говорит по-французски, но это не значит, что он француз» [18, с. 286].

В целом, что касается процессов смены этнических идентичностей в регионе, то они достаточно подробно описаны исследователями в более поздний период. Наиболее полно в историографии освящен аспект перехода литовскоязычного населения на белорусский язык, сопряженный, как правило, с приобретением польской этнической идентичности. Эти процессы детально описаны на примере потомков литовскоязычного населения Виленщины межвоенного периода [19, с. 165] и Гродненского района в 70-е гг. XX в. [20, с. 42]; помимо этого существует ряд более общих исследований. Основными факторами подобных трансформаций исследователи считают разность социальной престижности тех или иных языков. Показательно о литовском языке сказал уже в XX в. респондент М. Ю., один из последних автохтонных носителей литовского языка в Гродненском районе: «cia šitoj kalba nekur neina» («тут с этим языком никуда не уйдешь») [21, р. 55]. Также значимо и влияние фактора смешанных семей [13, с. 65]. Безусловно, сходные процессы происходили и в более ранний период, что подтверждается анализом источников самого широкого спектра: статистических, этнографических, данных топо- и гидро- и антропологии, мемуаристики, костельных метрик, лингвистики и т.д. и т.п. [13, с. 35—95].

Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что на территории белорусско-литовского пограничья формирование стабильных этнических идентичностей происходило сравнительно поздно [4, с. 97]. К примеру, польская перепись фиксирует в Ошмянском уезде значительное количество «тутэйших» в 1919 г.; логично предположить, что в XIX в. сходный способ идентификации был еще более распространен. К сожалению, та-

кая идентичность не находит никакого отражения в статистических источниках рассматриваемого периода. Подобная информация могла бы пролить свет на процессы формирования этнических идентичностей и национального сознания, равно как на специфику этнических процессов.

Обобщая, можно сказать, что применение примордиалистского подхода к интерпретации данных статистических источников не дает возможности в полной мере отразить всю специфику этнических процессов в регионе. Следует сделать вывод, что данные этих источников стоит использовать с долей осторожности. В них можно видеть в первую очередь подборку сведений этнографического характера. Эти сведения отражают не столько полноценную этническую картину, сколько часть мозаики распределения тех или иных культурных переменных. Сами по себе они не определяют этнической принадлежности их носителей, поскольку систематизация культурных различий в отдельные этнические статусы является сложным и нелинейным процессом, во многом зависящим от политического, идеологического и социального контекста [22, с. 103].

Литература

1. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 333 с.

2. Хабенская Е. О. Этническая идентичность: подходы к проблеме. // Lib. Ru: Сервер «Заграница» [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml (дата обращения: 27.10.2013).

3. Барт Ф. Введение. // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. Сб. ст. / под. ред. Ф. Барта, пер. с англ. И. Пильщикова. М., 2006. С. 9—48.

4. Терешкович П. В. Этническая история Беларуси XIX — начала XX в. Минск: БГУ, 2004. 223 с.

5. Кеппен П. Об этнографической карте европейской России. 2-е изд. СПб., 1853. 40 с.

6. Gaučas P. Lietuvių-gudų kalbų paribio etnolingvistinė situacija 1795—1914 m. // Lietuvos rytai / Sudarė K. Garšva ir L. Grumadienė. Vilnius, 1993. P. 42—100.

7. Лебедкин М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи. // Записки Русского географического общества. СПб., 1861. Кн. III. С. 131—160.
8. Корева А. Виленская губерния. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1861. 820 с.
9. Эркерт Р. Ф. Этнографический атлас западно-русских губерний и соседних областей. СПб.: Лит. инст. Винкельмана и сын, 1863. 29 с.
10. Эркерт Р. Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России (с атласом). СПб.: В тип. Дома Призрения Малолетних Бедных, 1864. 72 с.
11. Кабузан В. И. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 84—85.
12. Риттих А. Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. СПб.: А. А. Ильин, 1875. 364 с.
13. Внуковіч Ю. І. Літоўцы Беларусі: этналагічнае даследванне. Мінск: Беларуская навука, 2010. 170 с.
14. Вольтер Э. Об изучении литовского языка и племени. // Памятная книжка Виленской губернии на 1887 г. Вильна, 1886. С. 123—133.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.: Т. 4: Виленская губерния, Тетрадь III / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. 105 с.
16. Romer E. Spis ludności na terenach administrowanych przez zarząd cywilny ziem wschodnich (grudzień 1919). / Prace geograficzne, wydawane przez Eugeniusza Romera. Zeszyt VII. Lwów-Warszawa : Wydane zasiłkiem zarządu ziem wschodnich, 1920. 48 s.
17. Шимов В. Виленский край: этноконфессиональная проблема. // Беларуская думка. 2001. № 1. С. 72—81.
18. Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: история Гродненщины XIX—XX ст. в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии). Гродно: ГрГУ, 2003. 420 с.
18. Турска Г. О происхождении польскоязычных ареалов в Вильнюсском крае. О powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. Вильнюс: Mintis, 1995. 276 с.
19. Чекман В. Н. Деревня Озерки — язык и люди. Польские говоры в СССР. Ч. 2. (исследования и материалы 1969—1971 гг.) / АН БССР, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. Минск, 1973. С. 40—72.

20. Garšva K. Pervalko-Azierkų lietuvių šnektos. // Žmogus kalbos erdvėje. 2005. № 4. С. 54—59.

21. Блум Я-П. Этническая и культурная дифференциация. // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. Сб. ст. / Под. ред. Ф. Барта, пер. с англ. И. Пильщикова. М., 2006. С. 91—103.

А. А. Загорнов,
кандидат исторических наук, доцент,
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (г. Брест)

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВВЕДЕНИЯ СУДА
ПРИСЯЖНЫХ НА БЕЛОРУССКОЙ ТЕРРИТОРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В статье рассмотрена проблема организации суда присяжных в Беларуси во второй половине XIX века. Охарактеризовано правовое закрепление учреждения нового судебного института, обеспечивающего участие населения в осуществлении правосудия. Определены законодательные основы формирования состава присяжных заседателей и особенности данного процесса на белорусской территории. Сделан вывод о роли суда присяжных в реформе уголовной юстиции Российской империи.

A. A. Zagornov
**THE LEGISLATIVE PROVISION OF JURY TRIALS
ON THE BELARUSIAN TERRITORY IN THE SECOND HALF
OF THE 19th CENTURY**

The problem of the organization of jury trials in Belarus in the second half of the XIX century is discussed in the article. Legal consolidation of institutions of a new judicial institution that ensures the participation of the population in realization of justice is characterized. Legislative bases of formation of the jury trials and features of the process are determined on the Belarusian territory. It is concluded about the role of the jury trial in criminal justice reform of the Russian Empire.

Судебные уставы, принятые 20 ноября 1864 г., создали в Российской империи новую судебную систему, соответствующую уже капиталистическим условиям развития. Одним из важнейших звеньев этой системы, наряду с мировым судом, трансформированной прокуратурой и появившейся адвокатурой, стал суд присяжных.

Появившись в Англии, суд присяжных в странах континентальной Европы стал распространяться после Французской революции 1789 г. и последовавших за ней наполеоновских войн.

Модель присяжных, которую взяли за основу разработчики судебной реформы 1864 г., опиралась на континентальную систему.

Институт присяжных заседателей для пространства империи, в том числе и белорусской ее составляющей, был совершенно новым явлением. Он обеспечивал участие населения в отправлении правосудия и таким образом повышал общественное доверие к судебным решениям.

Один из судебных уставов — «Учреждение судебных установлений» — среди вопросов организации деятельности новых судебных органов важное место отводил суду присяжных (Раздел 2, глава 2, ст. 81—109) [1, с. 40—44]. Выборные присяжные заседатели вводились на уровне окружных судов.

Данный институт вводился в уголовный процесс для определения вины подсудимых и служил дополнительным средством обеспечения непредвзятости судебного решения.

Сама скамья присяжных состояла из 12 действительных и двух запасных заседателей [1, с. 184]. Присяжные заседатели избирались из местного населения вне зависимости от сословной принадлежности. Предусматривались следующие условия, необходимые для избрания: русское подданство; возраст от 25 до 70 лет; ценз оседлости (проживание не менее двух лет в том уезде, где избирается); служебный ценз (в списки вносились все лица, состоящие на государственной службе и занимающие должности пятого и ниже классов, избранные в органы городского, дворянского, волостного, сельского управления); имущественный ценз (жалованье по службе, вознаграждение за труд или доход от капитала, занятие ремеслом или промыслами (в столицах — не менее 500 руб. в год, в других местах — не менее 200 рублей в год)) [1, с. 41].

Конечно, порядок комплектования состава присяжных заседателей обеспечивал преобладание среди них привилегированных сословий и ограничивал доступ неимущих слоев населения. Однако он обеспечивал возможность участия для хозяйственных и предприимчивых представителей городского и сельского населения. Практика показала, что присяжными заседателями часто были именно крестьяне.

При подборе кандидатов к избранию присяжным заседателем законодатель делал акцент на то, чтобы он пользовался доверием, был «благонамеренным гражданином» [1, с. 91]. В присяжные заседатели не допускались лица, «состоящие под судом и следствием»; «подвергшиеся заключению в тюрьме или более строгому наказанию»; состоявшие под судом за серьезные преступления и не получившие оправдания; уволенные со службы в судебном порядке; исключенные из духовного звания за пороки; несостоятельные должники и расточители; невменяемые; не знающие русского языка [1, с. 41].

Обращает на себя внимание, что определенное вероисповедание законом не регламентировалось. Даже на более важные должности, например, судей, судебных приставов, адвокатов, законодательством была предусмотрена возможность занятия их лицами не православной веры с обязательной присягой в соответствии с правилами их вероисповедания [1, с. 91].

Для избрания присяжных заседателей составлялись общие и очередные списки. Поручено это было особым комиссиям во главе с губернским предводителем дворянства. В их состав входили уездные предводители дворянства, городские головы, мировые судьи [1, с. 42—43].

Составленные комиссиями общие списки присяжных заседателей передавались губернатору для проверки благонадежности присяжных и утверждения. Губернатор имел право сокращать число избранных на $1/3$ и даже $1/2$, мог вычеркнуть любую кандидатуру с обоснованием причин. Затем на основании общих списков, публикуемых в местных ведомостях, уже составлялись очередные списки. В них включались те лица, которые в наступающем году должны были привлекаться к участию в заседаниях окружного суда [1, с. 42—43]. За три недели до судебного заседания председатель суда по жребию отбирал 30 очередных и 6 запасных заседателей [1, с. 174]. К открытию заседания суда должно было быть налицо не менее 30 присяжных заседателей. Список присяжных заседателей представлялся прокурору или частному обвинителю, а затем подсудимому. Подсудимый имел право отвести до 12 присяжных заседателей, а прокурор и частный обвинитель — не более 6. Из числа не отведенных для участия в процессе путем жеребьевки избиралось 12 комплектных и 2 запасных присяжных заседателя. Затем они приводились к присяге.

Присяжные заседатели из своей среды избирали старшину из числа грамотных лиц для руководства их совещаниями [1, с. 184—185].

Исполнение должности присяжного заседателя являлось обязанностью, и за уклонение от нее предусматривался штраф и лишение права избирать и быть избранным на должность, требующую общественного доверия.

Целиком судебные уставы были введены на белорусской территории почти через 13 после их официального провозглашения.

19 июня 1877 г. император Александр II утвердил мнение Государственного Совета о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г. в полном объеме в 9 западных губерниях, к которым относилась и белорусская территория. Закон был обнародован в августе. В нем говорилось и о суде присяжных, формирование состава которого на данной территории регулировалось с отступлением от общих правил.

Состав временных комиссии по каждому уезду при отсутствии земских учреждений формировался особым образом: в него входили уездный предводитель дворянства, все местные мировые судьи, мировые посредники, уездный исправник и полицмейстер [2, с. 2].

Важно отметить, что и проверка списков присяжных заседателей, составленных уездными комиссиями, отличалась от порядка, закрепленного ст. 94—96 «Учреждения судебных установлений». Так, например, губернская комиссия, в состав которой входили, помимо губернатора, губернский предводитель дворянства, председатели местных окружного суда и съезда мировых судей, прокурор окружного суда, имела право исключать из списков кандидатуры без указания причин (указание причин требовалось по ст. 94). Более того, постановления комиссии по исключению из общих списков присяжных заседателей не подлежали обжалованию, что в свою очередь противоречило ст. 95—96 «Учреждения судебных установлений» [2, с. 2].

Следующим, отличительным от общего порядка, был вопрос о количестве евреев, вносимых в список присяжных заседателей, что вообще не было отражено в главе 2 «О присяжных заседателях» «Учреждения судебных установлений». Так, отмечалось, что при составлении очередных и запасных списков присяжных заседателей необходимо было соблюдать, чтобы число евреев, вносимых в эти списки, «соответствовало

процентному отношению общего числа их в каждом уезде к численности всего населения уезда» [2, с. 2].

Старшина присяжных заседателей обязательно должен был избираться из «лиц христианских исповеданий» [2, с. 3].

Суд присяжных был краеугольным камнем реформы уголовной юстиции Российской империи. Само участие присяжных заседателей уже предполагало демократическую процедуру судебного разбирательства и противоречило обвинительному уклону в сфере уголовного судопроизводства.

Этот институт стимулировал состязательность процесса, совершенствовал создание доказательной базы, повышал профессиональный уровень юристов, положительно влиял на рост правового сознания населения.

Однако следует отметить, что данный институт, основанный на широком вовлечении представителей общества в одну из сфер государственной деятельности — отправлении правосудия, начал действовать при отсутствии в империи представительных учреждений.

Литература

1. Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. 496 с.

2. Певзнер Б. В. Сборник узаконений и решений Сената по введению Судебной реформы в Западном крае. Житомир, 1880. 351 с.

Д. С. Лавринович,
доктор исторических наук, доцент,
Могилевский государственный университет
им. А. А. Кулешова (Могилев)

**БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ИЗМЕНЕНИЕ ВЫБОРНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ И
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(1906—1911 гг.)**

В статье исследуется стратегия и тактика политических партий и общественных организаций, действовавших на территории Беларуси в начале XX века. Автор анализирует их программные требования, выявляет своеобразие, касавшееся, главным образом, национального вопроса. В связи с противостоянием «Союза 17 октября» и умеренных деятелей правого лагеря польскому, еврейскому и другим национальным движениям рассматривается борьба вокруг системы выборов в законодательные палаты Российской империи. Октябристам и их союзникам удалось добиться изменения избирательного закона в Государственную думу, что позволило им увеличить количество депутатов-монархистов в нижней палате. В отличие от кадетов и их сторонников, местные октябристы поддерживали политику правительства П. А. Столыпина; вместе с другими монархистами им удалось увеличить представительство от православного населения западных окраин в Государственном совете и отстоять законопроект о введении выборных, на основе национальных курий, земств в Витебской, Минской и Могилевской губерниях.

D. S. Lavrinovich
**THE STRUGGLE OF POLITICAL PARTIES AND PUBLIC
ORGANIZATIONS TO CHANGE THE ELECTION LAW
IN THE STATE DUMA AND THE COUNCIL OF STATE
ON THE TERRITORY OF BELARUS (1906—1911)**

The article deals with the strategy and tactics of political parties and public organizations operating on the territory of Belarus in the early twentieth

century. The author analyzes their programmatic requirements, particularizes the originality, which, mainly, to the national question. In connection with the opposition of the «Union of 17 October» and moderate leaders of the right-wing camp to Polish, Jewish and other national movements the author examines the struggle over the system of election to the legislative chamber of Russian Empire. The Octobrists and their allies succeeded in changing the electoral law to the State Duma, which allowed them to increase the number of deputies of the monarchists in the Lower chamber. Unlike the cadets and their supporters, local Octobrists supported the policy of P. A. Stolypin government; and together with other monarchists they managed to increase the representation of the Orthodox population of the Western outskirts in the State Council and approve the bill of introduction the elective bodies on the basis of national curias, zemstvos in Vitebsk, Minsk and Mogilev provinces.

Задачей статьи является исследование деятельности политических партий и общественных объединений Северо-Западного края по одному из важнейших вопросов общественно-политической жизни Российской империи — выборам законодательных палат. На протяжении пяти лет местные праволиберальные и монархические организации боролись за отдельное представительство в Государственной думе и Государственном совете для русского (в том числе белорусского православного) населения. Без изучения данного сюжета исследование истории становления и функционирования законодательных органов Российской империи, а также общественно-политической жизни на территории Беларуси начала XX века нельзя считать полным.

Начало борьбе за изменение условий выборов членов Государственной думы было положено на съезде «Союза 17 октября» 8—12 февраля 1906 г. в Москве. На нем разгорелся принципиальный спор между большинством съезда и делегатами от западных губерний по вопросу о системе выборов в Государственную думу. Окраинная комиссия, в которой преобладали представители от Северо-Западного края, Польши и Прибалтики, предложила добиваться немедленного введения на западных окраинах Российской империи системы выборов по национальным куриям, в том числе создания отдельной курии для русского (православного) населения. В резолюции секции говорилось: «...в интересах русской государственности и высшей справедливости ввести на окраинах принцип

пропорционального избрания выборщиков и депутатов в Государственную думу по национальностям, предоставив право избрания, по крайней мере, одного русского члена Государственной Думы от каждой окраинной губернии...» [1, с. 157]. Лидер виленских октябристов Н. Ю. Мадон говорил: «Мы требуем только равноправия, а не каких-либо особых привилегий. В силу простой справедливости нам должно быть предоставлено право иметь своего представителя в Государственной Думе» [1, с. 141].

Против этого выступили левые октябристы, а также умеренные делегаты, опасавшиеся, что требование отдельного представительства для русского населения вызовет ответные требования других народов. Мнение большинства съезда выразил А. И. Гучков, сказав: «Требования о представительстве русского населения окраин имеют свои основания, как принцип представительства меньшинства. Но этот принцип не может быть осуществлен для одного лишь русского населения уже в силу признания нами равноправия всех народностей» [1, с. 140]. Также лидер октябристов опасался, что предложение изменения избирательного закона отсрочит созыв Государственной думы.

Уже через неделю после закрытия съезда Виленский отдел «Союза 17 октября» решился нарушить партийную дисциплину, возбудив через местного генерал-губернатора ходатайство о посылке в Государственную думу особого депутата от русского населения г. Вильно [2, л. 1]. Инициативу октябристов поддержало и «Северо-Западное Русское Вече» (СЗРВ), краевая монархическая организация, возникшая на рубеже 1905—1906 гг.

20 февраля 1906 г. в Вильно состоялся съезд оппозиционных ЦК «Союза 17 октября» представителей окраинных отделов Вильно, Минска, Варшавы, Риги и Юрьева, а также СЗРВ. Собравшиеся в Вильно монархисты решили послать делегацию к Николаю II для преподнесения адреса с ходатайством о предоставлении русскому населению края права выбирать отдельных представителей в Государственную думу. Также делегаты решили образовать окраинный союз, в который смогли бы войти на правах автономии все русские краевые организации [3].

2 марта председателю Совета министров С. Ю. Витте была представлена записка с требованием дополнения избирательного закона от 11 декабря 1905 г. В записке доказывалось: «Окраины России, заклю-

чающие в своем составе сплоченные иноплеменные группы, среди которых русское население оказывается нередко в меньшинстве, представляют столько особенностей, что однообразное распространение на них выборного закона является совершенно неприменимым без нарушения, как требований простой справедливости, так и общегосударственных интересов». По мнению авторов записки, полное устранение русского окраинного населения от участия в работе законодательных палат являлось не только совершенно несправедливым нарушением его законных прав, но и представляло опасность с общероссийской точки зрения, т.к. только русские (православные) всегда выступали в качестве примиряющей стороны в межнациональных конфликтах [4, л. 10—11].

3 марта минские октябристы направили на имя министра внутренних дел П. Н. Дурново письмо с просьбой возбудить ходатайство перед императором о разделении избирателей Минской губернии на национальные курии при выборах Государственной думы [4, л. 14—15].

9 марта 1906 г. Николай II принял делегацию от «русских людей из западных окраин», которая вручила ему челобитную с требованием системы выборов по национальным куриям. По распоряжению царя челобитная была передана на рассмотрение Особого совещания под руководством председателя Госсовета Д. М. Сольского. Совещание, в принципе одоблив основные идеи, содержащиеся в челобитной, постановило, однако, что менять избирательный закон накануне открытия Государственной думы поздно.

С началом избирательной кампании во II Государственную думу осенью 1906 г. октябристы активизировали работу по созданию особой русской окраинной партии. 7—9 октября 1906 г. в Вильно по инициативе «Северо-Западного Русского Веча» состоялся «съезд русских людей западных окраин», на который съехались монархисты из Минска, Витебска, Гродно, Ковно, Варшавы и Прибалтийского края. Собравшиеся постановили возбудить новое ходатайство перед правительством о дополнении избирательного закона: «Для этого закон изменять не зачем. Пусть только население на окраинах будет разделено на курии; и от русских, поляков и евреев будут представители пропорционально их количеству, при чем, конечно, от каждого города или губернии должен быть русский, хотя бы среди населения было русских и менее 250 тыс. выбирающих» [5, с. 548]. Для передачи ходатайства в очередной раз была избрана депу-

тация. Председатель Совета министров П. А. Столыпин внимательно отнесся к ходатайству и пообещал в будущем добиться от Николая II дарования западным окраинам дополнительного представительства от русского населения [6, с. 658].

В конечном итоге кампания, начатая октябристам и их сторонниками, по «защите» интересов «русского» населения Северо-Западного края принесла им политические дивиденды. После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. Николай II изменил правила выборов. По новому избирательному закону в Минской губернии помещики выбирали 51,9 % выборщиков на губернское избирательное собрание, в Могилевской — 51,2 %, в Виленской — 48 %, Витебской — 45,3 %, Гродненской — 41,1 %. По распоряжению МВД съезды землевладельцев в Гродненской, Минской, Могилевской губерниях и 7 уездах Витебской губернии были разделены на два отдела по национальной принадлежности: к первому отделу были отнесены все не поляки (русские, православные белорусы, немцы, татары и другие), ко второму — поляки, к которым причислялись и белорусы-католики. В Виленской губернии была создана особая «русская» курия.

После издания закона 3 июня 1907 г., главной целью октябристов, РОС и других монархических партий западных губерний стало изменение системы выборов в Государственный совет. Выборы членов верхней палаты от губерний Северо-Западного края по закону 1906 г. производились на съездах землевладельцев. Поскольку на территории Беларуси наиболее сплоченной и экономически влиятельной группой помещиков было дворянство римско-католического вероисповедания, именно его представители и избирались в верхнюю законодательную палату, что вызывало недовольство со стороны октябристов и стоявших правее монархических партий и организаций, видевших в этом ущемление интересов православного большинства населения региона.

Уже в августе 1907 г. Витебский отдел «Союза 17 октября» выступил с идеей отдельного избрания русских членов верхней палаты. Затем с подобным же почином выступил Минский отдел Русского окраинного общества, который также потребовал разделения на национальные курии (русскую, польскую и еврейскую) и на выборах органов городского самоуправления [7, с. 15—16]. Один из руководителей РОО, член Государственного совета Д. И. Пихно написал записку на имя Николая II об ор-

ганизации выборов членов Госсовета на основе пропорционального представительства от русских (православных) и польских (католиков) землевладельцев в Северо-Западном и Юго-Западном краях. Записку подписали 32 члена Государственного совета [8, с. 2].

В марте 1909 г. в Санкт-Петербурге в клубе умеренно-правых общественных деятелей (позднее Всероссийский национальный клуб, — Д. Л.) состоялось совещание по данному вопросу, собранное по инициативе Д. И. Пихно и себежского уездного предводителя дворянства Я. Н. Офросимова. Последний составил особую записку, в которой на основании цифровых данных пытался доказать несостоятельность избирательного закона в Государственный совет, т.к. по нему от Северо-Западного края в верхнюю палату проходили преимущественно помещики римско-католического вероисповедания [9]. Собрание постановило учредить в Санкт-Петербурге Союз русских общественных деятелей западных губерний для обсуждения мер к изменению избирательного закона о выборах в Государственный совет [10, с. 96].

В апреле того же года соответствующий законопроект был внесен в Государственную думу. Тогда же во Всероссийском национальном клубе состоялась встреча представителей губерний Северо-Западного края с правыми и консервативными депутатами нижней палаты. На собрании председательствовал виленский православный архиепископ Никандр. Было решено составить на местах петиции о том, чтобы законопроект об изменении выборов в Государственный совет был рассмотрен в законодательных учреждениях в текущую сессию. Собравшиеся указали на необходимость введения в верхнюю палату хотя бы по одному русскому представителю от каждой западной губернии. Также правые и консерваторы постановили, чтобы от каждой губернии было избрано по три — четыре уполномоченных от русского населения, готовых по первому призыву прибыть в Санкт-Петербург для дальнейших ходатайств по возбужденному вопросу [10, с. 100].

26 апреля 1909 г. уполномоченные от Северо-Западного края прибыли в столицу. Делегация состояла наполовину из духовных лиц: виленского архиепископа Никандра, гродненского епископа Михаила, настоятеля гродненского кафедрального собора протоирея Д. Корчинского, минского епархиального наблюдателя священника Д. Павского, трех священников из Ковенской и Виленской епархий. Светскими уполномо-

ченными от Витебской губернии были националисты Я. Н. Офросимов, барон А. Ф. Розен, октябристы А. Е. Жуковский и В. К. Стукалич [10, с. 110], от Минской губернии в состав делегации входили два генерал-лейтенанта — Н. А. Кованько и С. Н. Мезенцев, П. М. Якимович [11]. Делегаты имели полномочия на выражение Николаю II верноподданнических чувств, благодарности за изменение 3 июня 1907 г. избирательного закона в Государственную думу и передачу ходатайства об изменении порядка выборов в Государственный совет [10, с. 110]. В Санкт-Петербурге к ним присоединились депутаты-монархисты III Думы от Северо-Западного края. На собраниях во Всероссийском национальном клубе были выработаны тексты петиции к Николаю II и речи архиепископа Никандра, который должен был от лица делегации обратиться к императору. В их редактировании принимал участие известный консервативный публицист М. О. Меньшиков [10, с. 114]. Там же был составлен окончательный список делегатов, включивший в себя, кроме губернских уполномоченных, также депутатов Государственной думы.

1 мая 1909 г. националисты получили разрешение на аудиенцию и на следующий день, после молебна в Казанском соборе, делегация выехала в Царское Село. Депутат III Государственной думы священник Ф. И. Никонович, участник представления царю, описал прием в своем дневнике. Аудиенция состоялась в комнате-библиотеке, расположенной рядом с кабинетом Николая II. Делегатов расставили по губерниям квадратом вдоль стен. Всего присутствовало 37 человек. В половине третьего пополудни к ним вышел император. Архиепископ Никандр обратился к нему с речью, а затем преподнес особую петицию от имени депутации. Обойдя уполномоченных и членов Государственной думы, Николай II получил благословение у епископов, обменявшись с каждым из них несколькими словами, причем более продолжительный разговор состоялся с Никандром. В заключение царь поблагодарил делегацию и русское население Северо-Западного края за выражение верноподданнических чувств и пообещал, что «справедливое желание русского представительства в Государственном совете будет удовлетворено в полной мере» [10, с. 118].

В результате принятых мер, в июне 1909 г. был издан закон об избрании в 1909 г. членов Государственного совета от губерний Северо-Западного и Юго-Западного краев сроком на 1 год. Предполагалось, что

затем, после введения выборных земств, помещики-католики в верхней палате будут замены русскими землевладельцами. Поэтому 1909—1911 гг. в центре общественного внимания оказался вопрос о выборном земстве в западных губерниях Российской империи. Однако, поскольку введение земств затянулось, в 1910 г. избрание членов Государственного совета от съездов землевладельцев состоялось по старым правилам. В верхнюю палату на три года от белорусских губерний снова попали, главным образом, помещики католического вероисповедания. Только от Витебской губернии членом Государственного совета был избран Я.Н. Офросимов.

В марте 1911 г. выборные земские учреждения в Северо-Западном крае, в соответствии с проектом П. А. Столыпина, были введены в Витебской, Минской и Могилевской губерниях. Но только в 1913 г., после истечения сроков избрания членов Государственного совета от съездов землевладельцев, земские собрания смогли выбрать своих представителей в верхнюю палату. Ими стали от Витебской губернии Я. Н. Офросимов, от Минской губернии — правый деятель, отставной полковник Г. А. Лошкарев, от Могилевской губернии — бывший лидер местных октябристов Н. Н. Друцкой-Соколинский. Представителями в Государственном совете от Виленской и Гродненской губерний остались землевладельцы из католического лагеря.

Таким образом, в итоге длительной борьбы октябристам и их союзникам из правомонархического лагеря удалось добиться вначале изменения избирательного закона в Государственную думу, что позволило им увеличить количество депутатов-монархистов в нижней палате, а затем частично, в трех губерниях, решить в свою пользу и вопрос о «русском» представительстве в Государственном совете.

Литература

1. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: В 2 т. М.: РОССПЭН, 1996—2000. Т.1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905—1907 гг. 1996. 408 с.

2. Доклад ЦК «Союза 17 октября» об отпадении некоторых отделов на западных окраинах (1906 г.) // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Фонд 869. Оп. 1. Д. 1299.

3. М. Общее собрание Виленского Отдела союза 17 октября. // Белая Русь. 1906. 22 февраля. С. 3.
4. О разрешении выборов от русского населения на окраинах отдельных представителей в Государственную думу (1906 г.). // РГИА. Фонд 1327. Оп. 2. Д. 36.
5. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна. // Окраины России. 1906. 15 октября. С. 548—549.
6. Обзорение событий и окраинная жизнь. // Окраины России. 1906. 26 ноября. С. 656—661.
7. Обзор деятельности Русского окраинного общества за 1908 г. (Первый год существования). СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1909. 54 с.
8. Обзор деятельности Русского окраинного общества за 1909 г. (Второй год существования). СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1910. 52 с.
9. [Офросимов Я. Н.] VI Съезд уполномоченных объединенных дворянских обществ. Записка о дворянских выборах и представительстве в Государственном Совете западно-русского дворянства 9-ти губерний Западного Края. Б. м., б. г. 8 с.
10. [Никонович Ф. И.] Из дневника члена Государственной Думы от Витебской губернии протоирея о. Федора Никоновича. Витебск, 1912. 272 с.
11. Колмаков В. Дмитрий Васильевич Скрынченко: страницы жизни. // Православное информационное агентство [Электронный ресурс]. 2007. Режим доступа: URL: <http://ros.borda.ru/?1-3-20-00000010-000-0-0> (дата обращения: 12.05.2008).

Я. В. Карпенкіна,
студэнтка, 5 курс, гістарычны факультэт
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск)

**МІЖЭТНІЧНЫЯ СТАСУНКІ ДЗЯЦЕЙ «МЯЖЫ АСЕЛАСЦІ»
РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў XIX — ПАЧАТКУ XX ст.**

Основываясь на мемуарных и этнографических источниках, в статье описывается характер межэтнических взаимоотношений детей, которые проживали в границах «черты оседлости» Российской империи. Автор стремится показать изменения во взаимоотношениях детей на протяжении XIX — начала XX в., опираясь на влияние, которое оказывал «мир взрослых» на «мир детей».

Ja. V. Karpenkina
**THE INTERETHNIC RELATIONS OF CHILDREN
OF THE «PALE OF SETTLEMENT» OF IMPERIAL RUSSIA
IN THE 19TH — BEGINNING OF THE 20th CENTURY**

Based on the memoirs and ethnographical sources, the article describes the nature of inter-ethnic relationship between children who lived and interacted into the «Pale of Settlement» of the Russian Empire. The author tries to show the changes in the relationship of children during the XIX — early XX centuries, and considering the impact that the «world of adults» was being giving to «the world of children».

Тэма міжэтнічных (міжканфесійных/этнаканфесійных) стасункаў у «мяжы аселасці» Расійскай імперыі выдатна раскрываецца ў мемуарыстыцы XIX — пачатку XX стагоддзя. Асабліва гэта тычыцца мемуарных крыніц, створаных яўрэямі (з прычыны іх пражывання ў іншаэтнічным асяроддзі, а таксама пры наяўнасці абмежавальнага заканадаўства, што, у сваю чаргу, абумовіла злабаднеўнасць дадзенага пытання для яўрэяў). Амаль у кожным мемуарным творы так ці інакш уздымаецца пытанне ўзаемаадносін з прадстаўнікамі іншых канфесій, часцей за ўсё хрысціянамі. У хрысціянскіх успамінах тэматыка міжканфесійных стасункаў таксама прысутнічае, але ў значна меншай

ступені. Такім чынам, займаючыся яўрэйскай мемуарыстыкай другой паловы XIX — пачатку XX ст. у поле нашых інтарэсаў трапіла праблематыка міжканфесійных узаемаадносін. І калі на тэму стасункаў паміж сталымі прадстаўнікамі канфесій напісана досыць шмат, то праблема міжэтнічных стасункаў паміж дзяцьмі, калі і ўздымаецца, то мімаходзь.

Лічым неабходным на пачатку даць кароткую характарыстыку іўдэйска-хрысціянскім стасункам між дарослым насельніцтвам, што, безумоўна, мела моцны ўплыў на свет дзіцячых узаемаадносін.

У XIX ст. іўдэі і хрысціяне жылі досыць адасоблена адзін ад аднаго. На гэта ўказвае і планіроўка мястэчкаў «мяжы аселасці», калі населены пункт быў выразна падзелены на дзве часткі [10]. Аднак мы не можам казаць, што пражываючы адасоблена (кожны ў сваім квартале) хрысціяне і іўдэі маглі абыходзіцца без міжэтнічных стасункаў, бо, па-першае, пражыванне ў адным населеным пункце так ці інакш мае на ўвазе шчыльнае суседства; а па-другое, эканамічныя традыцыі дадзенага рэгіёна да XIX ст. склаліся так, што кожны з народаў займаў сваю ўласную нішу ў эканоміцы края. Аб апошнім выразна сведчаць мемуарныя крыніцы: «Различны были и занятия отдельно вероисповедательных групп населения Минска. Православные <...> служили по разным ведомствам. Мещане — частью русские, частью же поляки, — <...> занимались огородничеством, а то и земледелием. Ремесленники почти все были евреи...» [3]. Такім чынам, як трапна заўважае даследчык М. Алексееўскі, для хрысціян найбольш тыпічным кантэкстам узаемаадносін з іўдэямі з'яўляліся дзве сітуацыі: праца на яўрэяў і наведванне яўрэйскіх крамаў, — то было выключна эканамічнае ўзаемадзеянне [1, с. 23]. Між тым розныя рэлігіі і адпаведныя ім нормы жыцця, як і мовы, з'яўляліся непарушнай перашкодай для больш шчыльных, асабістых, стасункаў між рознымі этнасамі. На час XIX ст. такая выразная рознасць культур нярэдка вызывала непаразуменні паміж прадстаўнікамі розных канфесій, у выніку чаго асабістыя стасункі былі амаль немагчымымі. Так, С. М. Гінзбург адзначае, што «знакомств домами с чужими не водили (это вошло в обычай лишь позднее, в 80-х годах)» [3]. Гэтая заўвага дае нам падставу меркаваць, што тым больш не «водили знакомств домами» і з хрысціянамі. Сапраўды, ў ніводнай з мемуарных крыніц няма паведамленняў аб шчыльным сяброўстве сем'ямі з

хрысціянамі, хутчэй можна сустрэць адваротнае: «Общение евреев с христианами имело место лишь в тех случаях, когда приходилось иметь дело с “начальством”, только единичные лица были знакомы (и то не домами) с не евреями» [3]. Такім чынам можам сцвярджаць, што іўдэйска-хрысціянскія кантакты былі выключна на ўзроўні спраў эканамічнага характара і заснаваныя на ўзаемнай выгодзе; своеасабліваць культур стварала перашкоду для больш шчыльных кантактаў.

Неабходна зазначыць, што з большага мемуарысты малююць пазытыўную карціну атмасферы міжэтнічных стасункаў. Напрыклад, Г. Сліэзберг, апісваючы этнаканфесійную сітуацыю ягонага юнацтва (60-я гг. XIX ст.), піша аб прязнасці паміж іўдэямі і хрысціянамі ў стасунках і зазначае, што ў тыя часы нічога не магло «предвещать» будучыя пагромы 80-х гг. [8, с. 56]. Праўда, чытаючы ўспаміны яўрэяў, складваецца ўражанне, што яны ўвесь час як бы пабойваліся хрысціян, не давяралі ім. Гэта выразна, напрыклад, адлюстравана ва ўспамінах Е. Коціка, у якіх можна сустрэць, на першы погляд, узаемавыключальныя сведчанні: «Тогда не слышно было, чтобы крестьяне учиняли насилия над евреями. А если что-то такое происходило — то это был редкий случай» [6]. У іншай частцы гэтага ж твора, калі аўтар воляй лёсу апынуўся адзін з сям’ёй у атачэнні хрысціян, ён ужо ўжо піша крыху ў іншым тоне: «Дрожь пробегала по сердцу: лес, ночь, волки и крестьяне, которые едва ли будут мне добрыми друзьями» [6]. Праўда, наяўнасць культурных адрозненняў часта выклікала непаразуменні, што станавіліся асновай для ўзнікнення рознага кшталту забабонаў, этнічных стэрэатыпаў і нават больш страшных рэчаў такіх, як пагромы (гл., напрыклад, артыкул В. Сабалеўскай «Недоверие как продукт незнания» [9]). Аднак, мяркуючы па мемуарнай спадчыне ашкеназаў «мяжы аселасці», да паграмаў і наогул нейкіх адкрытых сутыкненняў даходзіла крайне рэдка.

Такім чынам, у XIX ст. мелі месца з большага прязныя адносіны паміж хрысціянамі і іўдэямі, абумоўленыя сумесным, хоць і відачна «паралельным» пражываннем у межах адной тэрыторыі, калі характар стасункаў насіў эканамічны характар.

У XX ст. сітуацыя крыху змяняецца: перашкода ў выглядзе культурнага адрознення становіцца больш уражальнай у сувязі з секуралізацыйнымі працэсамі, з пашырэннем сацыялістычных рухаў і

інш. Грамадства пакрысе страчвала традыцыйныя рысы пад удзяннямі мадэрнізацыйных працэсаў. Адпаведна, асабістыя іўдэйскай-хрысціянскія зносіны станавіліся больш пашыранай з’явай. Аднак варта зазначаць — пашыранай, але не паўсямеснай. Так, М. Мардуховіч у сваіх успамінах аб міжваенным жыцці ў м. Жалудок адзначае: «Погромов не было, были обычные драки <...>. Но чувство постоянной опасности и тревоги, страха и неуверенности не покидало евреев, как взрослых, так и детей, и накладывало особую специфику в их поведении» [7, с. 271].

Ці мелі месца межканфесійныя стасункі паміж іўдэйскімі дзецямі і дзецямі хрысціян? Абсалютна ўсе прыгадванні міжканфесійных стасункаў дзяцей у XIX ст., якія пакуль што ўдалося адшукаць у крыніцах, зводзяцца да паказу антаганізму паміж іўдэямі і не іўдэямі. Часта гэта ператваралася ў нейкую «гульню-вайнушку», вельмі зручную тым, што на каманды ўжо падзяляцца не прыходзілася, і ад таго ўсё было нібы сапраўды: згодна з успамінамі Саламона Цэтліна, «еврейские дети вечно “воевали” с христианскими детьми» [12], і кожную суботу хлапчукі яўрэйскіх кварталаў Шклова ішлі з «вайной»на сваіх аднагодак з хрысціянскіх кварталаў. Справа сканчвалася тым, што «обыкновенно, наступающие не выдерживали и бежали без оглядки, побитые и искалеченные» [12]. Цэлую старонку сваіх успамінаў прысвяціў апісанню такіх дзіцячых вайнушак Іраэль-Ешуа Зінгер. Так, непадалёк ад яго роднага мястэчка Ленчын была пустка, якую перадаў мясцовы памешчык ленчынскім яўрэям пад выган. З гэтым ніяк не маглі змірыцца хрысціянскія хлапчукі з ваколіц. Яны часта збіраліся вялікай гурбай і ішлі «адваёўваць» пустку ў яўрэйскіх дзяцей, якія тут увесь час гулялі. Яўрэйскія дзеці абараняліся ў «вежы», якую ўтваралі бяргенні, складзеныя тут ленчынскім лесагандляром. Праўда, гэтае ўкрыццё было не дужа чыстае, «потому что обыватели ходят сюда справлять нужду, невзирая на упреки богача» [5, с. 43]. Але гэта было адзінае ўкрыццё ад наступаючых. Нягледзячы на тое, што, як зазначае мемуарыст, хрысціянскае «войска» было менш за «войско Израиля», яно перамагала, «потому как, во-первых, эти крестьянские мальчишки — большие драчуны, а во-вторых, им помогают собаки, которых еврейские мальчишки боятся до смерти» [5, с. 42—43].

Дарэчы, аб сабаках: сабак сапраўды было не прынята трымаць, бо гэта быў «гойскі» гадаванец. Таму не дзіва, што яўрэская дзятва так

баялася гэтых жывёлаў з вялізнымі моцнымі зубамі. Сустрэаем у Шалома-Алэйхэма такія словы: «Можно и за город пройтись, далеко-далеко, за мельницы, только бы не встретились им крестьянские ребята и не натравили на них собак» [14, с. 11].

Таму гуляць далёка аднаму яўрэйскаму дзіцяці было сапраўды боязна. Бо былі прыцэндэнты. Так, Г. Б. Сліэзберг між іншым прыгадвае, як праваслаўны хлопчык адабраў у яго, шасцігадовага, яблык. Подобную сітуацыю фіксуе ў сваіх мемуарах С. М. Дубноў: хлопцы з царкоўнай вучэльні адабралі ў яго чаротавы кіёчак, што падаравала яму маці. Пры гэтым гісторык прызнаецца: «У меня осталось в душе горькое сознание бессилия против героев первого пережитого мною погрома» [4, с. 31—32]. Распаўсюджанай крыўдой яўрэйскіх хлапчукоў з боку хрысціянскіх з’ўлялася намазванне вуснаў салам, што часта прыгадваецца ва ўспамінах. С. Эфрон фіксуе здарэнне такога характару: « когда мне намазали губы свиным салом, — мать вытирала мне их до крови, а <...> когда накормят колбасой, — давала мне в большом количестве касторку и тоже до крови тёрла губы, язык и нёбо» [16]. Пазней, у канцы XIX ст., калі колькасць вучняў, што паступалі ва ўездныя школы і гімназіі значна павялічылася, гэты «звычай» намазвання вуснаў яўрэйскіх хлапчукоў салам стане для хрысціянскіх дзяцей сваеасаблівым пасвячэннем яўрэйскіх аднагодкаў у сваё кола: «После того как еврея повалили, вымазали ему губы салом и намяли бока, он становился равноправным товарищем, хотя и оставался “Гершкой”» [14, с. 53].

Уражваюць успаміны Ісраэль-Ешуа Зінгера аб сваіх дзіцячых марах — пісьменнік марыў у дзяцінстве аб некалькіх служках, якія б яго жудасна баяліся: «За все годы унижений, которые я вытерпел от крестьянских мальчишек, за все их насмешки, за дразнилку “жид-жид-халамид”, за все годы страха перед стражниками и начальниками, мне очень хотелось превратить всех этих людей в моих слуг» [5, с. 237].

Паступова грамадства станавілася менш традыцыйным. І калі яўрэйская і славянская дзеці ў першай палове XIX ст. усё больш варагавалі паміж сабой, то к канцу гэтага ж стагоддзя сяброўства паміж прадстаўнікамі розных этнасаў становіцца даволі пашыранай з’явай. Гэта звязана з павілічэннем колькасці яўрэйскіх вучняў ў агульнаадукацыйных навучальных установах, дзе былі ўсе ўмовы для міжэтнічнага сяброўства дзяцей. У прыклад тут можна прывесці Бэлу

Шагал, якая прыгадвае на старонках сваіх мемуараў, як да яе прыходзілі ў госці сяброўкі-беларускі, калі Бэла, захварэўшы на ангіну, не наведвала гімназію [13, с. 68]. Менавіта навучанне ў агульнай польскай школе звяло лёсы беларуса Васіля Стомы-Сініцы і яўрэя Абы — хлопчыкі сталі шчырымі сябрамі (гэта ўжо міжваенны час, у ХХ ст.). Яны часта хадзілі адзін да аднаго ў госці, а калі Абе выпадала абедаль у Васіля, то ён ніколі не адмаўляўся і асабліва шанавалі вэнджаную каўбасу і дранікі з салам. Васіль зазначае ў сваіх успамінах: «З усіх сваіх сяброў Аба чамусьці найлепшым лічыў мяне <...>. Аба заўсёды прыходзіў мне на дапамогу» [11, с. 74].

Звесткі аб сяброўскіх стасунках іўдэйскіх і хрысціянскіх дзяцей ў пачатку ХХ ст., а асабліва ў міжваенны час, можна ў значнай колькасці знайсці ў матэрыялах этнаграфічных даследванняў. Вось урывак з інтэрв'ю 2012 г., узятага падчас этнаграфічнай экспедыцыі ў г. п. Жалудок: «Дажде моя сестра умела па-яўрэйску гаворыць, бо яна дружыла с... Броха, была дэвочка с этой хаты. <...> Те явреи приходили до нас в выходные: Хайка, Ривка была. Приходили, сидят, хохочут, рассказывают» [2, с. 68]. Вольга Шчука на падставе сабранай у экспедыцыі інфармацыі робіць наступную выснову датычна міжканфесійных стасункаў іўдэяў і хрысціян у Жалудку: «Население Желудка жило мирно. Особенно дружескими были отношения между еврейскими и славянскими детьми. Они проводили друг с другом много времени» [15, с. 82].

Варта падкрэсліць: у пачатку ХІХ ст. міжэтнічныя стасункі паміж дзецьмі аднаго з самых шматканфесійных рэгіёнаў Расійскай імперыі, тэрыторыі, якая ўваходзіла ў «мяжу яўрэйскай аселасці», насілі досыць варожы і недаверлівы характар. Падобныя адносіны былі абумоўлены характарам жыцця ў традыцыйным грамадстве, дзе ўсе нормы рэгламентаваліся рэлігіяй. Такім чынам, рэлігійнае адрозненне стварала сур'ёзную перашкоду для кантактаў на асабістым узроўне. У шчыльных кантактах з хрысціянамі яўрэйскае грамадства бачыла пагрозу рэлігійнасці і самасвядомасці. Не дзіва, што ад дарослых такі светапогляд перадаваўся да дзяцей.

З цягам часу паскараўся працэс «раскрыцця» яўрэйскага грамадства пад уздзеяннем мадэрнізацыі. Асабістыя стасункі з хрысціянамі пераставалі быць нечым небяспечным для іўдэяў. Для іх нормай

станавілася адпраўляць дзяцей ў агульнаадукацыйныя навучальныя ўстановы, дзе яўрэйскія дзеці пачыналі сваё знаёмства з ладам жыцця і нормаў аднагодак-хрысціян. Працэс гэты набіраў абароты, і ўжо не было дзіўным, што яўрэйскія і славянскія дзеці гуляюць разам.

Літаратура

1. Алексеевский М. «Еврейский характер» в этнокультурных стереотипах жителей Латгалии. // Утраченное соседство: Евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011—2012 годов. М., 2013. С. 19—35.

2. Белова О. Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины). // Желудок: память о еврейском местечке. М., 2013. С. 63—81.

3. Гинзбург С. Из давнего прошлого. Отрывки из книги. // Мишпоха. 2002. № 11 (1). С. 29—37. Рэжым доступа: URL: http://mishpocha.org/nomer11/saul_ginzburg.php (дата обращения: 03.09.2013).

4. Дубнов С. М. Книга моей жизни. Воспоминания и размышления. Материалы по истории моего времени. СПб., 1998.

5. Зингер И-И. О мире, которого больше нет. М., 2013.

6. Котик Е. Мои воспоминания. Т. 2. Рэжым доступа: URL: http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Kotik/Vol_2_ch_12.htm (дата обращения: 06.10.2012).

7. Мордухович М. Местечко Желудок. // Желудок: память о еврейском местечке. М., 2013. С. 267—300.

8. Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. // Евреи в России, XIX век. М., 2000.

9. Соболевская О. Недоверие как продукт незнания: бытовой антисемитизм в Белоруссии (конец XVIII — середина XIX века). // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга: сборник статей. М., 2003. С. 376—385.

10. Соркіна І. Мясцічкі Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. Вільня, 2010.

11. Стома-Сініца В. Маё мястэчка. // Польша. 1998. № 9—12.

12. Цетлин С. Из дневника. // Мишпоха. 2006. № 18 (май). Рэжым доступа: URL: <http://www.mishpoha.org/n18/18a06.php> (дата обращения: 08.07.2013).
13. Шагал Б. Горящие огни. М., 2006.
14. Шолом-Алейхем. С ярморки. М., 1957.
15. Щука О. Евреи в представлении жителей деревни Фарный Конец. // Желудок: память о еврейском местечке. М., 2013. С. 82—84.
16. Эфрон С. Из воспоминаний о еврейском прошлом. Рэжым доступа: URL: <http://www.booknik.ru> (дата обращения: 09.07.2013).